

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве художника Иеронима Босха
читайте на стр. 66

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада   **Чапай**.....4

Литературные страницы МСПС

Ирина Лыкова   **Лидочка и майор**.....20

Владимир Федоров   **Большая белая рыба** 42

Вахтанг Абхазоу   **Стихи** 60

Шедевры

Ирина Опимах   **Иероним Босх.
«Сад радостей земных»**..... 66

Замечательные современники

Евгения Гордиенко   **Олег Басилашвили. Из Москвы
в Петербург с талантом** 76

Татьяна Харламова   **Личный контакт** 117

Это интересно

Алла Зубкова   **Волшебник из Генуи** 84

Год литературы

Илья Рюмин   **Родом из Овсянки** 96

Рассказ

Хелью Ребане   **Страшная сила** 108

Детектив

Андрей Дышев   **Дальнобойщица** 130

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фрагмент картины Иеронима Босха
«Сад радостей земных»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8300

Зак. №2567

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.05.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Судьбу свою Семен Михайлович Буденный выбирал сознательно. Как он шутил позже, «решил, что лучше быть маршалом в Красной армии, чем офицером — в белой». И если он еще до революции был живой легендой, то после нее слава Буденного стала просто сказочной. Конница Буденного считалась одной из самых элитных частей Красной армии, а сам он был трижды Героем Советского Союза. В его личной жизни происходило все то же самое, что и в жизни обычных людей: любовь, браки, измены, разводы... И лишь с третьей попытки он нашел свое семейное счастье, когда ему, легендарному маршалу, уже перевалило за пятьдесят...

Светлана **Бестужева-Лада** «Маршал Буденный»

« Морские международные арктические экспедиции стали уже традицией. Ученые проводят уникальные эксперименты, чтобы разгадать тайны, связанные с Севером, ведь «белых пятен» в истории исследования Арктики до сих пор немало. Об этом и о многом другом рассказывает в своей беседе с нашим корреспондентом **Татьяной Харламовой** доктор физико-математических и исторических наук **Петр Владимирович Боярский**.

« Бывают актеры, которым, кажется, подвластно все. И страшенькая директриса научного института, и нежная красотка в клетчатом платье, и малыш, угощающий Карлсона плюшками, и прекрасная королева, и немолодая любительница распутывать детективные сюжеты. Конечно, все эти роли были сыграны в разное время, но — одной актрисой. И она, великая и удивительная Алиса Бруновна Фрейндлих, действительно может сыграть что угодно...

Евгения **Гордиенко** «Любимая "мымра"»

« Ницше называл его «величайшим открытием своей жизни». Курт Воннегут говорил: «Если вы хотите все знать о жизни, прочтите «Братьев Карамазовых». Его почитали Хемингуэй, Цвейг, Камю, многие другие писатели и великие мыслители. Федор Михайлович Достоевский — действительно символ русской души, почти во всех его произведениях — большой, смутной и совершенно непонятной для многих...

Денис **Логинов** «Наказание без преступления»

« Молодая актриса театра и кино **Юлия Пересильд** снялась более чем в тридцати картинах, а в этом году на международном кинофоруме в Китае она была отмечена призом за лучшую женскую роль в фильме «Битва за Севастополь», где сыграла роль снайпера — Героя Советского Союза Людмилу Павличенко. Кроме того, Юлия — лауреат кинопремии «Золотой орел», театральных премий «Хрустальная Турандот» и «Звезда театрала», а также лауреат премии Президента РФ для молодых деятелей культуры. Беседу с этой талантливой артисткой провела журналист Елена **Воробьева**.

« Окончание детектива Андрея **Дышева** «Дальнобойщица»

Светлана
Бестужева-
Лада

По сути, превращение из простого командира Красной армии в легенду началось еще при жизни Чапаева — благодаря его солдатской удали и полководческим талантам. Однако окончательный вариант «мифа о Чапаеве» сформировался благодаря книге Фурманова (в жизни — боевой товарищ Чапая, один из комиссаров Чапаевской дивизии), а затем и одноименному фильму братьев Васильевых.

Впрочем, если бы не книга и не фильм, быть бы Чапаеву «одним из» — легендарных командиров в Красной армии хватало. Так что же это за феномен такой?

Чапай

Вообще-то, всем известный Василий Иванович — не «Чапай», а «Чепай». Он и подписывался как «Чепаяев». Замена буквы произошла по прихоти Дмитрия Фурманова, автора романа о подвигах легендарного комдива. А вооб-

ще кумир советских мальчишек мог бы быть Гавриловым — по крайней мере, его предки носили именно эту фамилию.

«Переломил» фамильный ряд дед будущего героя, Степан Гаврилович. В 1880-х он с товарищами подрядился грузить бревна, а по роду службы ему приходилось кричать товарищам: «Чепай, чепай!», то есть, «цепай» — «бери» (переход «ц» в «ч» — особенность местного говора в Чебоксарах, неподалеку от которых и родился будущий комдив).

В итоге прозвище «Чепай» так и прикрепились к деду, а впоследствии перешло и к его потомкам в виде фамилии «Чепаевы».

Василий Чапаев (будем придерживаться устоявшегося написания фамилии) родился 9 февраля 1887 года в деревне Будаика в Чувашии. Он был шестым ребенком в бедной крестьянской семье. Отец его, Иван Степанович, по профессии был плотником, имел небольшой земельный надел, но своего хлеба никогда не хватало, и потому он подрабатывал извозчиком в Чебоксарах.

Ребенок родился недоношенным, и повитуха сообщила, что мальчик, скорее всего, не выживет. Но бабушка выходила чахлого младенца — она заворачивала его в теплую «варежку» и постоянно держала у печки. Народное средство помогло — мальчик не только выжил, но и окреп, и выправился, и к шести годам уже ничем не отличался от своих сверстников.

В поисках лучшей доли семья переехала в село Балаково Николаевской губернии, где появилась возможность учиться. Десятилетнего

Васю отдали в церковноприходскую школу, где он проучился два года — научился сносно писать и читать по слогам. Однажды он был наказан за провинность — его посадили в холодный зимний карцер в одном белье. Поняв через час, что околевает, ребенок выбил окно и спрыгнул с высоты третьего этажа, сломав себе руки и ноги. Так закончилась учеба Чапаева.

Калекон он, слава богу, не стал. С 12 лет Вася работал у купца, затем половым в чайной, помощником шарманщика, помогал отцу в плотницком деле. Отслужив срочную службу, он вернулся домой и сразу женился: 5 июля 1909 года 22-летний Василий Иванович Чапаев обвенчался с 17-летней крестьянкой села Балакова Пелагеей Никаноровной Метлиной, а к началу Первой мировой уже был отцом семейства — трое детей.

В годы войны Чапаев дослужился до фельдфебеля, участвовал в знаменитом Брусилловском прорыве,

был несколько раз ранен и контужен, его ратный труд и личная храбрость были отмечены тремя Георгиевскими крестами.

Правда, жена героя... ушла к соседу, но это впоследствии не помешало ей стать официальной вдовой легендарного комдива.

Так что знаменитый диалог с крестьянами в фильме о том, к какой партии принадлежит Чапаев, — выдумка чистой воды. Как и хлесткая фраза: «Я за Интернационал», которую, по-видимому, вложил в уста комдива Фурманов, неоднозначно относившийся к своему ко-

Ребенок родился недоношенным, и повитуха сообщила, что мальчик. Скорее всего, не выживет. Но бабушка выходила чахлого младенца — она заворачивала его в теплую «варежку» и постоянно держала у печки. Народное средство помогло — мальчик не только выжил, но настолько выправился и окреп, что к шестилетнему возрасту уже ничем не отличался от своих сверстников

Побывав дома в отпуске, Чапаев забрал детей у жены и перевез их в дом к своим родителям.

По ранению Чапаев был отправлен в тыловой Саратов, гарнизон которого подвергся революционному разложению в 1917 году. В солдатских беспорядках принял участие и Чапаев, примкнувший первоначально, по свидетельству его боевого товарища И.С. Кутякова, к анархистам и оказавшийся в итоге председателем ротного комитета и членом полкового комитета. Наконец, 28 сентября 1917 года, Чапаев вступил в большевистскую партию, а уже в октябре он стал военным руководителем Николаевского красногвардейского отряда.

мандиру. Он периодически писал доносы на Чапаева, но позже в своих дневниках признался, что элементарно завидовал легендарному комдиву. К тому же яблоком раздора в их дружбе была жена Фурманова — Анна Никитична.

Чапаев оказался одним из военных профессионалов, на которых опирались большевики Николаевского уезда Самарской губернии в борьбе с выступлениями крестьян и казаков. В начале 1918 года он сформировал и возглавил 1-й и 2-й Николаевские полки, вошедшие в состав Красной армии Саратовского Совета.

В боях с казаками и интервентами-чехами Чапаев показал себя

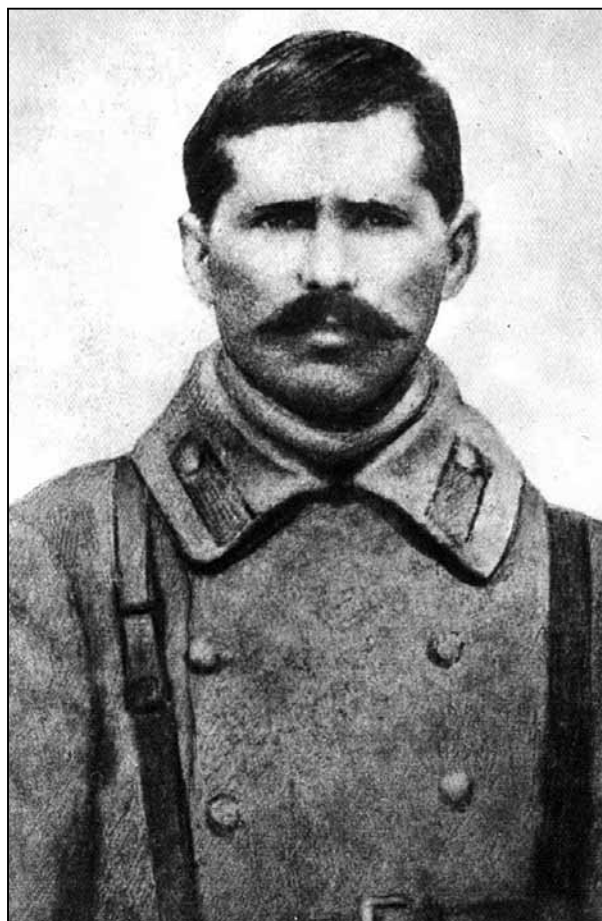

твердым руководителем и отличным тактиком, умело оценивавшим обстановку и предлагавшим оптимальное решение, а также храбрым командиром, пользовавшимся авторитетом и любовью бойцов, который неоднократно лично водил войска в атаку. С осени 1918 года Чапаев командовал Николаевской дивизией, называвшейся иногда из-за малочисленности отрядом Чапаева.

В ноябре того же года его для повышения образования командировали в только что созданную академию Генерального штаба РККА в Москву.

О академических успехах комдива многое скажет такой пассаж:

«Я про Ганнибала раньше не читал, но вижу, что он был опытным полководцем. Но я во многом не согласен с его действиями. Он совершал много ненужных перестроений на виду у противника и тем раскрывал ему свой план, медлил в своих действиях и не проявил настойчивости для окончательного разгрома неприятеля. У меня произошел случай, похожий на обстановку во время битвы при Каннах. Это было в августе, на реке Н. Мы пропустили до двух полков белых с артиллерией через мост на наш берег, дали им возможность вытянуться вдоль дороги, а затем открыли ураганный артиллерийский огонь по мосту и со всех сторон бросились в атаку. Ошеломленный противник не успел опомниться, как был окружен и почти полностью уничтожен. Остатки его

бросились к разрушенному мосту и вынуждены были ринуться в реку, где в большинстве потонули. В наши руки попали 6 орудий, 40 пулеметов и 600 пленных. Этим успехом мы достигли благодаря стремительности и неожиданности нашей атаки».

Военная наука оказалась народному вожаку не по плечу, проучившись несколько недель, Чапаев самовольно бросил академию и вернулся на фронт — заниматься тем, что он знал и умел.

«Учеба в академии — дело хорошее и очень важное, но обидно и жалко, что белогвардейцев колотят без нас» — впоследствии говорил он.

В конце марта 1919 года Чапаев по приказу командующего Южной

*В. Чапаев,
Д. Фурманов
(вверху),
порученец
Чапаева
Петр Исаев
(«Петька»,
внизу слева)
и Семен
Садчиков.
Июнь 1919 г.*

группой Восточного фронта РСФСР М.В. Фрунзе был назначен начальником 25-й стрелковой дивизии. Дивизия участвовала в отражении весеннего наступления армий адмирала А.В. Колчака, в Бугуруслан-

ской, Белебейской и Уфимской операциях, предрешивших провал колчаковского наступления. В этих операциях дивизия Чапаева осуществляла обходы противника, и такая маневренная тактика стала

визитной карточкой Чапаева и его дивизии.

Крупным успехом стало форсирование реки Белой, приведшее к взятию Уфы 9 июня 1919 года и дальнейшему отходу белых. Тогда Чапаев, находившийся на передовой, был ранен в голову, но остался в строю. За боевые отличия он был награжден высшей наградой — орденом Красного Знамени, а его дивизия удостоилась почетных революционных Красных знамен.

Чапаев выделился как самостоятельный командир из унтер-офицеров старой армии. Эта среда дала Красной армии много талантливых военачальников, в том числе таких, как С.М. Буденный и Г.К. Жуков. Его дивизия считалась одной из лучших на Восточном фронте. Во многом он был именно народным вожаком, воевавшим партизански-

ственно в ходе боев, человеком бесхитростным и хитрым одновременно. При этом он сумел вписаться в структуру РККА, и был в полной мере использован большевиками в их интересах. Правда, далеко не все в его дивизии обстояло благополучно, особенно по части дисциплины. Достаточно отметить, что во 2-й бригаде дивизии процветало «безграничное пьянство, безобразия с посторонними людьми», командиры конфликтовали с комиссарами, имели место даже случаи побоев. Сложными были взаимоотношения Чапаева и комиссара его дивизии Д.А. Фурманова. Они дружили, но порой ссорились из-за взрывного характера начдива.

Чапаев — Фурманову. Уфа, июнь 1919 года:

«Товарищ Фурман. Прошу обратить внимание на мою к Вам записку,

В боях с казаками и интервентами-чехами Чапаев показал себя твердым руководителем и отличным тактиком, умело оценивавшим обстановку, а также храбрым командиром, пользовавшимся авторитетом и любовью бойцов, он неоднократно лично водил войска в атаку

ми методами, но при этом обладавшим настоящим полководческим чутьем, огромной энергией и инициативой, заражавшей окружающих, командиром, стремившимся постоянно учиться на практике, непосред-

я очень огорчен Вашим таким уходом, что Вы приняли мое выражение на свой счет, о чем ставлю Вас в известность, что Вы еще не успели мне принести никакого зла, а если я такой откровенный и немного горяч,

нисколько не стесняясь Вашим присутствием, и говорю все, что на мысли против некоторых личностей, на что Вы обиделись, но чтобы не было между нами личных счетов, я вынужден написать рапорт об устранении меня от должности, чем быть в несогласии с ближайшим своим сотрудником, о чем извещаю Вас как друга. Чапаев».

Кстати о Фурманове. Его настоящая фамилия — Фурман. Так он значился и в первых изданиях его книги «Чапаев», лишь позднее начав подписываться как Фурманов. Посвятить свою жизнь литературе он окончательно решил еще в реальном училище города Кинешмы. В августе 1912 года поступил в Московский университет на филологический факультет, который окончил в 1915 году, но экзаменов не сдавал.

Принял участие в Первой мировой войне в качестве брата милосердия РОКК, в чине прапорщика. В санитарном поезде познакомился с сестрой милосердия Анной Стешенко и женился на ней.

Летом 1918 года вступил в РКП(б) — на год позже Чапаева. Во главе красногвардейского отряда принимал участие в подавлении Ярославского восстания. По проекции Фрунзе, с которым он в то время сблизился, стал руководить пропагандой среди военных частей Ярославского округа. В начале 1919 года был направлен на Восточный фронт, комиссаром 25-й стрелковой дивизии, которой командовал

В.И. Чапаев. Через три месяца из-за конфликта с Чапаевым на почве ревности (у Чапаева возник роман с женой Фурманова Анной Стешенко) был переведен в Туркестан.

Рядом с легендарным комбригом он провел всего-навсего три месяца, но именно они позволили ему впоследствии триумфально войти в советскую литературу и стать секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП). Им было написано и издано четыре книги — «Красный десант», «Чапаев», «В восемнадцатом году» и «Мятеж». И хотя две книги вошли впоследствии даже в школьные программы, имя Фурманова осталось бы неизвестным, если бы не снятый по его роману «Чапаев» в 1934 году режиссерами братьями Васильевыми одноименный фильм, завоевавший в СССР огромную популярность.

После Уфимской операции чапаевская дивизия была вновь перебросена на фронт против уральских казаков. Действовать приходилось в степной местности, вдали от коммуникаций (что затрудняло снабжение дивизии боеприпасами), в условиях жары и при превосходстве казачества в коннице. Подобная обстановка постоянно угрожала флангам и тылу. Борьба здесь сопровождалась взаимным ожесточением, зверствами по отношению к пленным, бескомпромиссностью противостояния.

В результате конного рейда казаков штаб чапаевской дивизии в Лби-

щенске, расположившийся на удалении от главных сил, был окружен и уничтожен. 5 сентября 1919 года Чапаев погиб: по одним данным, переплывая через Урал, по другим — умер от ран в ходе перестрелки.

Гибель Чапаева, произошедшая вследствие беспечности, была прямым следствием его порывистого и бесшабашного характера, выражавшего необузданную народную стихию.

О том, как погиб сам Чапаев, до сих пор спорят историки.

Сражение в Лбищенске было жестоким. Несмотря на то, что красных застали врасплох, сопротивлялись они отчаянно. Много казаков полегло в то утро. Погиб и командир казачьего отряда полковник Бородин, пытавшийся вынести из-под пулеметного огня раненого казака.

Дочь Чапаева Клавдия писала:

«...когда Василия Ивановича ранило, комиссар Батулин приказал им из забора сделать плот и всеми правдами-неправдами суметь переправить Чапаева на другой берег Урала. Они сделали плот и на тот берег Василия Ивановича все-таки переправили. Когда гребли, он был жив, стонал... А как к берегу доплыли — его не стало. И чтобы над его телом не издевались, они закопали его в прибрежном песке. Закопали и забросали камышами. Потом сами потеряли сознание от потери крови».

Эта информация сильно взволновала правнучку комдива. Она хотела организовать поиск останков Чапаева, но оказалось, что в том месте, где он умер, и раньше был берег, теперь течет Урал.

*Чапаев
с женой
Пелагеей
Никаноровной,
1916 г.*

Существуют, правда, также и показания хорунжего Белоножкина, участвовавшего в Лбищенском рейде уральских казаков, результатом которого и стал разгром штаба 25-й дивизии.

Уже после Гражданской войны Белоножкин спьяну похвастался, что именно он застрелил плывущего через Урал раненого Чапаева. На бывшего хорунжего донесли, он был арестован и подтвердил свои слова на допросе.

Белоножкина же почему-то амнистировали, он участвовал в Отечественной войне, был контужен, потерял слух, демобилизовался в 1943 году, дожил до 1995 года и умер в 96-летнем возрасте. То, что он умер своей смертью в весьма преклонном возрасте, косвенно свидетельствует

о том, что Советская власть все-таки не поверила в то, что именно он застрелил Чапаева.

Еще одну версию гибели Чапаева изложила газета «Красноярский рабочий». В номере от 9 февраля 1926 года газета сообщала, что в Пензе арестован колчаковский офицер Трофимов-Мирский, служивший на тот момент счетоводом в пензенской артели инвалидов. Тот признался, что лично расстрелял Чапаева, попавшего в плен к белым. Дальнейшая судьба офицера-счетовода неизвестна.

Так или иначе, Чапаев прожил короткую (погиб в 32 года), но яркую жизнь. Сейчас довольно сложно представить, каким же он был на самом деле — слишком много мифов и преувеличений окружает об-

раз легендарного начдива. Например, по одной из версий, весной 1919 года красные не сдали противнику Самару лишь из-за твердой позиции Чапаева и Фрунзе и вопреки мнению военспецов. Но, судя по всему, эта версия не имеет ничего общего с реальностью.

Анка — вообще образ мало того, что вымышленный, так еще и собирательный. Прототипом его стала обычная санитарка Мария Попова. В один из боев она пробралась к раненому пулеметчику, а тот, угрожая расстрелом, приказал залечь рядом и жать на гашетку «Максима». Де-

Чапаев выделился как самостоятельный командир из унтер-офицеров старой армии. Во многом он был народным вожаком, воевавшим партизанскими методами, но при этом обладавшим настоящим полководческим чутьем и энергией, заражавшей окружающих, человеком бесхитростным и хитрым одновременно

Еще одной позднейшей легендой является то, что против Чапаева всячески боролся Л.Д. Троцкий. На самом деле, наоборот, именно Троцкий наградил Чапаева золотыми часами, выделив его среди остальных командиров. (Это впоследствии могло очень дорого обойтись награжденному, не погибни он геройской смертью до начала печально известных «чисток» в стране.)

Конечно, Чапаева трудно отнести к полководцам традиционного склада. Это, скорее, партизанский вождь, своего рода «красный атаман».

Рядом с реальным человеком возникли и созданные фантазией режиссеров фильма «Чапаев» образы, в частности, Анки-пулеметчицы.

Еще одной позднейшей легендой является то, что против Чапаева всячески боролся Л.Д. Троцкий. На самом деле, наоборот, именно Троцкий наградил Чапаева золотыми часами, выделив его среди остальных командиров. (Это впоследствии могло очень дорого обойтись награжденному, не погибни он геройской смертью до начала печально известных «чисток» в стране.)

Конечно, Чапаева трудно отнести к полководцам традиционного склада. Это, скорее, партизанский вождь, своего рода «красный атаман».

Рядом с реальным человеком возникли и созданные фантазией режиссеров фильма «Чапаев» образы, в частности, Анки-пулеметчицы.

Анкой же героиня стала, опять же, по настоятельной рекомендации Анны Фурмановой, которая была консультантом фильма и даже сама претендовала на роль легендарной пулеметчицы.

А вот Петька, в отличие от Анки, был лицом совершенно реальным, только Петькой его мало кто звал. Штабс-капитан Петр Семенович Исаев командовал в 326-м пехотном Белограйском полку той самой ротой, в которой в Первую мировую служил фельдфебелем Василий Иванович Чапаев.

После Февральской революции и Чапаев, и Исаев стали в полку членами полкового комитета — оба происходили из крестьян, но Петр, в отличие от малограмотного Чапаева, закончил в Саратове реальное училище, что и помогло ему впоследствии стать офицером.

После Октябрьской революции солдаты избрали Чапаева командиром полка. Не успевших сбежать офицеров солдаты перекололи штыками. Однако своего друга-офицера Чапаеву удалось спасти, сделав его... своим адъютантом. После этого адъютант сам не раз спасал жизнь Чапаева, а будучи человеком образованным, подсказывал своему бывшему подчиненному пути решения тактических и оперативных задач. Он был верной опорой начальника вплоть до момента его гибели. Исаев, а вовсе не Фурманов.

Как погиб сам Исаев, доподлинно неизвестно. По одной из версий — вместе с Чапаевым, по другой — сам застрелился после гибели ко-

мандира, не ожидая для себя ничего хорошего. Лишь недавно стало известно, что дожил он до 1929 года и умер от брюшного тифа.

Героическая гибель Чапаева первоначально ничего не изменила в судьбе его семьи, которую он с начала войны фактически не видел. Но после выхода на экраны страны легендарного фильма все волшебным образом переменялось.

Александр, его сестра Клавдия и брат Аркадий воспитывались под бдительным оком советской власти. Семья погибшего героя ни в чем не нуждалась. Оба брата избрали военную карьеру. Младший Аркадий стал летчиком и в 1939 году разбился во время тренировочного полета. Александр же стал артиллеристом, и к началу войны преподавал в Подольском артиллерийском училище.

С началом войны при училище был сформирован 696-й артиллерийский полк, в котором капитан Чапаев был назначен командиром дивизиона противотанковых орудий. Вскоре часть отправилась на фронт. В октябре-декабре 1941 года, вместе со своим дивизионом в составе 511-го гаубичного артиллерийского полка, Чапаев сражался на подступах к Москве.

Там он впервые был ранен, но, подлечившись, вернулся к командованию дивизионом, и уже 5 февраля 1942 года вместе с ним отразил крупную немецкую контратаку под Ржевом. Умело применяя шрапнель, а на близких дистанциях даже картечь, артиллеристы выкосили два немецких батальона. Именно тогда

Александр Чапаев понял, что его артиллеристы могут воевать без поддержки пехоты.

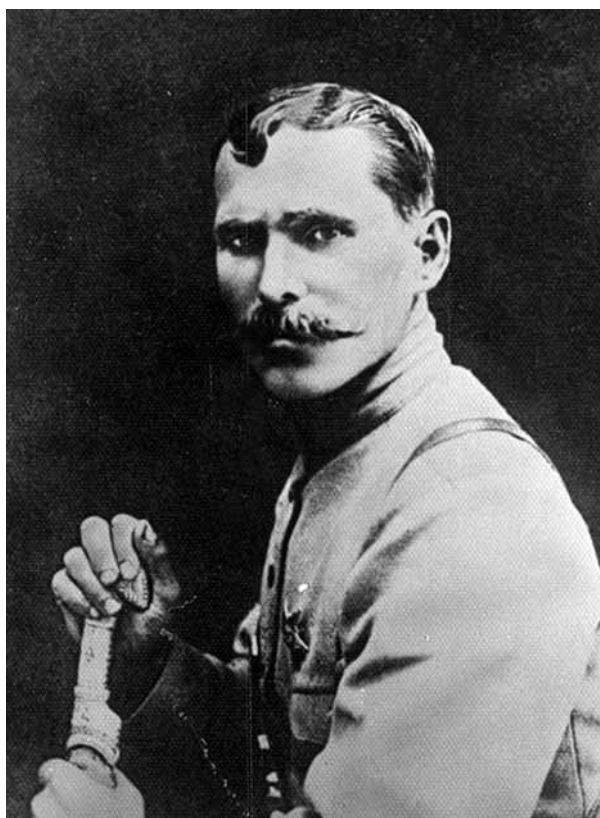
12 июля 1943 года Александр Чапаев участвовал в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой. Его артиллеристы мастерски отражали многочисленные танковые атаки немцев. Здесь Чапаев был ранен вторично, после чего три месяца находился на излечении.

Через год, когда он был уже подполковником, его полку вновь пришлось вступить в единоборство с противником без поддержки нашей пехоты.

В те дни крупные силы немцев попали в окружение в районе села Синие Липяги в Нижнедевицком районе Воронежской области. Воспользовавшись тем, что с запада их сдерживали лишь ослабленные длительным наступлением стрелковые подразделения, немцы вырвались из окружения. На пути у них не было ни стрелковых, ни танковых частей. Единственной силой, способной их остановить, оказался истребительно-противотанковый артиллерийский полк Чапаева.

И тут ему вновь пригодились шрапнель и картечь. Более тысячи немцев были уничтожены, а оставшиеся в живых 403 человека сдались в плен нашим артиллеристам. В качестве трофеев чапаевцам досталось 11 орудий, 27 пулеметов, 19 автоматов, 729 винтовок и 51 лошадь.

Однако на этом артиллеристы не остановились и, не дожидаясь подхода пехоты, взяли деревню Пятихатки, разгромив находящийся там

батальон противника, после чего первыми ворвались в оставленный противником Харьков.

В октябре 1943 года Чапаеву вручили орден Александра Невского, а в ноябре назначили командиром 64-й пушечной артиллерийской бригады. Снова передний край в составе 1-го Прибалтийского фронта.

4 июля 1944 года войска под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна штурмом овладели городом Полоцком — важным железнодорожным узлом. В приказе Верховного главнокомандующего в числе отличившихся были названы артиллеристы генерала Н.М. Хлебникова и подполковника А.В. Чапаева.

14 сентября 1954 года в Оренбургской области, на Тоцком полигоне, на учениях была взорвана плутоние-

Д.А. Фурманов

вая атомная бомба на высоте 358 метров, ее мощность составляла от 40 до 60 килотонн, что в несколько раз больше той, что взорвали над Хиросимой на высоте 600 метров.

Командиром одной из бригад был полковник Александр Васильевич Чапаев. Бригада Чапаева, прибывшая на Тоцкий полигон из Владимира, получила новые реактивные установки. Людей предупредили: взрыв будет сопровождаться очень яркой вспышкой, однако о том, что будет взорвана атомная бомба, никто из военнослужащих не знал. Это были испытания первой созданной в Советском Союзе атомной бомбы. После взрыва картина была ужасающей: выжженная земля, обугленные деревья, запекшиеся трупы животных, оставленных на этой территории в качестве подопытных.

После испытаний проверили, как последствия взрыва атомной бомбы отразились на участниках испыта-

Петька

ний. Альфа-бэта-гамма дозиметры зашкаливало, в том числе и у Александра Чапаева. В сводках было отмечено: «Ни один участник учений сразу не пострадал, забота о безопасности людей была на должном уровне». Умолчали лишь о том, сколько пришлось потом участникам эксперимента обследоваться по госпиталям и больницам, не рискуя сказать причину заболеваний, чтобы не раскрыть военную и государственную тайны.

Весной 1956 года бригада, которой командовал Чапаев, была расформирована, а ее командира направили на Высшие академические курсы при Военной академии имени Дзержинского.

По окончании курсов А.В. Чапаева назначили командующим артиллерией Приволжского военного округа, с присвоением, в мае 1959 года, воинского звания генерал-майор артиллерии.

Завершил военную службу Александр Чапаев, занимая должность заместителя командующего артиллерией Московского военного округа.

Будучи уже на пенсии, он активно занимался военно-патриотической работой. Часто посещал 25-ю гвардейскую дивизию имени своего отца — В.И. Чапаева, где проводил занятия с молодыми воинами.

Умер А. В. Чапаев 7 марта 1985 года в городе-герое Москве.

Дети Александра Васильевича, кроме старшего сына Валентина, который дослужился до звания полков-

«Тихий Дон» Сергея Бондарчука и другие).

Сын Аркадий — кинооператор, дипломат, экономист. В частности, Аркадий Александрович был кинооператором известнейшего советского фильма «Чисто английское убийство», в котором в главных ролях снимались Алексей Баталов и Георгий Тараторкин.

Затем продолжительное время находился на дипломатической службе, представляя интересы СССР и России в зарубежных странах, а также в представительстве страны при ООН. Рабо-

В результате конного рейда казаков штаб чапаевской дивизии в Лбищенске был окружен и уничтожен. 5 сентября 1919 года Чапаев погиб: по одним данным, переплывая через Урал, по другим — умер от ран в ходе перестрелки. Одно можно сказать точно — гибель его была прямым следствием порывистого и бесшабашного характера, выразившего необузданную народную стихию

ника ракетных войск, избрали совсем иную жизненную стезю. Старшая дочь Татьяна получила высшее кинематографическое образование, является членом союза кинематографистов как художник-постановщик по костюмам высшей категории (к/с «Мосфильм»). С ее участием в качестве художника-постановщика снято более 25 картин (в основном, масштабно-исторических): «Емельян Пугачев», «Лермонтов», «Берега в тумане», «Особо важное задание»,

тал на руководящих должностях в федеральных министерствах.

Чапаеву не повезло с объективной биографией. После публикации в 1923 году книги Фурманова и в особенности после выхода на экраны в 1934 году знаменитого фильма Сергея и Георгия Васильевых Чапаев, представлявший собой фигуру далеко не первого плана, был раз и навсегда зачислен в когорту избранных героев Гражданской войны. К этой

группе относили безопасных в политическом отношении (потому что покойных) красных военачальников — Фрунзе, Щорса, Котовского и других. Деятельность таких мифологизированных персонажей освещалась только в позитивном свете.

Однако в случае с Чапаевым не только официальные мифы, но и художественный вымысел прочно заслили реальную историческую фигуру. К тому же многие бывшие чапаевцы продолжительное время занимали высокие посты в советской военно-административной иерархии.

го становились не просто неудобными, но и опасными. Поэтому те из них, кто не погиб из-за собственной бесшабашности, были вскоре ликвидированы.

Повезло и Фурманову — ранняя смерть в 1926 году от менингита спасла его от многих неприятностей, которые, несомненно, случились бы. Уже с высокой температурой Фурманов продолжал выступать на писательских собраниях, требуя выполнения решений ЦК партии по литературе, призывая очистить ряды писателей от

Одной из легенд, которых так много вокруг этой неординарной фигуры, есть и такая, что против Чапаева всячески боролся Л.Д. Троцкий. На самом деле, наоборот, именно Троцкий наградил Чапаева золотыми часами, выделив его среди остальных командиров. Этот факт впоследствии мог дорого обойтись награжденному, не погибни он геройской смертью до начала печально известных «чисток» в стране

Гибель Чапаева была прямым следствием его порывистого и бесшабашного характера, выразившего необузданную народную стихию. Весьма вероятно, что он все-таки не утонул, а умер от ран. Однако, обращаясь к судьбам других народных вожаков Гражданской войны, таких как Миронов или Щорс, трудно себе представить Василия Ивановича дожившим до конца той войны. Такие люди были нужны большевикам только на период борьбы, после че-

двурешников, интриганов и склочников.

На Чапаева ведь тоже в свое время доносы писал, а потом написал книгу, где вывел себя рыцарем без страха и упрека. А ведь все начиналось с того, что Чапаев увлекся женой своего комиссара. Фурманов аккуратно собирал и хранил компромат на начдива, в том числе письмо, где Чапай подписался как «Л[юбящи]й Вас». Фурманов ответил резким письмом: «Эти все до-

кументы у меня на руках, и при случае я покажу их кому следует, чтобы раскрыть Вашу гнусную игру», и далее в том же письме: «Когда будет нужно, я обнажу документы и расчешу по косточкам всю Вашу низость».

Накануне, 25 июня, Фурманов написал пространный рапорт Фрунзе с перечислением всех прегрешений Василия Ивановича, но без упоминания истинной причины конфликта, особо отметив, что не доверяет

начдиву и требует его замены, так как Чапаев опасен.

Однако, в итоге, заменили не Чапаева, а самого автора рапорта. Интересно, что Фурманов впоследствии считал, что именно его отзыв из 25-й дивизии спас ему жизнь, и он не погиб вместе с Чапаевым в бою 5 сентября 1919 года.

В который раз можно поражаться мудрому французскому изречению: «Ищите женщину»! □

Ирина Лыкова

Лидочка и майор

То ли сказка, то ли быль —
с прошлых дней стираем пыль...

Ах, как сияет лучистое февральское солнце! — рассыпаясь миллионами искр от улежавшихся сугробов и пышных еловых накидок — в чистейшем, до слез голубом небе... Весело на душе у Лидочки (для учеников и коллег Порыванской семилетней школы — Лидии Палны). Еще бы! Сегодня привезли давно обещанный картофель из райцентра, причем ей выпала нежданная удача: задержавшаяся на факультативе и полная тревожных мыслей, прибежала к шапочному разбору, но — о чудо! — древний и суровый завхоз Антипыч, поворчав для порядка, вывалил «несерьезной дамочке» все остатки, что почти вдвое превысило норму. Лидочка попыталась возразить, но владыка сокровищ только грубовато толкнул ее в плечо, вали, мол, и захлопнул дверь кладовки.

Морозец заметно покусывал нос и щеки, и молодая женщина прибавила шаг, торопясь домой, лишь иногда останавливалась, чтобы потереть онемевшие места. Детские санки, нагруженные тяжелым мешком, скользили неважно, приходилось часто дергать веревку, к тому же тропинка пошла в гору — началась крутая железнодорожная насыпь, идти по которой особенно трудно. Снег, припорошенный паровозной сажой, утратив всякий блеск, жестко хрустел под ногами.

Вдруг впереди и откуда-то сверху угрожающе лязгнул затвор — противно, железом по железу. Лидочка резко остановилась, подняла лицо. Только сейчас она увидела, что на тупиковом пути стоит воинский эшелон:

Литературные страницы МСПС 21

Материалы под этой рубрикой печатаются при поддержке
Международного сообщества писательских союзов

какие-то громоздкие конструкции на открытых платформах, затянутые брезентом, несколько теплушек. Возле крайней из них столбом торчал часовой в тулупе, смешно напоминающий ночного сторожа в довоенном магазине. Впрочем, лицо его, покрытое мальчишескими веснушками, с белесыми бровями, сердито хмурилось, а ствол карабина целился в непрошеную гостью.

— Стой, куда прешься, тетка! Охраняемый объект!

Сам ты дядька! Лидочку, помимо страха, кольнула обида — ведь ей только тридцать четыре! Впрочем, в этом сером пальто, старушечьем платке...

— Так мне ж домой надо! Как я пройду?

— Ничего не знаю! Охраняемый объект! Стрелять буду!

Тут из-за вагонов появилась более весомая фигура: высокий немолодой офицер в белой бекеше, стройно подтянутый ремнями, в светлой ушанке, с тросточкой в руке. Ее он держал скорее для страховки, так как шагал уверенно, даже молодцевато.

— Кокорев, в кого стрелять собрался?

— Товарищ майор, тут гражданка подозрительная — проникла в запретную зону!

Офицер приблизился. Лицо его, похожее на вылизанный ветрами гранитный валун, несло печать усталости и переживаний, но светилось добродушным юмором.

— Пожалуй, на шпионку мы не тянем... Не тяжеловат груз, красавица?

— Ничего, не беспокойтесь, тут недалеко! Картошку домой везу, на работе получила... Можно мне пройти?

— Конечно! Кокорев, пропусти!

Часовой с деланным безразличием закинул оружие за спину и отвернулся.

Лидочка заспешила, переходя чуть ли не на бег. Но тут на одной из кочек санки вдруг швырнуло, мешок перевесил, и вся поклажа кубарем покатила со склона. Лидочка вскрикнула, попыталась удержать мешок, но лишь сама ухнула следом.

Неизвестно, сколько времени и сил пришлось бы ей затратить, чтобы выбраться на торный путь, но на помощь пришел все тот же майор. Он стремительно сбежал по снежной целине, подхватил Лиду, как ребенка, вытащил наверх, потом доставил и поклажу. При этом весь вывалился в серой пороше. Она с ужасом ожидала гневной тирады по поводу неловкой растяпы, но майор только рассмеялся, отряхивая полушубок:

— Я же спрашивал вас, сударыня: не нужна ли помощь? Теперь без разговоров — сопровожу куда надо!

Лидочка поспешила схватить веревку, чтобы избежать неловкости:

— Что вы, что вы! Я сама уже управляюсь, вон мой дом, за деревьями крышу видно! Спасибо большое!

— Простите, это не обсуждается, я вас провожу! Потому что... ну, я здесь командир! — Он повернулся к эшелону и властным голосом прокричал: — Эй, Кокорев, доложи начкару — я отлучился по срочной надобности, в случае чего, пусть шлет гонца в район... того строения! — и махнул в сторону Лидочкиного домика.

И вот Лидия, смущенно перебирая ногами в тяжелых валенках, идет впереди и слушает, как сдерживает дыхание немолодой майор, впрягшийся не в свои сани, и почему-то ей кажется, что все происходящее — странный, нереальный сон. Наверное, надо было настоять, отказать более определенно, что этот офицер может подумать о ней? Привык, видать, покорять сердца тыловых вдовушек! А они и рады... Боже мой, сколько ж лет ни одна мужская рука не поддерживала ее в трудности, не... Господи, и о чем она думает? Сейчас этот служивый дотянет воз до места, отдаст честь, улыбнется «тетке» снисходительно — и пропадет навсегда...

— Вы не будете возражать, если я представлюсь: майор Сомов, Михаил Витальевич, проживаю в городе Ленинграде... А могу узнать...

— Да, конечно: Лидия Павловна Горошко, учитель начальных классов, — ответила она, а потом зачем-то добавила: — Двое детей, дочка четырнадцати лет, сыну пять... Мужа призвали в сорок первом, погиб под Одессой...

Они прошли некоторое время в молчании. Лидочке было странно, к чему она упомянула детей и покойного Николая? Что в этом нечаянному помощнику? Но тут майор, глуховато прокашлявшись, продолжил диалог:

— У меня тоже были двое... Умерли от голода... В первую блокадную зиму... Потом снаряд попал в институт, где жена работала... Я в Ленинграде с сорокового не бывал — даже не представляю, что там...

Вот как!..

Лида не знала, что сказать, как выразить свои чувства. Майор производил впечатление сильного, не сломленного горем человека, видимо, уже свикшегося с потерей. Вообще, война закалила характер людей, общая беда словно убавляла остроту собственных несчастий. Никто не просил и не ждал шумных соболезнований, — участливый вздох, взгляд, полный тепла, уже проливались на душу живительным бальзамом...

Тропинка попетляла между тремя символическими сосенками, сделала крюк вокруг серого, занесенного снегом штакетника и уперлась в гостеприимно распахнутую калитку. Лидочка остановилась в нерешительности. Казалось бы, миссия помощи завершена, дальше сами управимся, вежливо поблагодарить? Но так надежно и хорошо стоять рядом с этим высо-

ким (вовсе и не таким уж старым, как поначалу показалось) мужчиной, и как кружит голову почти забытый запах его потрудившегося тела, слабо отдающий одеколоном и хорошим табаком! Михаил Витальевич тоже молчал, оглядывая внимательным взглядом небогатую планировку «усадыбы». Что тут вообще рассматривать? Дом из почерневшего кругляка с маленькими окошками, низенькая, едва видная из-за снега банька, да дровник...

— Товарищ майор, может быть, картошечки хотите отведать? С укропом, и грибки соленые организуем...

Но офицер, чуть смущенно улыбаясь, покачал головой:

— Скажите, любезная Лидия Павловна, вы, случаем, баню сегодня не собираетесь топить? Вот о чем мечтаю, как о манне небесной!

Лидочка в недоумении уставилась на убогое строенье, вдруг оказавшееся пределом человеческих мечтаний:

— Ну, э... конечно, сегодня суббота, но мы... хотя... давно собирались, но дров наколоть надо уйму... и воды натаскать...

— Так в чем же дело, хозяйюшка! Сейчас организуем в три секунды!

— Это... баня ведь по-черному! Вы в Ленинграде и не слыхали, наверное, о таких?

— Лидия Павловна, я за свою жизнь в каких только банях не парился, а лучше русской «черной» не встречал! Дымком и деревом пахнет!

— Но вас же хватятся по службе! Баню-то не сладить за полчаса!

— Ну, время у нас есть. Будем стоять минимум сутки, если не больше... Что-то там с полотном (но это военная тайна, никому!)

Майор живо подвез сани до самого крылечка, одним рывком вскинул мешок на плечо, занес в сени.

— Так, с этим покончили! Показывайте хозяйство! Топор, надеюсь, имеется?

Они прошли в дровник, где обнаружили приличный штабель осиновых чурбаков и небольшая кучка готовых полешек. Лидочка в оправдание только вздохнула:

— Некому наколоть, мы с Ниной потихоньку справляемся, уж больно тяжело...

— Вот и ладно... Что тут, колун? Отлично!

Майор опытным взглядом оглядел инструмент, повертел в руке.

— Простите, немного туповат, даже для колуна! О, точило имеется! — Он вытащил на середину навеса громоздкую конструкцию из большого наждачного круга с ручным приводом на деревянной раме и корытцем для воды. Покрутил за ручку — раздался жалобный скрип. Лида подумала со странным чувством, что после мужа никто не прикасался к этому «чуду техники».

— Я покручу, Михаил Витальевич, мы так всегда делали — сподручнее...

— И то! Чуть поправлю...

Изрядно заржавевшее железо выло и сопротивлялось трению нещадно, но Лидочка старалась так, что через пять минут вся взмокла. Майор сосредоточенно колдовал над лезвием, бросая короткие команды: «Чуть помедленнее!» или «Равномернее, пожалуйста!» Наконец он удовлетворенно хмыкнул, потрогал жало пальцем и улыбнулся:

— Да вы совсем упарились, Лидия Павловна! Вот оказия вам, честное слово! Уж извините! Зато щас я с этой прорвой в один момент управлюсь! Берегись, осинка!

Первым делом он скинул бекешу, оставшись в командирской гимнастерке, на которой маслянисто блеснули награды. Два ордена Красного Знамени и один — Красной Звезды. Затем установил чурбак на колоду, поплевал на ладони, словно играючи, взмахнул колуном — и чурка разлетелась на две части с веселым треском. Что за прелесть этот рабочий, такой мирный и домашний азарт! Пошло дело!

Лида постояла немного, любуясь со щемящей грустью, потом бережно подхватила брошенный полушубок и ушла с ним в дом. Скоро придут дети — Нина приведет Сашку из садика, вот удивятся! Малышу наверняка будет интересен этот военный — одни погоны и ордена чего стоят! Событие! А Нина... Та вся в отца пошла — такая же молчаливая и скрытная, слова щипцами не выдернешь! Ну... В общем, оправдываться пока перед ней не в чем... Пока? И не в чем ли? Ведь зашевелились в глубине души столь тщательно затоптанные мысли и желания! И ведь повод-то ничтожный! Помог человек картошку доставить, да в бане захотел помыться — и все, готова Лидия Пална, берите по описи и распишитесь!

Она тщательно прошлась щеткой по светлой кожаной поверхности, сметая следы угольной пыли, достала из шкафа самые прочные кленовые «плечики», безжалостно скинув с них какие-то свои тряпки, вдела в бекешу и повесила на большой крючок возле дверей. Добротная мужская вещь сразу преобразила обстановку, внесла ноту законченности, надежности. Не вполне отдавая отчет, что делает, Лидочка распахнула ее борта и, зажмурив глаза, прижалась к ней лицом, вдыхая пряноватый запах...

Ну, все, хватит! Надо быстро навести порядок в комнате, служащей одновременно кухней, столовой, ее спальней, а заодно и рабочим кабинетом, и потому имеющей не самый презентабельный вид (да что уж там говорить — сущий кавардак!).

Протирая влажной тряпкой вокруг окна, она невольно загляделась на майора, сноровисто орудующего в дровнике. Тот уже скинул гимнастерку,

шапку повесил на гвоздь, а от разгоряченного тела валил густой пар. Мускулы вздувались и слаженно двигались, словно радуясь возможности показать себя во всем блеске. Он внезапно поднял взгляд и улыбнулся Лидочке. Та смутилась, отпрянула, но ощутила волну тепла, хлынувшую от сердца во все стороны. Господи, что же это?!

Вдруг за окном послышался веселый детский голосок, распевавший какую-то песенку, но тут же примолкший. Ага, Нина привела Сашку, и они увидели во дворе постороннего! Лида вновь подошла к окну. Майор лихо водрузил топор на плечо, подбоченился, со смеющимся лицом стал о чем-то расспрашивать детей. Нина растерянно оглядывалась, а мальчуган спрятался за сестру и высовывался из-за ее спины с бойким любопытством.

Лидочка постучала в стекло — заходите, мол!

Первым влетел Сашка с круглыми восторженными глазами:

— А, правда, дяденька — настоящий командир?!

— Конечно, правда! У него на гимнастерке сплошь ордена!.. Валенки, почему не обмел? Ну-ка!

Нина с порога пронзила мать то ли испуганным, то ли обиженным взглядом, но только произнесла едва слышно: «Кучу всего задали... Я посижу — позанимаюсь...» — и пропала в детской комнате. Попробуй, объясни ей... когда самой ничего не ясно! Вот уж точно — оказия!..

Переодевшийся в мгновение ока сын припал к окну и теперь сопровождал хлесткие удары колуна эмоциональными комментариями: «Ух, ты! Бац — и готово! Ба-бах! Так ему — фрицу по башке!» Лидочке даже пришлось сделать замечание:

— Александр! Что за выражения!

— Ма, да ты посмотри, как он здоровски дрова колошматит!

Она подошла и встала рядом, обняв мальчика за плечи. Они смотрели на одного человека, но такими разными взглядами! Впрочем, Лида вполне понимала сына. Он совершенно не помнил отца, ушедшего на фронт, когда малышу было два года от роду, и вообще — почти не видел взрослых мужчин в округе, разве что издалека, военных на станции... Поэтому все они казались ему почти сказочными героями. Вот бы у него был такой папка!..

Настенные часы глухо ухнули — пять часов вечера. Лидочка быстро подошла к тарелке радиоточки, включила. Немного дребезжащий из-за помех кабеля голос Левитана как всегда торжественно произносил:

«...южнее и юго-восточнее города Гдов наши войска с боями продвигались вперед и заняли несколько населенных пунктов.

Южнее города Луга наши войска, продолжая наступление, заняли более сорока населенных пунктов, в том числе Клабутицы, Новоселье,

Шильцево, Ретюнь, Городец, Малый и Большой Брод, Горка-Петровская и железнодорожная станция Серебрянка.

Севернее Звенигородка и Шпола наши войска продолжали вести бои по уничтожению окруженной группировки противника и, сжимая кольцо окружения, овладели несколькими сильно укрепленными опорными пунктами противника. Одновременно северо-западнее Звенигородка наши войска успешно отбили атаки танков и пехоты противника, стремившихся прорваться на помощь окруженной группировке.

На других участках фронта — разведка, артиллерийско-минометная перестрелка и в ряде пунктов бои местного значения.

В течение минувших суток наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили семьдесят один немецкий танк. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито тридцать два самолета противника».

После выпуска сводки Совинформбюро объявили литературно-музыкальную композицию, но слушать было некогда. Дрова дровами, а без воды, как известно, «ни туды и ни сюды»!

Лида постучалась в дверь детской, приоткрыла ее и осторожно спросила: — Нин, ты мне поможешь воды для бани натаскать?

Лицо дочери сохраняло все то же непонятное выражение, но она молча поднялась и, проходя мимо матери, чуть слышно вздохнула. Лидочке захотелось погладить ее по плечу, ободрить, но она удержалась. «Вдруг решит, что я прощения прошу?.. А ведь впору просить...»

Накинув пальто, они обе выскользнули во двор. Под навесом уже громоздилась немалая куча колотья, растущая на глазах. «Вот уж точно — наколошматил!» — подумала Лидочка и решительно направилась на звук ударов, собираясь остановить это «стахановское движение». Да тут на две недели топки, не говоря уж про баню!

Майор опустил обухом колун с насаженным на него огромным поленом, чурка раскололась, и одна из половинок едва не ударила Лидочку по колену.

— Ну-ну, осторожнее, сударыня! Зашибу ненароком!

— Бог с вами, то есть, спасибо огромное, Михаил Витальевич! На баню-то больше чем достаточно! Вон как упарились — хоть в прорубь окунай!

— А что, и окунуть, было бы куда! Кстати, насчет воды вопрос стоял... Так как?

— Да мы сами с дочкой привезем! Тут все под рукой — речка в десяти шагах, сразу за баней... Там промоина — ключи бьют, не замерзает... Бочку вот на сани поставим...

— Значит так, слушай мою команду! Мы с Ниной займемся транспортировкой воды, а за вами — растопка. Уж темнеет, а баней еще не пахнет! Не до утра же нам дожидаться!

Вслед за этим майор занес крупную охапку дров в предбанник, свалил с грохотом, выкатил большую железную бочку, в которой отсутствовало одно из днищ, водрузил на салазки. Бедная Ниночка — худышка, в пальто не по размеру, стриженная под «ежик», — смотрела на все эти действия широко раскрытыми глазами. Лида несколько секунд раздумывала, отпустить дочку или нет, но, как часто бывает, все решилось само собой. Михаил Витальевич быстро вручил девочке ведро, сам взялся «за гуж», и странная пара исчезла за углом бревенчатого сруба.

Лидочка вздохнула, покачала головой и, улыбаясь, зашла в парную. Темная парная походила на преддверие ада. Прокопченные стены, того же оттенка потолок. Крохотное оконце, полускрытое сугробом снаружи, едва освещает помещение. Она сложила бересту, щепки и бумагу в основание очага, аккуратно запалила... Огонь принялся жадно, и вскоре пришел черед наколотых поленьев. Замороженные волокна трещали, лопаюсь, дым густел, затемняя пространство, заблестели капли на бревнах. Теперь открыть дымник, двери, и пусть топится баня — по-черному, как положено!

Тут и бочка подоспела. Совместными усилиями закантовали ее внутрь, улыбнулись друг другу, глядя на вспотевшие красные лица, и майор ушел в дом, предварительно заполнив котел. Лидочка напичкала кострище поленьями, проследила, чтобы разгорелись правильно, и побежала следом.

Михаил Витальевич натягивал на себя сияющую белизной бекешу. Она всплеснула руками — куда?

— Не насовсем, Лидия Пална! До эшелона и обратно, одна нога здесь — другая там!

— Ну, хорошо... Я пока чайку организую, картошки!

— Вот и зер гут! Чай перед баней — замечательно!

Пока дочь при посильной помощи Сашки чистила картошку, кидая белые ребристые клубни в чашку с водой, Лидия метнулась в погреб, наловила твердобоких огурцов-молодцов из кадушки, грибков им в компанию, зачерпнула квашеной капусты, самой хрусткой, с клюквой и яблоком, хранимой для праздников. А что, разве не праздник?

Быстро освободила стол от тетрадок, накинула скатерть, достала лучшие тарелки — голубые, с золотым ободочком, остатки купленного перед войной сервиза. В глубине посудной ниши замерцали рюмки... Жаль, спиртного нет, с этим проблема. Ладно, не светский прием, чаем обойдемся! Хлеба вот не густо... Закуску — в объемистые железные миски, блестящими горками...

Сашка округленными глазами следил за Лидочкиными действиями, мол, ого, мама, ничего себе, пируем!

Закончив с «сервировкой», Лида вернулась в «пекло». Уж точно, жару там прибавилось! Очаг пылает, гудит яро, но подкинуть полешек не повредит. Уф! Она отерла пот с лица, вышла в предбанник и взглянула на себя в висевшее на стене большое старинное зеркало, попавшее в убогую баню, как говорили, еще в Гражданскую. Ой, и это она? Глазища-то какие испуганные! Вот дуреха! Она повернулась вполоборота, распахнула полы пальтишка, обтянула платье вокруг талии. А что, еще и ничего! Не хуже, чем в молодости!

В молодости... Лидочка закрыла глаза, вздохнула и погрузилась в воспоминания...

Пожалуй, никто в Порыванске и не подозревал, что Лидия Павловна, педагог средней школы, вдова героя одесской обороны, родилась совсем в другом месте, и вообще — социально чуждый элемент. Дочь офицера генштаба, это вам не хухры-мухры! Правда, она мало что помнила. Немного о беззаботной жизни в Петербурге: большая квартира на Васильевском острове, заботливая нянечка, Рождество, подарки... Папа, всегда подтянутый, куда-то спешащий, но добрый. Мама, вся такая воздушно-нежная, словно цветок! А потом — «вихри враждебные веют над нами», какие-то метания по стране, страх, голод... Чужие люди... Приют за приютом... Ей помогло выжить, как ни странно, домашнее воспитание — красивый твердый почерк и письмо без помарок, немало удивлявшие безграмотных новых хозяев жизни. Лидочку держали при канцеляриях, подкармливали, позволили даже учиться. Педтехникум. До выпуска оставался месяц, когда ее вдруг вызвали в профком. Молодой человек в синей косоворотке протянул ей конверт — личное дело, пришедшее из губернии, то есть, прощай все! Сердце упало в пятки, мучительно заныло. Но парень молча забрал у нее бумаги и порвал их на мелкие кусочки. А потом Николай (Лидочка позже узнала, как зовут парня) вывел ее в коридор под локоть, слегка подтолкнул и только шепнул на ухо: «Не бойся!» Через полгода они расписались в загсе.

Любила ли она его? Лида открыла глаза и вновь пристально уставилась на свое отражение. Благодарность за тот спасительный поступок? — да, и еще дружественное тепло, уважение... Николай никогда не намекал на ее прошлое, не воспользовался преимуществом происхождения, но... Был всегда таким молчаливым и сухим, даже в минуты близости, словно что-то угнетало его... И все же... он был ее мужем, значит, навеки?..

Все, хватит! Лидочка резко мотнула головой, выскользнула наружу и глубоко, полной грудью вдохнула чистого, чуть влажного февральского воздуха. Постояв так немного, прошла в дом...

Когда майор появился в дверях, его уже ожидал почти полностью накрытый стол. Лидочка с сыном стояли за ним, сияя улыбками, и даже

Нина, сидевшая, потупившись, на диване, хмурилась не так угрюмо. А он поразил всех! Скинул с плеча вещмешок, увязанный со знанием дела, ловко распаковал на табурете — и, словно фокусник из шляпы, начал доставать сюрпризы. Пару поджарых буханок хлеба, потом, одну за другой, с волшебным «лузг-лузг» — не менее дюжины банок американской тушенки, уже заботливо обтертых от смазки... Лидочка на мгновение ужаснулась — такая роскошь, а вдруг все это краденое? Нет, не может быть!

Будто угадав ее мысли, майор улыбнулся:

— Никакого криминала, увольте! Часть моего пайка, но мне и так за глаза хватит, так что — никаких возражений!

Тут еще Сашка, поддержав его, добавил:

— Мама! Это же тушенка! Помнишь, ты на Новый год приносила? Сказала, что от Деда Мороза!

— Так и есть, я тот самый дед заполярный, видишь, какой у меня тулуп?

— Не-е, у Деда Мороза борода должна быть длинная и белая! Как на открытках рисуют! А ты еще молодой!

Майор с искренним удовольствием рассмеялся, подмигнул Лидочке и чуть ли не по-отечески обратился к девочке:

— Нина, давай быстренько консервный нож, и мы попробуем заокеанских хрюшек на вкус! О, какая чудная картошка, вот и смешаем вместе — получится второй фронт! — А потом вдруг извлек из рюкзака бутылку причудливой формы с иностранной этикеткой. — Трофейный коньяк! Асбах Уралт двадцать третьего года, мои ребята из воздушной посылки добыли, предназначалась лично фельдмаршалу Паулюсу, подарок фюрера! А будем пробовать мы!

Нина, возившаяся с открывалкой, подозрительно покосилась на бутылку:

— И охота вам фашистскую дрянь пить?

— Позволю заметить, что в двадцать третьем фашистов еще не было. А самое главное, такие произведения искусства не имеют расовой или политической принадлежности!

Нина скептически хмыкнула, но промолчала. А тут еще на свет божий были предъявлены последние сокровища — целая пачка блестящих фольгой шоколадных плиток! Даже упрямая девочка изменилась в лице, а уж Сашка — просто подался вперед, как кролик навстречу удаву. В глазах его сияло шуршащее серебро. Пришлось Лидочке остудить детский пыл:

— Нина, убери пока шоколад в буфет!

Правда, одна из заветных плиточек все же перекочевала обратно в круг.

М-да, вареная картошка с тушеным мясом! Это же не просто некое кулинарное блюдо, к тому же вполне примитивное, но символ сытой радо-

сти целой эпохи! Не раз оно снилось голодным и измученным людям — в промерзших окопах или скученных бараках...

Лида наложила детям бесподобно пахнущей снеди полные тарелки, подвинула нарезанный тонкими ломтиками хлеб и вопросительно глянула на майора, на что тот лишь покачал головой:

— Я, в общем-то, сыт, да и не хочется обременять желудок перед баней. А вы не обращайтесь внимания, Лидия Пална, в самом деле! Чаю бы мне, и довольно...

Он извлек из кармана темных галифе необычный нож, видимо, тоже трофейный, раскрыл со щелчком, и в его руках оказался штопор. Санька даже присвистнул, за что был немедленно награжден тычком от сестры. «Ты чего?» — «Веди себя прилично!» Затем блестящая спираль вонзилась в запечатанную пробку, туго, но податливо вошла вглубь, повисла секундная пауза, и — шпок! — бутылка оказалась вскрытой. «Вот здорово!» — воскликнул Саша, предусмотрительно отодвинувшись от сестры подальше.

— Что ж, Лидия Пална, выпьем, и это символично, немецкого коньяку за нашу победу! А также за здоровье товарища Сталина... и всех нас тоже! — Майор торжественно встал, держа рюмку двумя пальцами за ножку и отведя локоть в сторону. Поднялась и Лидочка, дети тоже подскочили.

— Ура! — вдруг вполголоса, но достаточно звучно выпалил Михаил Витальевич и опрокинул содержимое в рот. — Уф! — поморщился и занюхал рукавом. — Крепкий, дьявол! Но «шило» покруче будет!

Лидочка с некоторой опаской пригубила «дьявольского зелья», но, против всех ожиданий, коньяк оказался приятным на вкус. Она задорно выдохнула и закусила квадратиком шоколада.

— Ну, и как трофейный? По-моему, вполне!

— Я, признаться, коньяков сроду не пробовала! Да и водкой особо не увлекалась...

— И это правильно! Я бы категорически запретил женщинам употреблять спиртное — кроме подобных шедевров, разумеется! — Майор лукаво подмигнул ей и снова наполнил рюмки.

После двух выпитых рюмок (на голодный-то желудок!) идти готовить баню оч-чень весело! Уже стемнело, лишь за горкой еще алела полоска заходящего солнца. Слабый ветерок ласково поглаживал виски. Вдруг сердце сладко заныло — как хочется счастья! Самого простого, земного, бабьего! Вот прямо сейчас! Пусть война, и горе кругом, и прав никаких нет... а вот хочется! Господи, господи, Ты все знаешь и все можешь! Не казни за слабость, вот она я — вся до копейки!.. Ни дворянка, ни крестьянка, а советская гражданка!

Баня встретила неистовым жаром. Дрова уже догорели, превратившись в ярко-золотую кучу углей, пускающую синие языки пламени. Лида пошевелила ее кочергой, распределяя ровнее. Теперь можно и пол с полками да стены обмывать! Она зачерпнула ковшом и принялась окатывать черные бревенчатые стены, раз за разом, щедро, потом лавки — чтобы смыть копоть. Взяла заранее приготовленную тряпку и начала надраивать блеснувшую в мерцающем свете топки дощатую поверхность. Закончив, вновь зачерпнула ковш горячей воды; плеснула на каменку, переждала минут десять, после чего задвинула заслонку, прикрыла топку большим листом жести, положила в тазик березовый веник и выскочила в предбанник, плотно закрыв за собой дверь.

Вскоре она уже провожала майора к бане, прихватив керосиновую лампу и разные причиндалы. Михаил Витальевич шествовал в одних брюках-галифе, смешно заправленных в растоптанные валенки, и в нательной рубахе. Пачку сменного белья он нес под мышкой, а также большое, туго свернутое полотенце, явно заграничной мануфактуры. Бросив вещи в угол, он потянулся и мечтательно произнес:

— Еще бы кто спинку веником похлестал!

Лидочка встрепенулась и ответила дрогнувшим голосом:

— Ну, я бы могла... помочь... Дело нехитрое...

— Серьезно? Тогда родина вас не забудет, Лида!

— Я зайду минут через двадцать...

Лидочка выскочила из парной как ошпаренная, красная от смущения и жары. Набрав в ладонь горсть снега, она потерла им лицо, словно охлаждая этим свои эмоции, и вернулась в дом. Первым делом взглянула на часы. Двадцать бесконечных, но ужасно стремительных оборотов минутной стрелки, и... и... и... Придется топтать туда, в пекло, где абсолютно неизвестный ей еще утром мужчина лежит сейчас на полке, на которой не раз леживали они вместе с мужем Николаем когда-то... в прошлой жизни... Господи! И зачем она вызвалась на это?

Нюночка убирала со стола, демонстративно гремя посудой.

— Не побей последнее... — мимоходом заметила Лида.

Нина никак не отреагировала и, с особой брезгливостью подцепив двумя пальцами за горлышко «фашистскую» бутылку, перенесла в буфет.

Сашка слепил из блестящей фольги подобие шара и теперь играл с ним, подбрасывая до потолка и пытаясь поймать на лету. Кругляш звонко скакал по комнате, такой яркий и вольный. Немного понаблюдав и даже подыграв пару раз, Лида напомнила детям о распорядке дня:

— Все, все на сегодня! Отбооой!!! Никаких возражений, ну и что, что завтра воскресенье? Валяться до обеда никому не дам! И кстати, ляжете вместе с Ниной на диване, поместитесь! А я на твою кровать...

У Сашки округлились глаза, Нина неопределенно хмыкнула, мол, этого следовало ожидать!

— Михаил Витальевич переночует у нас, я думаю... Куда он пойдет после бани, распаренный? Мигом простынет...

Дочь закончила хлопоты вокруг стола, вытерла руки полотенцем, скинула передник.

— Что-то устала сегодня... лягу пораньше, мам? Санька, пошли со мной, я тебе сказку расскажу, про Емелю-дурака!

Дети отправились в свою комнату, на пороге вместе обернулись и почти хором произнесли:

— Спокойной ночи, мамочка!

— Спокойной ночи, мои хорошие! — Лида догнала их, обняла и поцеловала в теплые виски. Все будет хорошо!

... Вот именно, все будет хорошо! Как бы ни складывалась наша жизнь, какие бы напасти ни грозили нам — мы верим в благоприятный исход событий, и обретаем в этой вере силы, чтобы пережить их...

Лидочка на ощупь взялась за ручку двери, ведущей в парилку, и застыла, не смея шелохнуться. В предбаннике полный мрак, сгустившийся до звона в ушах, летний запах березы, сена, наколотой осины и чуть-чуть дыма... Там, внутри, ни звука... Помер, что ли, он, господи? Она несмело постучала и, не дожидаясь отклика, толкнула дверь.

— Как вы тут, Михаил... Витальевич? Не угорели?

— Уф, сударыня, знатная баня! Аж сердце радуется! Оживать начал, чесслово! — Офицер уселся на ступеньке, длинной, как лавка, и прикрылся полотенцем.

— Так что, похлестать спину-то?

— Натюрлих, фрау, айн момент!..

Лида стремительно отвернулась, сняла пальто, уложив его рядом с офицерскими вещичками, и осталась в одной полотняной рубашке, короткой, не прикрывающей и коленей; да на голове некое подобие чалмы из полотенца. К счастью, Михаил (впервые про себя она назвала его по имени), уткнув лицо в локти, лежал себе наверху, будто ничего ему не интересно. Сухое и жилистое тело блестело от пота, словно смазанное маслом. Лидочка вытянула из таза увесистый банный веник, стряхнула излишки воды, взобралась наверх, осторожно присела на край, стараясь не коснуться чужой близкой плоти... Прошлась веником по бокам, по спине, едва касаясь, одними краешками, по ногам до самых пяток, потом вверх, к макушке, и снова, и снова — шевелила играючи... Раззадоривала майора минут пять, и уже сама вошла в азарт. Стала подхлестывать, поддавать — вот так! Проверим-ка героя на прочность! Затем подхватила полковшика кипятка,

плеснула на каменку и шутливо-испуганно ойкнула, пригнувшись от пара. Рубашка промокла насквозь, обтянула, бесстыдная, тело, но это уже неважно. Лидочка сама тут госпожа, амазонка диких прерий! Вот тебе, варвар, вот, получи! Она хлестала со всей руки, привстав на колени, и лихо покрикивала на стоны майора: «Эй, лежать смирно! Батарея, огонь!» — только брызги-листочки разлетались во все стороны! Вдруг махровая чалма распустилась, и волосы хлынули по плечам, на лицо... Тут силы покинули Лидочку, она с томным вздохом опустилась рядом с мужчиной и, доверчиво прижавшись к нему, горячо зашептала: «Заморилась я!»

Словно в фантазмагорическом сне, мужские руки ловко подхватили ее, опустили в прохладные глубины хвойного ковра, дерзко подняли рубашку вверх, над головой и безвольными руками, и — понеслось все в неведомую чащу, во вспыхнувшие звезды, в пену, в стон...

... Вернувшись глубоко за полночь, они заговорщицки, почти в потемках поужинали холодной картошкой, еще пару раз отведали «трофейного», все время по-детски прыскали, шептали всякую чепуху и страшными глазами грозили друг другу — детей разбудим! Михаил улегся на кровати, а Лида ушла, было, в соседнюю комнату, поворочалась на короткой постели, вслушиваясь в детское дыхание, и сорвалась обратно. Майор только того и ждал — встретил, словно поймал в лунном луче...

Утром, еще до рассвета, он ушел. Твердо пообещал зайти к полудню, «на чай и поговорить». Лида боялась даже взглядом выразить и тень вопроса — что дальше? Этого она не имеет права просить, даже намеком. Довольно с нее ночной сказки, украденной у гадской войны и трудной жизни, пошиковали, и будет!

Первым из своей комнаты выбежал Сашка, смешно взъерошенный, но сразу же поскучнел и разочарованно протянул:

— А где дяденька офицер? Ты же обещала, что у нас останется!

Лидочка ответила не сразу, сглотнула ком в горле и как можно спокойнее проговорила:

— Он ушел по службе, ты же понимаешь, война! У него там солдаты и боевая техника! Если сможет, то обязательно еще придет... В обед, возможно...

Нина же ничего не спросила, но, странное дело, и она казалась огорченной. Так и тянули все время, вроде занимаясь чем-то, но поглядывая на безнадежно медлительные ходики. Лидочка сбегала проверить баню — еще теплая, потом помыла хнычущего Сашку, потерла мочалкой спину Нине, устроила маленькую постирушку. К обеду решили сладить суп, начистили картошки и поставили загодя на плиту, едва не в десять часов. Долго выбирали, какую банку тушенки открыть. Когда стало совсем невмоготу ждать, Лида заперлась в полутемном чулане, сдвинула комод и достала

свою главную тайну и святыню — коробочку из-под монпансье, в которой хранилась крохотная иконка Спаса на серебряной цепочке — папа носил ее на фронте Первой мировой, и свернутая в тугую трубочку семейная фотография — 1917 год, за месяц до большевистской революции. Она поцеловала выпуклое изображение Христа, неловко перекрестилась, стала повторять молитвы с урока божьего, но тут же вспомнила свои грехи многая, и зашептала в отчаянии: «Господи, я недостойная, но все же прости и помилуй! Ты знаешь, конечно, о чем я прошу, не отведи, Спасе, его от меня, ведь не во зло никому это, вспомни и о чадах моих бедных, и меня не казни!» Потом сунула фотографию в заветный ларец, тот — обратно в тайник, а иконку надела на себя, с радостью ощутив ее легкое бремя.

Выглядывали, выглядывали в окно, и проглядели! Внезапно раздался стук оббиваемых сапог в сенях, потом забарабанила дверь, и вот вваливается высокий и веселый — он! Санька метнулся к нему восторженной дворняжкой и тут же оказался под потолком, подброшенный сильной рукой.

— Судя по аромату, от которого текут слюнки, я поспел вовремя! Еще тот пострел! — Майор отставил в сторону туго наполненный вещмешок и кивнул Лидочке, мол, это вам. Она укоризненно покачала головой — ну не стоило, право!..

За столом балагурили празднично, даже Нина посветлела лицом, иногда вставляла тихие реплики. Лидочка просто таяла и упивалась счастьем, задавив где-то глубоко в душе невысказанный вопрос о будущем... Пусть так, пусть так! Один час, но по полной! Только бы дети, особенно Сашка... Господи, господи!

После обеда, оставив Нину на хозяйстве, они с майором вышли во двор. Михаил — покурить, Лида — «подышать воздухом». А воздух и в самом деле благоухал скорой весной, успехами наших войск, еще чем-то столь чудесным-расчудесным, что его хотелось вдыхать полной грудью! Ослепительное солнце пригрело скаты крыш, и с них потянулись веселые сосульки, еще юные, но уже звонко-блестящие! Воробьи метались стайками, шумели до гвалта, тоже, видать, радовались.

Оказавшись наедине с человеком, который стал ей ближе всех на свете этой ночью, Лидочка стушевалась и залилась алым цветом. Майор же, знай, дымит, хитро так щурится сбоку, никаких терзаний женских в упор не видит. И, кажется, сейчас прольются слезы — последний и неотразимый аргумент прекрасного пола! Вот прямо сейчас!

Но тут «профессиональный стратег» ловко перехватил инициативу. Отбросив окурки папиросы в сугроб, извлек из внутреннего кармана распахнутой бекешки сюрприз — все тот же «Асбах Уралт», как сразу разглядела Лида. Мамочки, да у него там коньячный подвал, точно! Снова будем пить? С горя, что ли? И опять душевная буря не ускользнула от зоркого глаза офицера.

— Неет, милейшая Лидия Пална, сия бутылъ не для сегодняшнего стола! — Он вдруг посерьезнел, сначала уставился куда-то вдаль, словно хотел увидеть там нечто им неведомое, затем пристально взглянул ей в глаза: — Мы оставим ее до лучших времен, до самых-самых... Выпьем вместе за нашу победу! И за нас!

И, сделав длительную паузу, в течение которой Лидочка не могла ни дышать, ни думать, произнес твердым, но при этом нежным голосом:

— Ты будешь меня ждать?.. Если останусь в живых, приеду и заберу вас в Ленинград! Ну, как?..

Чтобы не упасть в обморок, как тургеневская барышня, Лида прислонилась к дверному косяку и отвернулась — все же закололо в глазах — слезы! Хоть бы одна мысль, словечко одно родилось в одуревшей от счастья голове!

— Лидуш, что с тобой? Ты не очень рада?

— Нет, нет! Ми... лый!.. Просто все сразу так — столько хорошего, и мне... как-то не по себе стало... Ты ведь не шутишь, скажи?!

— Лида! Ну, что ты, разве я похож на шутника?

— Не знаю... Ты и вправду, как Дед Мороз — с неба упал! Мне так хочется в тебя верить! И ждать — хоть всю оставшуюся жизнь!..

Майор весело и явно облегченно рассмеялся:

— Ну, вот и славно, моя Снегурочка! Пора в дом возвращаться, что там детвора?..

— Постой... — Лидочка с трудом, но решительно собрала всю волю в кулак. Так надо, пусть все и рухнет в одночасье! — Мне нужно рассказать тебе кое-что... В общем, мои родители... Я... из социально чуждых! Отец был офицером... генштаба... воевал в Первую мировую... возможно, и в Гражданскую... я ничего не знаю про них — после восемнадцатого года. Этого нет в моих документах... — и застыла в томительном ожидании.

Михаил вдруг хмыкнул и потрепал ее по плечу:

— Ты думаешь, у нас все в полном ажуре? Дудки! Я ж «майорю» не первый раз — на службе с семнадцатого, пошел добровольцем, а в Финскую командовал полком! Ну, людей-то я сберег, а языком болтнул лишнего... Так что отдохнул пару лет на севере... Войну начал рядовым, под Москвой, и опять полез в гору, ошибки «кровью смывал»... Своей и чужою... В общем, пошли уж!

Благодаря Нине в доме царили мир и спокойствие. Девочка устроилась в дальнем углу, на широкой лавке, покрытой ковриком, — рисовать в альбоме. Сашка был усажен рядышком, «под рукой», и возился с деревянным корабликом, топорно вытесанным из деревяшки. Изредка он поглядывал на старания сестры. При виде вошедших мальчик забыл про наставницу и устремился навстречу — чтобы снова взлететь под потолок, уже трое-

кратно — ап! ап! ап! Затем взрослые уселись пить чай, а Санек вертелся рядом, поглядывая на ордена блестящим взглядом. Лидочка вздохнула... Как ни счастлива она была теперь, мысль, как примирить взрослую совсем дочку с возможным отчимом, щемила сердце. Но Михаил положил свою руку поверх ее ладошки и, словно прочитав ее мысли, негромко произнес:

— Думаешь, как я с Ниной уживусь, верно?.. Смотрю, она рисовать любит?

Он резко поднялся, оправил гимнастерку, твердым, почти строевым шагом пересек комнату и подошел к девочке. Лидочка, опустив голову, ловила обрывки фраз: «Нина, можно я присяду, и рисунки твои посмотрю? Было дело, в академии учился, кое-что ухватил, да и знакомые художники есть!.. О, и вправду неплохо! Этот... И этот... Замечательный кувшин, как настоящий! Слушай, а ведь в тебе явные задатки есть! Точно говорю! Хочешь учиться в самой лучшей школе рисования? Я не шучу, в Ленинграде?»

Майор спокойно встретил изумленный, полный отчаянной надежды (неужели, правда?) взгляд Нины. Затем девочка посмотрела на маму, а у той глаза на мокром месте, улыбается сквозь слезы.

— Ну что, боец, поедem после войны в Ленинград жить, все вместе? — взволнованным голосом подозвал Сашку Михаил Витальевич.

Мальчик откликнулся с бурным ликованием, взобрался к нему на колени и прижался к груди, заглядывая в глаза:

— А ты вернешься?..

Майор обнял его, приложился щекой к его макушке...

— Конечно, вернусь! Только вы с мамой ждите!

Затем поднялся, держа Сашку на руках, прошелся по комнате, полез в карман полушубка, достал что-то, смачно блеснувшее, и вручил мальчику — «держи!» Лида невольно подалась ближе, чтобы разглядеть. Вот это да! Такой вещицы ей не приходилось видеть никогда, даже в незапамятные дореволюционные годы! Изысканный, массивного серебра, портсигар, на крышке гравюра, очень искусная: два рыцаря в полном облачении, на конях, сталкиваются в поединке. Тонкая работа, и, наверное, сумасшедших денег стоит!

— В общем, Александр, оставляю этот предмет тебе на сохранение! Видишь, какой он замечательный? Принадлежал одному итальянскому полковнику, которого мы взяли с разведчиками под Верхнечирской, в декабре сорок второго... Тащили всю ночь, его свои же подстрелили, в суматохе... Одно лепетал что-то, видать, просил, чтоб не бросили... Потом, вот, этот портсигар подарил... Так что храни отменно, может, это историческая ценность? Реликвия! Только погоди, папиросы выну...

А еще чуть позже Михаил и Лида шли, держась за руки, по той же тропинке, на которой произошла их первая встреча. И все так же сверкало солнце, сияло чистейшее голубое небо. Так хотелось жить!..

Внезапно Лидочка остановилась, и Михаил чуть не налетел на нее. Она обернулась к нему и пронзительно посмотрела в глаза:

— Миша, родной, обещай, что выполнишь мою просьбу! Знаю, покажется странным, но все же прошу!

— Да что же, хорошая моя?

Лида расстегнула ворот пальто, полезла за пазуху, нащупала образок и, рывком достав его, протянула майору:

— Это иконка Спаса, мой папа носил ее всю войну и ни разу даже ранен не был! Прошу, Миша, надень ее на себя!

— Ну, если боевой офицер ее носил, то и мне не зазорно! Давай! — улыбнулся он и наклонил голову, стянув шапку...

Они простились у подножья насыпи, ведущей к железнодорожным путям, немного сдержанно, потому что чувствовали на себе любопытные взгляды часовых. Да что там, все уже было сказано и выплакано раньше (а сколько еще предстоит!). Михаил взлетел наверх, не оглянувшись ни разу. Лидочка долго смотрела ему вслед, пряча глаза от яркого света. Подгадав момент, когда никто на нее не смотрел, перекрестила уходящего кратким жестом... Вот...

...Уже на следующий день, в штабной выгородке теплушки, майор Соков пил чай с эшелонным старшиной Костенко, в просторечии Глебычем. Поезд катил на запад, в распахнутое верхнее оконце вривался свежий ветерок с частицами паровозной сажи. Михаил улыбался про себя, слегка покачивая головой, пожилой старшина дул на алюминиевую кружку, вдыхая терпкий запах, и вдруг спросил, то ли в шутку, то ли всерьез:

— А что, Витальич, не зря в увольнение ходил, если не секрет?

— Да нет... Жену встретил...

Только отличная боевая выучка помогла Глебычу не опрокинуть кружку с кипятком на себя...

— М-да... Чего только не бывает! И ведь на каком-то глухом разъезде! Так как же вы теперь?

— Найду после войны. Обещала ждать...

Они помолчали, не притрагиваясь к кружкам и думая каждый о своем. Наконец старшина тихо проговорил:

— Главное человеку, чтобы его кто-нибудь ждал! — и отхлебнул чаю.

В один из дней июня 1945 года на подъезде к станции Порыванская-багажная, там, где стрелка отделяет запасные пути от главных, остано-

вился линейный локомотив. Из паровозной будки на закопченный гравий, весело хрустнувший под ногами, прыгнул высокий немолодой военный в распахнутой шинели с погонами подполковника. За плечами его громоздился большой вещмешок и складной мольберт, казавшийся в данной ситуации совершенно неуместным. Чумазый помощник машиниста подал два увесистых чемодана, приветливо помахал рукой, на что офицер козырнул в ответ, и паровоз, издав три отрывистых гудка, укатил в известном только ему направлении.

Оставшись в одиночестве, он (а это был, конечно, известный нам Михаил Витальевич Сомов) внимательно огляделся. Столько раз за прошедшее с того памятного дня время мысленно возвращался сюда, проходил этот путь, дышал этим воздухом, слышал эти звуки! Но реальность всегда несколько отличается от воображаемых фантазий. Тогда была зима, сплошные сугробы, голые ветки, а сейчас — разгар лета. Свежая зелень повсюду, там и сям яркие пятна цветов, в воздухе носятся легкие перья тополиного пуха. Впрочем, основное — вполне узнаваемо. Вот крутой скат насыпи, по которому когда-то сбежал майор Сомов на помощь попавшей в беду женщине, вот тропинка вьется прихотливой траекторией, а приводит... конечно, туда, куда нужно! Там, за кудрявыми купами ив, за высокими свечками тополей — знакомая до сердечной боли крыша. Того самого дома. И где-то рядом с ним — та самая банька! Подполковник потянулся, было, в карман шинели, чтобы вытащить папиросу и закурить, но махнул рукой, подхватил поклажу и быстрым шагом направился к дому. Ему уже не терпелось преодолеть расстояние между прошлым и настоящим, переходящим в долгожданное будущее. Чемоданы тяжелые, но ноги несли его с горки сами собой, словно крылья за спиной выросли!

Вдруг из подступающих к дорожке зарослей смородины выкатился мальчишка лет шести, взъерошенный, одетый в перекроенную женскую кофту, но весьма воинственный, с палкой-ружьём в руках. Конечно же, Сашка! Паренек застыл на месте от неожиданности, а когда Михаил улыбнулся и собрался уже поприветствовать его, внезапно сорвался с места и понесся к дому. Слегка озадаченный таким поворотом, подполковник двинулся следом. Но не прошел и десятка метров, как на тропинке вновь появился мальчуган, спешащий со всех ног навстречу. В руках его что-то блестело, и Михаил сразу признал свой оставленный когда-то «в залог» портсигар. Сашка размахивал им над головой и торжествующе кричал:

— Папка вернулся, папка! А я его сохранил, как ты велел! Папка!

Полковник отставил в стороны свои чемоданы и, подхватив паренька, подбросил его высоко вверх, как когда-то, потом еще раз, и еще, и еще! Санька вопил что-то несуразно-счастливое, да и взрослый несколько не отставал. Так они и пошли дальше, вернее, один из них, а другой сидел

у него на руках, прижавшись к блестящим орденам на мундире. Багаж остался позади, но до него ли было сейчас?

Войдя во двор и отворив ногой калитку, Михаил Витальевич застыл на месте. Все то же самое... ставшее родным за один короткий зимний день в сорок четвертом и длинный-длинный год последующих воспоминаний и писем. Неужели он снова здесь?

На крылечке, прижавшись друг к другу, стояли Нина и Лидочка. Девочка сильно вытянулась, волосы отросли и превратились в роскошную косу. Но главное было не это. На руках у Лиды была самая огромная драгоценность в мире, основа основ, мерило Вселенной — дитя, их с Михаилом дочка Надя, Надежда, рожденная ровно через девять месяцев после незабываемой остановки воинского эшелона на Порыванском разъезде.

Мужчина с мальчиком на руках неторопливо двинулся вперед, чуть ли не чеканя каждый шаг, казалось, он намеренно растягивал предвкушение встречи. Но вот не выдержал и стремглав кинулся к ним... Объятия, смех, слезы, вопросы-ответы, а вокруг них носился с заливистым лаем выскокивший откуда-то щенок, ошалевший от непонятной ему, но заразной радости людей. И хохотало веселыми брызгами июньское мирное солнышко, и переливалось лазурью небо, и хотелось жить, жить, жить!

...Уже далеко за полночь, в доме полнейшая тишина. Даже малышка уснула, вдоволь насосавшись материнского молока. Давно затихла ребятня в детской, на улице тоже ни звука, Трезорка преспокойно дрых в дровяном сарае (да и какие сокровища ему сторожить?). Только Лидочке не спалось. Она прикорнула рядом с растянувшимся во весь рост мужчиной и, упершись на локоть, пристально разглядывала его. Язычок пламени в керосиновой лампе едва-едва теплился, создавая минимум света, но этого хватало, чтобы насытиться наконец-то свершившимся чудом: в ее постели лежал самый близкий ей человек — муж, отец ее ребенка, вымоленный, выпрошенный у бога и судьбы, назло всем напастям, вопреки всем толкам-пересудам!

Лидочка, наверное, никогда не забудет этот день! Как-то очень быстро весть о появлении в семье учительницы Горошко вернувшего с войны «важного полковника» разлетелась по всему поселку. И потянулись в скромный дом на окраине многочисленные порыванские бабы, чьи мужья либо еще не были демобилизованы (но таких было сравнительно немного), либо сгинули в страшном военном лихолетье. На одних пришла похоронка, другие вовсе пропали без вести.

То поодиночке, то парами (для храбрости): знакомые, полужнакомые, шапочно знакомые, знакомые знакомых, либо просто на правах землячества, но все одинаково жаждущие получить хоть какую-то информацию «из первых рук», просто увидеть вернувшегося живым с войны человека! И во всех глазах столько скрытой боли, надежды, веры, вперемежку с усталостью бесконечного ожидания. Лидочка и Михаил принимали всех, никому не от-

казывали. Многие приносили с собой, кто побольше, кто поменьше, разного рода спиртное, и со всеми подполковник выпивал стопочку за Победу, за вождя, за окончание войны. Потом рассказывал в многочисленных вариациях удивительные фронтовые истории о том, как числившиеся убитыми оказывались живыми, только в другой части, или в госпитале, или в партизанском отряде, или потеряли память после контузии, но потом вспоминали, или с ампутированными ногами не хотели давать о себе знать, и все же появлялись дома... Бабы слушали с разгоревшимися глазами, показывали офицеру фотографии своих мужей, сыновей, братьев, называли номера полевой почты, откуда приходили последние «треугольники». Михаил Витальевич всматривался старательно, искренне желая узнать хоть кого-нибудь из них... а в уме его проносились тысячи лиц, увиденных им на необозримом пространстве великой, страшной войны... и сколько их осталось там?

А еще Лида ощущала у всех пришедших женщин скрытое чувство горечи: почему ей, обычной училке, так повезло? Остаться вдовой с двумя детьми в самом забытом богом уголке, и оторвать такого мужика, полковника из Ленинграда, да еще дождаться его целым и невредимым! Она изо всех сил старалась не замечать этих скорбных и, казалось, обвиняющих взглядов.

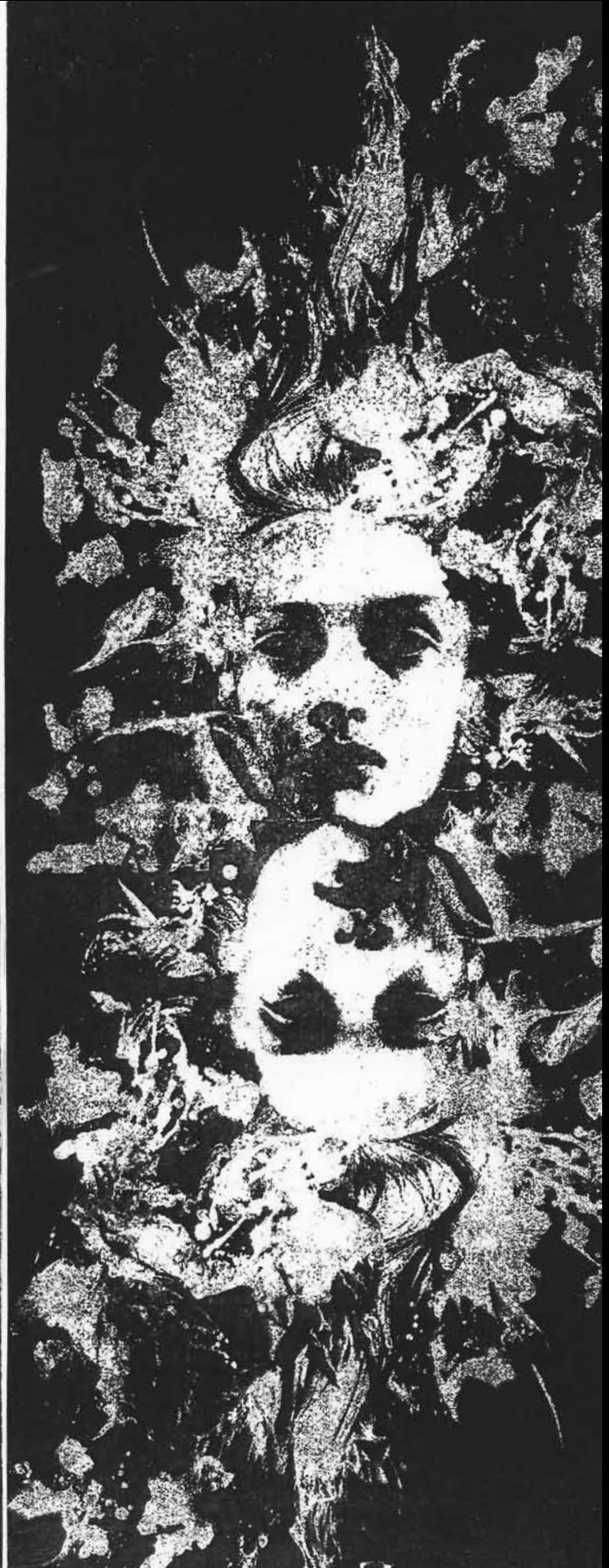
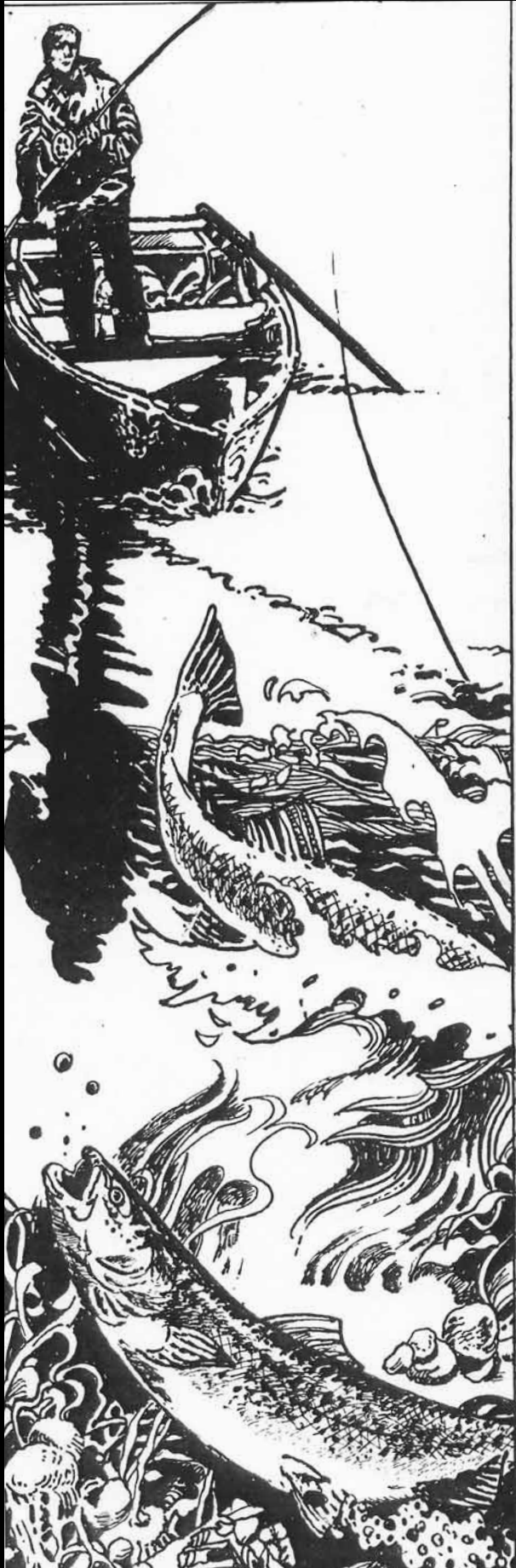
А поздно вечером, когда стих людской ручеек, Михаил окунул голову в бадью с холодной ключевой водой, изрядно подержал, а когда поднял ее, заметил, отдуваясь:

— Знаешь, Лид, я такого напряжения за всю войну не испытывал, даже когда под Балатоном наш полк двое суток без перерыва отражал танковые атаки фрицев! Уф... ну, и сволочь, эта война!

Лидочка очень осторожно, почти не касаясь, провела кончиками пальцев по лицу мужа, по контуру его плеч, шеи, груди. Из выреза нательной рубахи вдруг выпал медальон, тот самый образок Спаса, который был подарен Михаилу тогда, в зимний день расставания. Она благоговейно потянулась к нему и приложилась, словно к святой иконе. «Господи, спасибо Тебе, и мне нечего больше просить для себя... и не оставь Своей милостью всех, кто пред Тобою...» — шептали ее губы, а глаза мерцали слезами счастья.

Когда все заснули, Лидочка присела за стол, нашла карандаш и клочок бумаги и при ничтожном свете лампы вывела на листе:

*Я ждала... и дождалась!
Ты вернулся, повезло!
Знать, любовь имеет власть,
раз смогла осилить зло.
Я ждала... и дождалась!
Не судите, кто не смог!
Я, как все, хлебнула всласть,
но тебя вернул мне Бог! □*

Сергей открыл глаза и сладко, не торопясь, с хрустом потянулся, пробуждая молодое сильное тело. Как прекрасен все-таки первый месяц после дембеля! Никто, чуть свет, не заорет: «Подъем!», не заставит топтать в обрыдших кирзачах в пропахшую портянками столовку, вталкивать в себя через силу недоваренную «шрапнель». Более того, над ним сейчас вообще никто не властен, кроме, естественно, бога, если он есть. Поскольку вокруг, километров на триста, — ни единой живой души. Только нетронутая якутская тайга, зеленые отроги гор, хрустальной чистоты река и он — вот в этой старинной, но крепкой избе, — полновластный ее хозяин на целую неделю.

За окнами — июнь, а вокруг — рай земной. Что хочешь, то и делай — спи, читай, загорай, рыбачь, слушай любимые записи! Только телека нет, но и в этом какая-то своя прелесть — никто не лезет с экрана в душу с дурацкими поучениями.

Кра-со-та! Особенно после голых, выжженных солнцем забайкальских сопок и вечно мутной, илистой Шилки за пять верст от казармы.

Обязанность же у него только одна — несколько раз в сутки спуститься к реке и записать в журнал отметки уровня воды и скорости течения. Потому как нынешняя «резиденция» его официально именуется «Гидропост номер один» и специально для этого создана в верховьях Олекмы еще полвека назад. Сергея же можно назвать «временно исполняющим обязанности радиста-наблюдателя», которые он принял на себя добровольно — отпустил на недельку в город деда и бабуку, подменив их. Для стариков, проживших в тайге всю жизнь, такой выезд в Олекминск — маленький праздник и целое событие: встречи с родней и ровесниками, городские покупки и ново-

БОЛЬШАЯ белая рыба

сти. А для Сергея — семь дней полной свободы, неги и заслуженной лени.

Что касается начальства из Гидрометеоуправления, то оно охотно пошло на такую рокировку из своих соображений: немолод уже Макарыч, семидесятый год пошел, пора и о смене задумываться — вдруг внук приживется на посту. Тем более что служил в радиовойсках, оператор первого класса.

Сергей в одних трусах вышел на улицу, разжег печурку во дворе, поставил чайник и чугунную сковородку с духовитым, с вечера нажаренным сохатыным мясом. Новенькие «командирские» часы показывали половину седьмого. Так рано можно было и не подниматься, но в очередной раз дал о себе знать армейский распорядок.

Над рекой медленно плыла тонкая полупрозрачная волна тумана, и тишину нарушали лишь едва различимые вдалеке перекаты. Сергей опять вспомнил, как в первое утро здесь, спустившись просто так, для знакомства, к реке, он вдруг услышал несколько сильных ударов по воде на ближнем плесе, прикрытом деревьями. «Бьет, — екнула душа, догадываясь, — большая рыба бьет! И совсем рядом!»

А за чаем дед поведал ему среди прочих таежных новостей и эту: два года назад появилась на его участке какая-то огромная рыбина, скорее всего — таймень. Увидеть ее поближе, а тем более поймать Макарычу так и не удалось, но по тому, как гулко и мощно колотила она хвостом по воде, глуша мелочь и играя, можно было догадываться об ее величине.

— Таймени-то, они до семидесяти килограмм бывают, как бревна. Видно, такая «акула» у нас и завелась, — распалил старик рыбацкую страсть внука. — Но, ядрена корень, хи-итруща-а-я — за столь времени ни блесну не взяла, ни мышь, ни в сеть не угодила. Вот, Сергуня, пытай счастье, может, тебе больше повезет. Но осторожней

с ней — такая и с камня сдернуть может, и из лодки вывернуть, коли в рост стоять будешь. Ты уж поаккуратней.

Конечно, Сергей тут же, ухватив спиннинг, загорелся тайной надеждой подцепить королевский трофей, но вернулся к дому лишь с несколькими ленками — тоже неплохой добычей, но...

Теперь и он смирился с мыслью, что обычной снастью хитромудрую великаншу не взять. Однако есть еще один способ, и Сергей его сегодня вечером испробует. Так что, успокойся, душа, и жди своего часа.

Позавтракав, он присел на крылечко, обращенное к реке, и достал сигарету. Сизый дымок потянулся прямо вверх — воздух, напитанный утренним солнцем, был неподвижен. И вдруг в этой тишине ухо уловило какой-то негромкий звук, похожий на пение. Сергей прислушался — точно кто-то поет. «Может, транзистор в доме, но я же его как будто выключил?» Он поднялся и зашел в избу: приемник молчал. «Вот тебе и один на триста километров! Но кто же это? Моторные лодки с рыбаками до поста не поднимаются — пороги не пускают. Промысловиков летом нет, да и не будут они с включенными магнитофонами или приемниками по тайге бродить, как и не будут распевать песни — не в привычке это лесных людей. Туристы? А что, чудачки с рюкзаками сейчас везде шарахаются. Забросились небось в самое верховье на вертолете и сплавляются на «резинке». У таких и музыка весь день горланить может».

Он посидел еще минут пятнадцать, неторопливо куря и внутренне невольно напрягаясь: странный звук не исчезал, но и не приближался. Слов и мелодии вроде бы не слышно, но ясно одно — звучит все-таки песня. Временами создавалось ощущение, что она вообще доносится с ближнего плеса, но просто негромко, поэтому и кажется далекой. «Привал устроили? А может, это перекат? Вода чуть спала, вот он на камнях и «запел». Или дерево, расщепленное на ветру? Но ведь ветра-то нет...»

В конце концов, любопытство и желание проверить свои предположения подняли Сергея с крыльца во второй раз. Он обул сапоги, прихватил на всякий случай ружье и зашагал по тропинке, ведущей по-над берегом к мыску, скрывающему плес.

По мере того как Сергей приближался к месту, где река делала изгиб и широко разливалась, пение становилось громче. Высокий чистый женский голос выводил чуть грустную и одновременно светлую мелодию без слов. В протяжности и плавных переливах ее действительно было что-то и от пения струй, огибающих камни перекатов, и от шелеста крон на ветру, и от перезвона легких дождевых капель. Песня эта настолько органично вплеталась в окружающий зелено-голубой мир тайги и реки, что Сергей невольно поддался ее незатейливым чарам и мысленно зауважал неведомую вокалистку. Что ж, и среди туристов бывают люди, очень тонко чувствующие природу и ее настроение.

БОЛЬШАЯ белая рыба

Еще немного — и Сергей определил: звук доносится с берега где-то в начале плеса. Одновременно он подумал и о том, что, пожалуй, неловко вдруг вывалить из леса к незнакомке в такую рань. А вдруг она голышом купается? Да и вообще испугаться может — наверняка же не думает встретить человека в такой глуши. Поэтому, чтобы как-то подготовить таинственную певицу и ее друзей, видимо, еще спящих, Сергей специально наступил пару раз на сухие сучки и громко кашлянул. У берега тут же раздался всплеск, оборвавший пение. «Так и есть, голышом! В воду сиганула!» Он потоптался на месте, давая ей время прийти в себя и добраться до одежды, и громко произнес:

— Не пугайтесь. Я наблюдатель с гидропоста, тут, поблизости. Услышал ваше пение и вышел на голос. Вы так хорошо поете. Одевайтесь, я подожду.

Ответом ему было молчание. «Видно, действительно перепугалась. Своих будит». Постояв еще немного, Сергей двинулся к берегу. Вынырнув из кустарника на терраске, он удивленно замер — на берегу не оказалось ни палатки, ни лодок, ни даже костровища. И вообще — никаких следов присутствия человека или кого-либо еще. Внимательно приглядевшись, он лишь заметил, что большой горбатый валун, наполовину торчащий из воды недалеко от берега, густо усеян сверху сияющими каплями. Видимо, с него и нырнула в омут неведомая певица. Или обдала его брызгами, ударив крыльями по воде, поскольку у Сергея сразу же не осталось сомнений в том, что это была какая-то птица. Он хоть и усмехнулся над самим собой, но все же подивился столь полной иллюзии: «Никогда не слышал, чтобы птица так по-человечьи пела! — И тут же опять сыронизировал в свой адрес: — А многое ли ты, горе-следопыт, видел и слышал в настоящей тайге? Не зря же доносились только зву-

ки без слов, видимо, птицы их еще не освоили, а вот воображение у тебя, парень, точно богатое».

Уже возвращаясь к дому, он услышал раз за разом несколько знакомых ударов по воде: «Ага, и акулка наша проснулась. Уж не попала ли ей в зубки нырнувшая птичка? Жалко было бы такую солистку потерять. В следующий раз, если запоет, надо будет незаметно подкрасться... Интересно, кто это? Может, выпь?»

Утреннее происшествие долго не выходило из головы, но к середине дня мысли Сергея все сильнее стала занимать Большая Рыба. Она настойчиво вытесняла неведомую певичку и, в конце концов, полностью ее перевесила. Это было естественно — Сергей готовился к вечернему выходу на лов и наполнялся на его счет надеждами, как надуваемый детский шарик. Кажется, он действительно нашел способ померяться с «акулой» силой и хитростью. Не берет приманку — и не надо. Есть и другие средства, например, острога. Он вспомнил про нее еще при деде, но уже после его отъезда отыскал в сарае и тщательно заточил тяжелый трезубец на длинном древке.

Конечно, орудие было не по сезону — острогой лучат рыбу в темные осенние вечера, разжигая на лодке костер или устанавливая фары и освещая ими сонную рыбу. А сейчас стоят ночи, которые не зря зовут белыми, они почти и не заявляют о себе: так, чуть сгустятся на пару часов сумерки — и все. Но зато давно не принимавшая в себя дождей река прозрачна настолько, что даже в самых глубоких местах все видно до дна без всякого огня. Главное в том, чтобы не спугнуть рыбу тенью лодки... Поразмышляв еще немного, Сергей сделал кольцевой надрез на конце древка и привязал к нему длинный шнур с наплавом — так, что острога приобрела вид китобойного гарпуна. «Прямо сюжет из романа «Моби Дик», — пошутил он над собой и над столь серьезными приготовлениями, — большая охота на большого кашалота». А на плесе вновь раздалось несколько ударов, словно рыбина подтвердила, что принимает его вызов.

Когда завечерело настолько, что обитатели водной стихии, по мнению Сергея, должны были если не впасть в сон, то хотя бы прийти в относительное спокойствие, он надел спасательный жилет и, стараясь делать это как можно тише, завел лодку вдоль берега чуть повыше плеса. Потом стал медленно сплавляться по течению, пристально вглядываясь в погустевшие, но все равно хорошо просматриваемые прозрачные струи. Правая рука его сжимала острогу, чуть приспущенную в воду.

Время от времени внизу заостренными, вытянутыми вдоль течения полешками проплывали силуэты ленков и некрупных тайменей. Темные со спины, они тускло сверкали боками, уходя в сторону, когда оказывались очень уж близко к килю лодки. Те же, что находились на глубине, никак не реагировали. Сергей тоже их не трогал, чтобы не вспугнуть главной добычи.

БОЛЬШАЯ белая рыба

Он понимал, что вероятность встречи с Большой Рыбой, если она не стоит неподвижно где-то в любимой яме, не слишком-то велика — надо, чтобы пересеклись движение лодки и ее собственное. Поэтому Сергей раз за разом заводил дедовскую плоскодонку за плес и опять сплавлялся, методично «прочесывая» достаточно широкий разлив.

Небо над лесом стало вновь медленно светлеть, когда он заметил, что наперерез лодке, над самым дном движется большая светлая тень. «Она!» — вспыхнуло в голове, и Сергей изо всей силы сжал древко, моля судьбу лишь о том, чтобы пути их сошлись.

Счастье улыбнулось ему, и на какой-то миг Большая Рыба оказалась прямо под лодкой. Он стремительно выбросил руку вниз, целясь в самую середину мерцающей в глубине светлой спины, но в последний миг, видимо, почувствовав движение остроги, рыба резко вильнула в сторону, и трезубец лишь одним своим жалом зацепил бок добычи, скользя по нему и вспарывая затрепетавшую плоть. Рыбина резко метнулась вверх, почти вылетев на поверхность, и Сергей с ужасом вдруг увидел, что это... женщина! Да, настоящая, живая обнаженная женщина! Она отчаянно заколотила руками и ногами по воде, вновь уходя на глубину, и от бедра ее потянулся, расплываясь, темный след крови. От ужаса Сергей дико закричал, а потом упал за весла и, чуть не сгибая их и задыхаясь, погнал бешеными рывками лодку к дому. Выпрыгнув на берег, первым делом бросился к движку генератора, с ходу дернул стартер, и лишь когда мотор огласил своим треском округу, а в сумрачной избе вспыхнула лампа, перевел дух и огляделся по сторонам. Никто его не преследовал, но он торопливо заскочил в дом, закрыл дверь на крючок и тяжело опустился на стул.

Внутри его все смешалось. Пытаясь успокоиться, он закурил, но огонек сигареты продолжал трепетать между пальцами маленьким красным мотыльком.

Что же это было?! Кого он ударил острой?! Утопленницу? Но откуда она здесь взялась, почему плыла против течения, а потом и вовсе повела себя живее любой живой? Кого тогда?! Русалку?! Но их же нет, они же — выдумка. Или не выдумка? Не могла же она ему почудиться — слишком уж реально все произошло.

Подливая масла в огонь, память услужливо преподнесла две детские, такие сказочно-безобидные в прошлом, но сейчас вдруг зловеще прозвучавшие строчки: «Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит...»

«Леший. Русалка. Ожившая утопленница. Утащит!» Как пожалел он в эти минуты, что рядом нет деда и бабки, что отпустил их не на три дня, как они поначалу хотели, а на целую неделю.

Сергей так и не смог уснуть до утра, и за остаток ночи осунулся так, словно за несколько голодных и бессонных суток.

Солнце еще не успело проклянуть небо над сопками, а его уже накрыли тяжелые лохматые тучи, тянущие за собой густые свинцовые пряди дождя. Быстро скатываясь в долину, они поглощали остатки вчерашней синевы, превращая утро снова в ночь. Казалось, прошли какие-то минуты, и тяжелые капли гулко забарабанили по крыше, занавешивая окна снаружи мутными шторками. В доме стало совсем тоскливо и неуютно. И вдруг, словно желая до самого предела усилить это ощущение и заставить Сергея вздрогнуть и вскочить на ноги, по крыше резанул пулеметными очередями град! Ледяные шарики заскакали над его головой, как тяжелые мячики, покатались вниз по железным листам кровли и желобам стоков. «Огород! Огород побьет!» Он бросился в сенцы и выскочил на крыльцо. Но сразу же с десятков тяжелых градин так врезали по голове и спине, что он, закрыв затылок ладонями, метнулся назад, под защиту крыши. А потом, припав к косяку, словно побитый мокрый пес, бессильно наблюдал, как безжалостная белая картечь косит уже зацветшую картошку, вырубает капусту, огурцы и прочую огородную мелочь, за которыми бабка так просила его присмотреть.

Град и дождь закончились так же внезапно, как и начались. Довольные тучи поспешно поползли вниз по реке, рассеиваясь на глазах. И почти сразу же засияло солнце, отражаясь в миллионах сверкающих шариков, рваной скатертью накрывших часть долины вокруг гидропоста.

— Точечный удар, блин! — Сергей, невольно вспомнив военный термин, угрюмо сплюнул на землю и поддел сапогом несколько градин. — Как специально! Что за место такое проклятое — то Она, то этот град! А может, и впрямь специально? Она? В отместку?

Он прошел в огород и начал, время от времени поглядывая на реку, выбирать градины из грядок. Но под ними было такое сплошное черно-зеленое месиво, что Сергей понял: бесполезно, на всем урожае — боль-

БОЛЬШАЯ белая рыба

шой крест. «В отместку. Точно, в отместку». Ему стало совсем нехорошо и, вернувшись к дому, чтобы чем-то отвлечься, он торопливо ухватил топор и начал громко и хрястко колотить сосновые чурки.

Запыхавшись и присев отдохнуть, Сергей прикрыл глаза, чтобы не видеть разор на подворье, и почти сразу же услышал голос. Да, голос. Он опять доносился с ближайшего плеса, только был на этот раз намного тише и тоскливей. Сергей потряс головой, отгоняя наваждение. «Нет, точно голос. — И тут в мозгу его вспыхнула догадка: — Так это, наверное, Она. Она вчера и пела! Никакая не птица, а Она. И потом — в воду. Русалки же во всех сказках поют. Приманивают. Приманят — и утаскивают!»

Вдруг вспомнив, как поступали в таких случаях сказочные герои, он поспешно вошел в дом, отыскал вату и плотно заткнул оба уха. А потом снял со стены двустволку и прямо с крыльца «отдуплетился» в сторону плеса.

День прошел, как в кошмарном сне, не лучше была и проведенная в полудреме ночь, с ежечасным ожиданием зловещей гостыи или даже целой компании нечисти.

Солнечное утро немного оживило Сергея, да и уставший от постоянного напряжения организм не то чтобы успокоился, а как-то утратил остроту страха. Впервые за последнее время нормально поев, он присел на крыльцо, покурил и, словно подначиваемый невидимым крошечным бесом, потянулся к уху раз, потом второй, и, в конце концов, все же вытащил из него вату. Над рекой звенела лишь тишина. Подождав немного, он освободил и второе ухо. Ни-че-го. Никаких посторонних звуков. «Молчит. А может, она того... от потери крови? Я же здорово ее зацепил. Если, конечно, русалки от этого умирают».

Почти поверив в это и набравшись смелости, он спустился к реке, снял показатели и записал задним числом эти же цифры в пропущенные

графы журнала. Потом, пытаясь себя еще чем-то занять, долго и бестолково тыкался из угла в угол, включал и выключал то магнитофон, то транзистор, без всякой жажды пил холодный перестоявший чай. А внутри его в это время почти незаметно, исподволь зрело, подталкивая, какое-то ненормальное, нездоровое любопытство. Будто кто-то еле слышно шептал в обретшие слух уши: «Пойди, посмотри. Молчит же. И по воде не бьет. Может, точно кровью истекла или смоталась подальше». Наконец, не в силах сопротивляться самому себе, он закинул за плечо ружье и, неумело, впервые в жизни перекрестившись, двинулся к плесу. «Подкрадусь потихоньку, гляну сначала через кусты. В прошлый раз она же не заметила, пока сам не шумнул».

Уже подойдя совсем близко к знакомому месту, Сергей уловил напряженным слухом негромкие звуки, доносящиеся от воды, и одновременно каким-то шестым чувством ощутил: Она там. Казалось, что где-то у того самого камня тихо шмыгает носом маленький ребенок, никак не могущий успокоиться.

По спине снова прокатился зябкой волной страх, но любопытство было уже сильнее. Он подобрался к самому краю кустарника и осторожно раздвинул листву.

Обнаженная, Она сидела на валуне к нему спиной и, уткнувшись лицом в колено согнутой ноги, тихо плакала. Вторая нога, обмотанная какими-то бурными листьями или водорослями, была осторожно вытянута вдоль камня. Волна русых волос, падающая с чуть тронутых загаром плеч на мокрый камень, тихо подрагивала.

Сергей застыл в изумлении, хотя и ожидал увидеть нечто подобное. Да, перед ним во второй раз была настоящая живая русалка, и это происходило не во сне или разыгравшемся воображении, а в самой реальной действительности. Словно что-то почувствовав, она стала медленно поворачивать лицо к берегу, и Сергей быстро отшатнулся за густую ветку краснотала, продолжая наблюдать в просветы между багровыми листьями.

Она была молода — лет восемнадцать, не больше — и очень красива. Даже опухший от слез маленький прямой нос и темные круги боли и обиды под большими голубыми глазами лишь делали ее красоту более трогательной.

— Ну что, так и будешь в кустах сидеть? — вдруг негромко произнесла Она обычным человеческим голосом.

Вздрагнув от неожиданности, Сергей чуть было не рванулся прочь, но, невольно сделав пару шагов назад, все же сумел остановить себя.

— Я же знаю, что ты там. Боишься? Как острой битой — так смелый. — Она опять беззащитно шмыгнула носом.

Сергей медленно выпрямился и чуть показался из-за кустов.

— Что, сказок начитался? Думаешь, сейчас схватит — и на дно.

БОЛЬШАЯ белая рыба

— Н-нет, не думаю, — наконец-то обрел дар речи Сергей и вдруг, неожиданно для себя, спросил: — А это вы тут так хорошо пели утром?

— Я... Да, наверное, зря! — В глазах ее темнела обида. — Я ему — песню, а он мне — острой в бок.

— Простите, я же не... Так это вы... для меня пели?

— А для кого же еще! Не для деда же твоего, тем более что он уехал.

— Но почему для меня?

— Почему... — Она, всхлипнув, отвернулась. — Потому что дурак ты, вот почему! Русалки поют тем, кто им нравится.

Сергей опять надолго замолчал.

— Ну что, так и будешь истуканом на берегу торчать? Не съем я тебя, не бойся. Посмотри лучше, что ты с моей ногой сделал.

Спустившись вниз и поняв, что, не замочившись, на валун не перебраться, Сергей нерешительно потоптался на берегу, потом скинул сапоги, побрел к камню и, сняв с себя рубашку, протянул ей:

— Вот, наденьте.

— А зачем? — Она впервые чуть улыбнулась. — Разве у меня некрасивое тело или плохая кожа?

— Н-нет, очень красивое. Но я же мужчина, а вы девушка...

— Опять боишься. Ну, ладно уж, давай. — Она быстро окунула рубаху в воду, сразу ставшую полупрозрачной, надела ее на себя и застегнула на одну пуговицу пониже груди.

— Простите еще раз, что я вас так. Я же не знал, я думал, что это рыба большая. — Сергей чувствовал, как его медленно втягивает в эти голубые омуты глаз, но ничего не мог с собой поделать.

— Смотреть надо лучше! — Она произнесла это уже примирительно. Потом, поморщившись,

чуть согнула в колене раненую ногу и приподняла водоросли вверх от колена. — Вот как разукрасил!

Увидев край глубокого кровавого рубца, Сергей невольно заволновался, словно перед ним была обыкновенная, случайно пострадавшая по его вине девчонка.

— Вот, действительно, идиот! Так располосовал. Очень больно?

— Немного есть.

— Как бы заражения не получилось! Может, я за аптечкой сбегаю? Антибиотиком присыпем, перевязку сделаем...

— Антибиотиком! — Она опять улыбнулась. — Ты забыл, кто я?

— А что, что же тогда? — Сергей растерянно затоптался в воде.

Вместо ответа она стала медленно разматывать водоросли на ноге и, глянув ему прямо в глаза, наконец-то негромко произнесла:

— У вас, людей, кажется, есть такая пословица: «Куда бьют, туда и целуют»...

— Н-не понял...

— Туда и целуют, — повторила она и показала пальцем на самый конец раны у колена.

Чувствуя, что пропадает, но, махнув на все рукой, Сергей наклонился и осторожно прикоснулся губами к ране, ощущая солоноватый вкус. А потом, покрывая ее поцелуями, стал медленно подниматься вверх по ноге. Рука его, скользя по бедру следом за губами, ощущала уже только шелковистую нежную кожу с почти неразличимой, тающей под пальцами ниточкой шрама, но сейчас это чудо совсем не поражало Сергея.

Потом он нес ее на руках к берегу, и горячий шепот обжигал его ухо:

— Не торопись, милый, ты у меня первый...

...Проснулся Сергей от ударившего в нос какого-то необыкновенно вкусного запаха. Открыв глаза, он увидел Ее со сковородкой в руках, только что стряхнувшую очередной горячий блин на верх уже высокой янтарной стопки на краю стола. На ней был лишь бабушкин фартук, небрежно прихваченный на тонкой талии завязками, а чуть порозовевшее от жара плиты лицо стало еще прекраснее. Сергей невольно зажмурился от такой картины, все еще окончательно не веря в реальность происходящего, но Она уже заметила, что он не спит.

— Вставай, вставай, засоня! Завтракать пора, а точнее — уже обедать! — Васильковые глаза ее весело блестели.

Улыбаясь в ответ, Сергей демонстративно потянулся и произнес, шутливо оправдываясь:

— Поневоле тут засоней станешь, ночь с днем перепутаешь. Не поймешь, где сон, а где явь. Открыл глаза — вокруг лес дремучий, избушка почти на курьих ножках, и любимая русалка блины печет. Прямо сказка!

БОЛЬШАЯ белая рыба

— А что, тебе такая сказка не нравится?

— Очень даже нравится.

— Тогда вставай!

Сняв очередной блин со сковороды, и снова смазывая ее маслом, Она подошла поближе:

— Это как ты сказал, какая там русалка блины печет?

— Любимая, — повторил он.

— Да-а... — Глаза ее засияли счастьем, и Она шагнула еще ближе к кровати.

— А как поживает твоя нога? — спросил он, хотя с языка готовы были слететь совсем другие, переполненные нежностью и восхищением слова.

— По-моему, ты ее полностью вылечил. Вот, посмотри. — Она повернулась правым бедром, чуть изогнув его изящную линию. — Кажется, ничего и не осталось.

Приподнявшись, Сергей прикоснулся самыми кончиками пальцев к тому месту, где была рана, и заскользил ими по золотистой коже, ощущая, как следом по ее бедру побежали мурашки.

— А мне кажется, что курс лечения еще далеко не закончен, — и припал губами к ноге.

Сковорода подпрыгнула несколько раз, гулко гроыхнув по половицам.

После завтрака-обеда они почти весь день провалялись в постели, то лаская друг друга, то ведя бесконечные разговоры. Точнее, это были расспросы Сергея, на которые она пыталась ответить.

— А почему у тебя нет хвоста, ведь во всех сказках русалки хвостатые?

— А тебе такое «рыбное меню» очень бы понравилось? Потому и нет. И не должно быть. Сейчас первая неделя после Троицы. Она называется Русальной — нашей неделей. Мы выходим из воды в леса, на луга, на поляны и становимся обыкновенными девушками с обыкновенными ногами и всем остальным. И так до

самой осени. Танцуем, поем, веселимся, качаемся на ветках, а когда начинает холодать, снова возвращаемся в свое водное царство. Вот тогда и становимся немного похожими на рыб.

— И не скучно зимой подо льдом?

— Нет, там интересно, там целый особый мир и есть свои развлечения. Но лето, конечно, лучше. И потом, только летом можно встретить любимого. — Она порывисто прильнула к нему, словно боясь потерять, положила голову ему на плечо и повторила: — Лю-би-мо-го.

— И утащить его под воду, — пошутил Сергей.

— Не надо так. Я же тебе говорила, что никто никого насильно не тащит. Бывает, что мужчины уходят с русалками, но только по собственной воле. Если очень сильно любят. Но до осени еще так далеко, а ты ведь тут на все лето?

— Да. Если бабка теперь не выгонит из-за огорода. Кстати, я все хотел спросить, это твоих рук дело, град этот?

— Моих. — Она негромко хихикнула и навалилась на него сверху. — Ну и видок у тебя был, когда градом отколошматило. А я думаю, мало ему, злодею, досталось! Тоже мне, китобой нашелся с гарпуном! Хорошо, что увернуться тогда успела.

— Ну, ладно, я — злодей, но огород-то при чем?

— Разозлилась. Потом, конечно, пожалела. Но я уже думала, как все исправить, и сегодня ночью мы устроим танцы на огороде.

— Чтобы все окончательно затоптать?

— Эх ты, темнота, ничего-то ты не знаешь. Конечно, если ты начнешь там свой рок долбать, то так и получится. Но любому дремучему крестьянину было известно еще сто лет назад, что там, где танцуют русалки, все идет в рост. Они даже специально их на свои луга заманивали. Были такие способы.

— Но я же не дремучий крестьянин.

— Это я уже поняла. Ты очень образованный, особенно сексуально, молодой человек. А ну, признавайся, сколько русалок у тебя было до меня? — Пальцы ее побежали к нему под мышки. — Признавайся, китобой, а не то защекочу! Защекочу насмерть!

— Я не лебедь, я не гусь, я щекотки не боюсь, — продекламировал он сквозь смех. — И русалок тоже. Особенно таких красивых, любимых, единственных.

— Правда?

Когда транзистор голосом диктора негромко известил о том, что наступила полночь, Она коснулась его плеча губами и тихо шепнула:

— Мне пора.

— На огород?

БОЛЬШАЯ

белая рыба

— Ты стал догадливым.

— Расту. А мне туда можно?

— Лучше посмотри отсюда. Мне-то ты не помешаешь, а вот другим...

— Слушаюсь, великая колдунья, и повинуюсь! — Сергей сел на кровати в позе восточного сказочного джина и шутливо склонил голову в поклоне.

— И правильно делаешь, умнейший, — в тон ему заметила Она. — Пока! — и выскользнула за дверь.

Сергей встал, попил воды и опустился на стул, припав лбом к холодному стеклу.

Она вышла на середину огорода и стала потихоньку раскачивать золотистую волну волос за своей спиной. И почти сразу же в избу донеслись звуки то ли заклинания, то ли песни, похожей на ту, что Сергей услышал на реке в первое утро. Песня становилась все громче и громче, и вдруг ее стали подхватывать один за другим далекие и чистые девичьи голоса. Прошло еще немного времени, и голоса начали приближаться. И было в их прекрасном неземном пении что-то такое, что заставило Сергея, уже забывшего в последние дни про страх, знобко свести плечи и невольно потянуть на них одеяло, висевшее на спинке стула.

Он отвлекся лишь на мгновение, но когда снова поднял глаза, то рядом с Ней стояли, а точнее — уже медленно двигались по кругу еще несколько обнаженных девушек с длинными распущенными волосами. Все они выглядели вполне земными и реальными, но в то же время было ощущение, что русалки не ступают ногами по земле, а плывут над ней, скользя по самым верхушкам обломанной ботвы.

Темп песни-заклинания начал нарастать, и в такт ему убыстрялся хоровод. И вот девушки уже стремительно летели над темными рядами и грядами, сливаясь в золотистое теле-

сное кольцо, над которым плескался нимб развевающихся волос. Внезапно это кольцо совсем оторвалось от поверхности и, вычертив несколько спиралей над огородом, уплыло куда-то за лес. Вместе с ним растворилась вдалеке и песня.

Проводив загипнотизированным взглядом это чудо до самого горизонта, Сергей сломал несколько спичек о коробок, пытаюсь прикурить. Когда это ему удалось, глубоко затянулся пару раз и, успокаиваясь, вышел на крыльцо. Ее нигде не было видно. «Точно, улетела». Он перевел взгляд на огород и снова замер: стебли и соцветия поднимались с земли, вылезали между черных комьев и вообще материализовались откуда-то из небытия с невероятной скоростью. Он не успел докурить сигарету, а на огороде и грядках уже все густо зеленело и исходило манящими запахами. «Чудеса! Опять чудеса. Но почему же Она улетела с ними? Куда улетела? Или так было нужно?»

Постояв еще минут пять, он вошел в избу и лег на кровать, но долго не мог успокоиться, а уж тем более — уснуть, все прислушивался, не идет ли Она? Странно, но за эти несколько дней Сергей, оказывается, так привык осязать и видеть ее рядом, слышать ее дыхание и голос, что теперь разом почувствовал себя погруженным в какую-то пустоту. Ее не хватало так остро и мучительно, что он окончательно осознал все, что произошло, и мысленно подписал себе приговор: «Да, братец, ты точно влюбился. Втюрился всерьез и надолго. И в кого — в русалку! Что делать-то теперь будешь? Девчонка она, конечно, замечательная, и будь обычным человеком — на руках бы в ЗАГС унес. А тут... Хотя до конца лета вон еще сколько времени, может, все и образуется. Вдруг удастся ее превратить, расколдовать как-нибудь, волшебника или фею какую отыскать? Раз уже в сказку попал, то по ее законам и жить надо. Вернется — расспрошу, как следует».

Она появилась на рассвете. Разгоряченная, но какая-то тяжелая, навалилась на него, обрывая полудрему, принялась жарко целовать:

— Что, потерял небось? Или нет?

— Конечно, потерял. Думал, навсегда улетела.

— Не надейся, от меня не очень-то легко отделаться, — попыталась Она пошутить. — Хотя теперь... — Вздохнула и добавила уже серьезно, с легкой грустинкой: — Нужно было так. Улететь. В эту ночь мы все должны были собраться у того большого озера, что за перевалом. Знаешь?

— Знаю. Оно Лебединым называется. А у вас что, Вальпургиева ночь сегодня?

— Что-то вроде этого, только не для ведьм, а для русалок. Главный праздник Русальной недели. — Она опять вздохнула.

— А почему так грустно?

БОЛЬШАЯ белая рыба

— Потому что сегодня был мой последний праздник. И неделя последняя. Но ты об этом...

— Как это — последняя? — не понял Сергей.

— Последняя вообще. Я думала, что мы с тобой до осени...

— Как, последняя неделя?! Ведь сегодня уже воскресенье... — Обожженный этой мыслью, он подскочил и сел на кровати. — Почему последняя?!

— Потому что русалками бывают только девушки, которые не знали настоящей любви. А я узнала. С тобой. Мне это сказали на празднике. Тот, Кто Управляет Всеми, сказал. Я не хотела тебе рассказывать, да вот не смогла умолчать.

— И что, что теперь с тобой будет?! — В его вопросе прозвучало столько горечи и одновременно боязни за нее, что Она печально улыбнулась, успокаивающе провела ладонью по его волосам и постаралась произнести как можно спокойнее:

— Я просто уйду под воду. Совсем уйду, навсегда. Завтра на рассвете. Какое-то время я еще буду здесь, попрощаюсь со своим плесом, с рыбами своими, с любимыми местами. Потом поплыву вниз по Олекме, по Лене, по морю Лаптевых — к далекому Месту в теплом океане, где со мной должно произойти что-то новое, но это знает только Тот, Кто Управляет Всеми. А мое место займет другая девушка. Может, даже красивее и лучше. Но давай больше не будем об этом, у нас с тобой еще целые сутки.

— Я... — Голос Сергея дрогнул. — Я не хочу тебя терять. Я понял это сегодня ночью, когда тебя не было.

— Не надо, милый. Лучше прижми меня крепко-крепко и молчи. Молчи, милый. Поцелуй меня вот сюда и сюда...

...Они вышли из дома, когда небо на востоке стало светлеть. Уже недалеко от плеса Она повернулась к нему, потерянно молчавшему, и попросила:

— Возьми меня на руки. Помнишь, как ты нес тогда на берег... Здесь уже близко, тебе ведь не будет тяжело?

Сергей поднял ее и прижал к груди так, чтобы она не видела его повлажневших глаз.

По-детски прильнув к нему, Она то ли успокаивала, то ли снова убеждала и его, и себя:

— Тебе сейчас плохо. И мне тоже. Но это у тебя пройдет. Я знаю, пройдет. Гораздо хуже было бы с твоей мамой, если бы ты вдруг... Ты ведь у нее один, одна надежда. Она бы просто не перенесла, если бы с тобой такое случилось... — Шею Сергея обожгли две горячие капли, заскользили вниз под рубаху. — А у меня тоже пройдет. В конце концов, многие русалки уходят одни — и ничего...

Он осторожно спустился с нею к воде. Она хотела, было, выскользнуть из его рук, но Сергей тихо произнес:

— Погоди. Не торопись. — И прямо в брюках и сапогах побрел к валуну.

— Но я всегда, я всегда буду помнить тебя! — Она спешила сказать то, что еще не успела. — Ты самый лучший, самый красивый на свете, самый любимый!..

Сергей встал на край валуна и закрыл ее горячий шепчущий рот долгим-долгим поцелуем. А потом, не разнимая губ, шагнул в глубину. Она отчаянно пыталась разорвать объятия и вытолкнуть его на поверхность, но он сжимал ее сильнее и сильнее, медленно опускаясь на дно в ореоле серебряных пузырей...

Выйдя из вертолета и не увидев встречающего внука, Макарыч нутром почувствовал неладное. Оставив старуху с сумками во дворе, он торопливо зашагал вдоль берега. Едва дед вышел к плесу, как в глаза ему бросился свежий, глубоко вдавленный в песок след сапог, ведущий к валуну. Обратного следа не было.

— Сергуня... Как же ты так?! — прошептал Макарыч дрожащим голосом, медленно оседая на берег. — Как же ты так не уберегся, Сергуня? Сдернул тебя таймень проклятуший с камня!.. Сергуня, что же я теперь матери-то твоей скажу... — И он, кланясь вперед, уронил лицо в мокрый песок.

А на крыльце избы в тревожном ожидании сидела старуха, не замечая, что к подолу ее выходной черной юбки прильнул длинный золотистый волос. □

Вахтанг Абхазоц

ГОРНЫЙ ПОТОК

У гор — свои законы, кодекс свой.
Поток, что мчится с гор, он ведь — живой.

В ущелье ветер воет, словно волк.
И вдруг — затих, и мир вокруг — умолк.

Ударил град из перезревшей тучи,
а вышло солнце — он растаял тут же.

От солнца — жизнь! Все в мире им согрето!
В нем весть о том, что скоро будет лето.

Чтобы себя спасти, зима стремится
бежать туда, где вечный снег искрится...

У гор — свои законы, кодекс свой.
Не плюй в поток бегущий — он живой.

КАПЛЯ

Я — капля, я — дочь родника.
Я травам нужна для глотка.
Я — влага, я жизнь всем несу.
Меня не смахнешь, как слезу.

Я вечна! Взлечу в небеса —
оттуда прольюсь на леса.
Я каждой травинке душа,
люблю ее, как малыша.

Коль реки все высохнут враз —
спасеньем я стану для вас!
Я — капля, я — дочь родника.
Я землю спасаю века...

ЕСЛИ ДЕНЬ МЕНЯ НЕ ЗАМЕТИЛ

Ну, как скажу, что этот день был —
зря?

Уходит он, и я о нем тоскую.
Тревога душу жжет, огнем горя,
а я, как карты, боль свою тасую.

То, что прошло, обратно не зову.
Багаж тоски унылой мне не нужен.

***

Словно рыбы в холодных пучинах,
мы плывем по судьбе наобум,
отделяя от следствий причины,
хороня глубину своих дум.
Жизнь порою нас радостью манит,
а порой обрывает мечты,
то волной до небес поднимает,
то свергает опять с высоты.

То к вершинам зовет, то в лощины,
то домой возвращает нас вновь,
на челе оставляет морщины
или позднюю дарит любовь.
То ли солнце горит, то ль лучина,
то ли мертвая тишь, то ли шум —
мы, как рыбы в холодных пучинах,
все куда-то плывем наобум...

ЭТОТ МИР БЫЛ БЫ ПУСТ

Я похож на птенца, что взлетел наугад,
о гнезде не тоскуя родном.
Он и думать не думал вернуться назад —
как и я, покидая свой дом.

Так и детство мое, разорвав облака,
с птичьей стаей уплыло в страну,
что от всех далека, далека, далека...
(К ней дорога — как путь на Луну!)

Жизнь, как клин журавлиный,
сквозь вечность летит,
светят снизу пруды и сады.
Я встречаю то зло, то добро на пути,
постигая загадку судьбы.

Я листаю, как книгу, полночные сны,
где так сладко играть во дворе.
Их страницы счастливых мгновений полны,
посвященных той давней поре.

Я несу это счастье сквозь сотни дорог,
не боясь угнетающих дум.
Если б я свое детство в душе не берег —
этот мир был бы пуст и угрюм. □

Перевод с абхазского **Николая Переяслова**

Иероним Босх

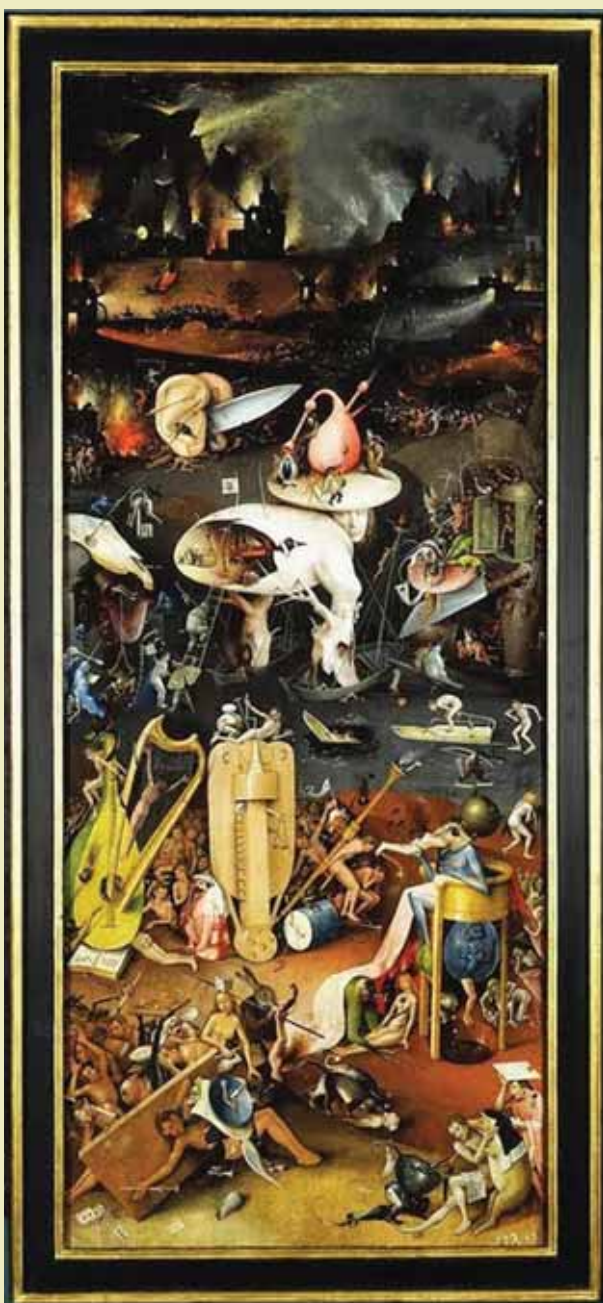
Эта картина — одна из самых известных и самых загадочных в истории мировой живописи. Созданная в 1503 году, она до сих пор до конца не разгадана. Но поразительно то, что многие ее символы, потеряв старые смыслы, обрели новые. Она по-прежнему удивительно современна, как, впрочем, современно и все творчество ее гениального создателя — великого голландца Иеронима Босха.

«САД РАДОСТЕЙ ЗЕМНЫХ»

Точная дата рождения Босха не известна, предполагают, что он появился на свет около 1450 года в небольшом голландском городке Хертогенбос. Семья была довольно зажиточная — отец имел много заказов, а мать, дочь местного портного, наверняка получила неплохое приданое. Впоследствии их сын Иероним ван Акен, вероятно, из честолюбия, дабы выделить себя из множе-

ства ван Акенов, а может, из чувства патриотизма, стал называть себя Иеронимом Босхом, взяв в качестве псевдонима укороченное название родного города. Первые уроки художнику дали дед и отец — профессиональные живописцы. Позже он отправился учиться сначала в Гарлеме, потом в Делфт, а в 1480 году вернулся в Хертогенбос уже настоящим мастером-живописцем.

Через год Босх женился на милой девушке Алейд ван Мервей, семья которой принадлежала к верхушке городской аристократии, и супруги Босх поселились в небольшом поместье в Оиршоте, принадлежавшем Алейд, недалеко от Хертогенбоса. Иногда, правда, художник приезжал в свой городской дом — когда возникали дела, связанные с заказами или с оформлением городских праздников. С женой Босху явно повезло — став мужем Алейд, он больше уже никогда и ни в чем не нуждался. Хотя недостатка в заказах у него не было, ему не нужно было работать ради денег, а потому он давал себе волю в выборе сюжетов и стиля своих картин. Мало кто в истории искусства был столь свободен в творчестве!

К сожалению, о жизни Босха практически ничего не известно, а из того малого, что мы знаем, совершенно невозможно составить представление о личности художника. И только картины могут рассказать о том, каким человеком был их автор...

Прежде всего, поражает обширность интересов и глубина знаний

художника. Сюжеты его картин разыгрываются на фоне зданий как современной ему, так и античной архитектуры, ему знакомы стили восточных и западных строителей. В его пейзажах — вся известная тогда флора и фауна: среди тропических растений обитают животные северных лесов, а слоны и жирафы пасутся на голландских полях. На его полотнах — все достижения техники XV века: водяные и ветряные мельницы, плавильные печи, кузнечные горны, мосты, повозки, корабли. На картинах ада художник показывает оружие, предметы кухонной утвари, музыкальные инструменты, причем последние написаны так точно и подробно, что, как сказал известный музыковед Ганс Леннеберг, эти рисунки могли бы служить иллюстрацией к современному учебнику по истории музыкальной культуры.

Босх был прекрасно знаком и с достижениями современной ему науки. Врачи, астрологи, алхимики, математики — частые герои его картин. И наверняка в подвале его дома, рядом с красками и досками, а может, на одном из этажей, была кунсткамера, подобная той, что была у другого гениального художника, Дюрера, где хранились всякие диковины — чучела удивительных птиц, засохшие растения и другие редкости, привезенные из разных стран местными купцами. И, конечно же, в его доме было много книг. Представления художника о мире загробном, о том, как выглядит преисподняя, основаны на глубоком знании

богословских, теологических трактатов и житий святых. Кроме того, он прекрасно знал фольклор, мир сказок и легенд своего народа, и это тоже нашло отражение в его картинах. Играя символами и знаками, хорошо понятными его современникам, Босх сочинял свои грандиозные живописные симфонии.

Во времена Босха художники писали в основном картины на религиозные сюжеты. Но уже в самых ранних своих работах он взбунтовался против установленных правил — ему гораздо интереснее живые люди, со своими заблуждениями и прозрениями, и он писал в основном жанровые картинки.

Раз в неделю на центральной площади Хертогенбоса вырастали шатры — местные и приезжие торговцы выносили свой товар. Чего тут только не было! И овощи, и фрукты, и сыры, и вина... Ну, и конечно, приезжали разные фокусники и шарлатаны. Ведь как не пожить на глупости и доверчивости местных жителей!

На картинах Босха — не античные и не библейские герои, типичные для живописи той эпохи времени, а вполне смертные и порой далеко не безгрешные люди его времени: бродячие фокусники, лекари, шуты, актеры, музыканты. И нищие, бродяги. Путешествуя по городам Европы, они развлекали почтенных бюргеров и крестьян, рассказывая, что происходило в мире. Без них, этих бродяг, отважных и хитроумных, не обходилась ни одна ярмарка, ни один карнавал или церковный

«Корабль дураков»

праздник. Шутам, юродивым позволялось многое, и они говорили правду — ту, что власть имущим слышать бывало весьма неприятно. И Босх писал этих людей, сохраняя для потомков их образы, аромат своего времени.

Одна из самых знаменитых работ художника — грандиозное полотно «Семь смертных грехов». Из центра большого круга смотрит огромный зрачок — всевидящее Око Бога, а вокруг него — картины грехов чело-

веческих: гнев, гордыня, похоть, леность, скупость, зависть и мздоимство. Каждому из смертных грехов художник посвятил отдельную сценку, а в результате получилась история человеческой жизни. По четырем сторонам этой большой композиции Босх изобразил «Смерть», «Страшный суд», «Рай» и «Ад» — то, что, как верили в его время, завершает жизнь каждого человека.

Позже были написаны «Смерть скряги» и «Аллегория обжорства и похоти», а завершается цикл картиной «Корабль дураков», написанной, по-видимому, под вдохновением знаменитой поэмы Себастьяна Бранта «Корабль дураков». На ней мы видим всех персонажей поэмы Бранта: пьянчужек-гуляк, бездельников, шарлатанов, шутов и сварливых жен. Без руля и без ветрил плывет этот корабль, а его пассажиры предаются грубым плотским утехам. Никто не знает, когда и где закончится плавание, к каким берегам суждено им пристать, да их это и не волнует — они живут настоящим, забыв о прошлом и не думая о будущем. Лучшие места занимают монахи и монахиня, горлающиеся непристойные песни; мачта превратилась в дерево с пышной кроной, в которой злобно ухмыляется смерть...

Бог создал, с горечью и отчаянием говорит художник, для человека прекрасный мир, а он, этот венец творения, погряз в пороках, в низости и прегрешениях.

Шел к концу XV век. Наступали смутные времена. Новые правители Нидерландов Карл Смелый, а по-

том Максимилиан I огнем и мечом заставляли своих подданных повиноваться престолу. Непокорные деревни сжигали дотла, всюду появились виселицы и колеса, на которых четвертовали мятежников. Да и инквизиция не дремала — то тут, то там в пламени костров заживо сгорали еретики, осмелившиеся хоть в чем-то не согласиться с могущественной Церковью. На рыночных площадях голландских городов, и Хертогенбоса тоже, теперь не продавали пряности и сыры — тут шли публичные казни преступников и еретиков. Неслучайно тут и там люди заговорили о конце мира. Ученые богословы называли даже точную дату Страшного суда — 1505 год. Вся Западная Европа читала «Божественную комедию» Данте и «Откровения св. Иоанна» (Апокалипсис), а также появившуюся еще в XII веке книгу «Видение Тундгала», книгу, написанную якобы ирландским королем Тундгалом, о его посмертном путешествии по преисподней. Конечно же, она попала и в дом Босха. При свете дня и со свечей, долгими вечерами, когда в городе все стихало, и одиночный вопль означал убийство, вскрик — арест, а быстрый разговор — мародерство, он читал и перечитывал этот мрачный средневековый опус, и постепенно образы ада вытесняли из сознания Босха образы его глуповатых и жуликоватых земляков. Каким может быть финал существования человека на земле, человека, столь глупого, грешного, низкого, не способного противосто-

«Музыкальный ад»

ять своим слабостям? Только ад! Итак, преисподняя — удел почти всех, в рай попадут лишь немногие.

Бог не дал супругам Босх детей. За что, за какие грехи его лишили отцовства, мучительно размышлял

Триптих «*Воз сена*»

художник. И что он такое делает в жизни неправильно? И неужели он тоже попадет в ад? Но что это такое — ад? Босх снова и снова возвращался к описаниям странствий короля Тунгдала, так захватившим его воображение, к этим мучительным и завораживающим картинам адских мучений, и в его голове рождались композиции его будущих полотен...

Раньше на его полотнах картины преисподней служили скорее напоминанием о неизбежности наказания за прегрешения, а теперь ад для Босха становится обязательным финалом истории человека. И он пишет алтарь «Воз сена». Плывет среди людей огромный воз сена, и они тянутся к земным благам, готовые все

отдать за обладание ими, бросаются к возу, давят, режут друг друга и гибнут под колесами гигантского молоха. Все втянуты в безумную погоню за призрачным счастьем, все бегут, не подозревая, что бегут-то к своей неминуемой гибели.

На правой створке триптиха Босх изобразил ад. Тут все заняты своим делом: строители, грузчики, плотники возводят сооружения для пыток несчастных грешников, а вот группа монстров уже тащит в мрачные глубины преисподней обнаженного грешника...

Но Босх не мог смириться со злом, он мучительно искал выход и нашел его в житиях святых и отшельников, которые теперь становятся его героями. Среди них —

святые Антоний, Иероним, Христофор. Удалившись от мира людей, они совершают подвиги благочестия и побеждают, потому что у них есть мощное оружие в борьбе со злом — Вера...

Вот уж начался новый, XVI век, а обещанный конец света так и не наступил. Жизнь становилась быстрее и интенсивнее. А Босх по-прежнему жил то в своем доме в Хертогенбосе, то в своем любимом поместье, размышляя о жизни и работая тогда, когда ему хотелось взять в руки кисти. У него как всегда много заказчиков. Герцог бургундский Филипп Красивый заказал ему алтарь с изображением Страшного суда, а штатгалтерша Нидерландов Маргарита приобрела его «Искушение св. Антония». Его картины покупали высокопоставленные ценители искусства Австрии и Германии. Огромным успехом пользовались и гравюры с его работ.

В последних работах Босх снова и снова возвращается к своим любимым темам — жизнь земная и небесная, страдания грешников в аду, неотвратимость наказания... Одна из таких работ — знаменитый алтарь «Сад радостей земных», пожалуй, одно из самых известных, фантастических и загадочных произведений мировой живописи. Создано оно было по заказу приора ордена Святого Иоанна, внебрачного сына герцога Альбы. Выполняя заказ святого отца, художник делал то, что считал необходимым, — предупреждал мир, погрязший в разврате, о неизбежной расплате.

Поэтому так смело подписал свою работу — под изображением волынки поместил свой автопортрет.

Центральная часть алтаря показывает, как зло, только зарождавшееся в Эдеме, пышно расцветает на Земле. Во всем движении живой, суевающейся массы — греховность, похоть и порок. Люди вкушают огромные ягоды земляники — этаким намеком на вкушение запретного плода. Посреди сада — купающиеся в озере женщины, а вокруг них скачут на конях мужчины — верховая езда символизировала совокупление. Многочисленные яйца, пузыри, прозрачные стеклянные оболочки, хрупкая скорлупа — знаки недолговечности земных услад и земной жизни. Удовольствия притя-

Оборот створок триптиха «*Воз сена*» — «*Жизненный путь*»

*Возвращение
блудного сына*

гательны, но они несут гибель, смерть. И на следующей створке художник снова изображает ад, в центре которого огромный сатана творит свой адский бал...

В 1516 году, 9 августа, как сообщают архивы Хертогенбоса, «знаменитый художник» Иероним Босх скончался. Между тем, его имя уже приобрело известность не только в Голландии, но и в других странах Европы. Испанский король Филипп II собрал его лучшие произведения, а «Семь смертных грехов», приобретенные королем после смерти бывшего владельца, он даже поместил в своей спальне в Эскориале. А в 1549 году в Антверпене моло-

дой Питер Брейгель организовал «Мастерскую Иеронима Босха», где вместе со своими друзьями изготавливал гравюры в стиле Босха и продавал их с большим успехом.

Однако жизнь людей поменялась уже настолько кардинально, что символический язык художника становился непонятным. Издатели, печатая гравюры с его работ, вынуждены были сопровождать их пространными комментариями. Алтари Босха исчезали из церквей, перекочевывая в собрания «высоколобых» коллекционеров, которые с удовольствием упражнялись в их расшифровке.

Начиная с XVII века, о Босхе практически совсем забыли. Рабо-

ты художника пылились в запасниках музеев, а искусствоведы лишь мельком упоминали в своих трудах о странном средневековом живописце, рисовавшем какие-то фантазмагории.

Но вот наступил век XX, и видения Босха вдруг снова стали удивительно современными... Первая мировая война не очень затронула жизнь в провинциальном Хертогенбосе, зато Вторая напомнила его жителям, что такое настоящий ад. В мае 1940 года в Хертогенбос вошли немецкие войска. Недалеко от города в местечке Вюгт немцы построили пересыльный концлагерь Герцогенбуш, откуда голландские евреи попадали в лагеря уничтожения Освенцим и Берген-Бельзен. Через Герцогенбуш прошли 31 000 заключенных — Ад Босха вернулся к людям... Он возродился и в других фашистских лагерях смерти — Освенциме, Трешлинке, Бухенвальде, где в печах, работавших без перебоя, сгорали тела и души невинных детей и взрослых...

С годами творчество Иеронима Босха не стало менее актуальным. Его мучительные размышления и скорбные прозрения, итоги его дум об извечных проблемах добра и зла, о жизни и смерти, вере и грехе по-прежнему, как и пять столетий назад, волнуют всех, кто соприкасается с творчеством этого художника. Вот почему мы вновь и вновь вглядываемся в его гениальные, нестареющие полотна, и среди них — «Сад радостей земных», бессмертное создание бессмертного гения. □

«Смерть скряги»

Болег Басилашвили

Евгения Гордиенко

Из Москвы в Петербург — с талантом

Родившийся в Москве, он всю жизнь служит в Большом Драматическом Театре Санкт-Петербурга. Нося грузинскую фамилию, не говорит на грузинском языке. Имея среди предков священников, военных и литературоведов, пошел по актерской стезе. Он — один из тех людей, кого часто называют «совестью нации».

Сам Олег Басилашвили называет себя коренным москвичом — здесь родился, вырос, влюбился в театр. Уже по прошествии многих лет выкупил комнату в коммуналке, где прошло его детство. Он успел запомнить старую Москву: дворики, переулки, открытые окна и розовые от зимнего нежного солнца кресты на церквях. Рядом с домом, где жила семья Басилашвили, — храм Троицы Живоначальной, и мама рассказывала Олегу, что в этой квартире просыпалась под звон колоколов. Колокола потом, конечно, сбросили, а восстановили не так давно.

Мать Олега Валериановича — Ирина Сергеевна Ильинская — была доктором филологических наук, автором «Словаря языка Пушкина». А вот предки по материнской линии — священники, выходцы из деревень. Дедушка учился в духовной семинарии, но одновременно рисовал. Священником не стал, поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. Закончил его с Большой серебряной медалью. При его участии построен Храм Спасителя и несколько церквей в Москве.

Отец — Валериан Ношрewanович — носитель грузинских корней. Он был директором московского политехникума связи. Его отец, дед Олега Басилашвили, — Ношрewan Кайсосорович — служил в царской армии в чине полковника. Когда его полк стоял в Польше, он влюбился в прекрасную полячку. Жениться на иностранке, как военнoслужаж-

щий, он не мог — это запрещалось. Но любовь оказалась сильнее — он все же женился, и его тотчас разжаловали. Ношрewan вернулся домой, и, как бывшему полковнику, ему доверили пост в полиции. Однажды он поймал двух бандитов и отправил в тюрьму, фамилия одного из них была Джугашвили. В 1939-м году Сталин все припомнил Басилашвили. Ношрewan арестовали и посадили в тюрьму. Его сильно били, и после этого он все русские слова стал говорить наоборот. Вместо «хлеб» — «белх», вместо «мама» — «амам»...

Еще более интересна история Кайсосоро, прадеда. Жил он еще во времена, когда в Грузии правил царь. В семье было несколько сыновей, и когда отец умирал, он разделил все имущество между ними: одному завещал дом, другому — землю, а Кайсосоро, как самому младшему, досталась лошадь — старая, худая, больная... Сел он на эту лошадь, поехал по полю, а она идти почти не может, он аж заплакал от горя. В это время там проходила царская соколиная охота. Царь увидел плачущего юношу и спросил: «Почему ты плачешь?» Кайсосоро рассказал ему историю о том, как получил в наследство лошадь, а наследство это — сдохнет через час-другой. «А землю тебе не дал отец?» — «Нет, не дал». — «Тогда сделаем так: садись на свою лошадь и поезжай. Сколько она пройдет, это и будет твоя земля». Он сел, и лошадь шла целые

сутки. И вся земля до горизонта оказалась его.

Уже совсем немолодым человеком Олег Валерианович вместе с двоюродной сестрой посетил историческую родину — деревню Карби. Когда он спросил: «Где тут дом или земля Басилашвили?» — ему ответили: «Здесь вся деревня — Басилашвили. А кто вы такие?» — «Мы внуки Ношревана и правнуки Кайсосоро». Пировали всей деревней. Предложили даже помочь в постройке дома, если возникнет такое желание...

Но это все дела давно минувших дней, а вот сам Олег Басилашвили родился уже в Москве, 26 сентября 1934 года.

Его детство ничуть не отличалось от детства любого московского мальчишки в военное и послевоенное время — дворы, игры, школа. Вот только юного Олега после первого же знакомства совершенно заворожил театр: «Я плохо учился в школе и ни на что не претендовал. Математика — гроб полный. И вот возник на моем пути Художественный театр, который меня обворожил тем, что ты попадал не в театр, не в помещение, где прекрасные актеры говорили чужими голосами чужие слова, а это были целые миры. Мир «Синей птицы» Метерлинка: «Вот мы не нашли синюю птицу, дети, может, вы вырастаете, найдете ее и поможете вашей соседке?» До сих пор я это чувствую. «Три сестры» Немировича — тоже до сих пор. И мне

захотелось туда, в тот мир. Я готов был там даже не играть, а полы мыть. В годы войны я думал — фашисты опять нападут на Москву, будут приближаться к Художественному театру, а я лягу на крыше с пулеметом и буду его защищать. Причем ни к одному из других театров у меня не было такого отношения. В них не было нравственного клея, а во МХАТе это было главное».

Разумеется, при поступлении даже не было сомнений — только Школа-студия МХАТ. Басилашвили поступил на курс к Павлу Массальскому. Вместе с ним учились Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Татьяна Доронина — главная красавица курса. С ней-то у Олега Валериановича и начался роман...

Пожились они еще в студенческие годы — без свадебного платья и колец, тогда это было не принято.

В 1956 году, после окончания учебы, Доронину пригласили сразу в несколько театров, а вот на Басилашвили такого спроса не было. Его пригласили только в Сталинградский драматический театр. Доронина поехала за мужем, но вскоре они приняли решение вернуться в Ленинград, откуда Татьяна была родом.

Поначалу устроились в театр имени Ленинского комсомола и даже несколько месяцев жили в гримерке.

Зато по прошествии трех лет Доронину в Большой Драматический Театр позвал сам Товстоногов. Муж шел «в нагрузку» — она убедила принять в труппу и его тоже.

Брак Басилашвили и Дорониной продлился восемь лет. Разошлись супруги по ее инициативе, за что Олег Валерианович был ей очень благодарен: «Нас объединяло что-то другое, более глубокое... Когда мы разошлись, я вдруг понял, что освободился от этого гнета. Я очень благодарен Татьяне Васильевне, что она была инициатором развода».

Несмотря на то, что взяли Басилашвили в БДТ благодаря Дорони-

ной, он остался там после развода, а вот она вернулась в Москву.

Товстоногов давал ему много играть, но, как это было принято в БДТ, начинал Олег Валерианович с совсем незаметных ролей, затем получал роли побольше и, наконец, — главные. В какой-то момент актеру надоело быть «на задворках», и он задумался об уходе из театра. Узнав об этом, Товстоногов лично подошел к Басилашвили: «Олег, я чув-

ствую, что вы хотите уйти из театра. Я вас прошу этого не делать, вы мне очень нужны».

Уже вскоре начались главные роли — Андрей Прозоров в «Трех сестрах», Хлестаков в «Ревизоре», Войницкий в «Дяде Ване», Джингль из «Пиквикского клуба».

Попутно, разумеется, было и много работы в кино. Дебютом в кинематографе стала роль Андрея Андреевича в фильме Григория Никулина и Владимира Шредера «Невеста».

Басилашвили работал со многими режиссерами, среди которых

Шахназаров, Усков и Краснопольский, Швейцер, Данелия... Но настоящая кинематографическая слава пришла после знакомства Олега Валериановича со «своим» режиссером — Эльдаром Рязановым. Узнавать на улицах актера стали после роли подлеца Самохвалова в комедии «Служебный роман».

Потом были и «О бедном гусаре замолвите слово», «Вокзал для двоих» и данелиевский «Осенний марафон», главный герой которого — Бузыкин — квинтэссенция мятущейся интеллигенции того времени.

*Татьяна
Доронина*

*С женой
Галиной
Мшанской
и дочерью*

Басилашвили, как правило, и доставались такие роли — либо мерзавцев, прикидывающихся приличными людьми, вроде Самохвалова, либо интеллигентов, которые сами себя загоняют в невероятные трудности, вроде Бузыкина или Платона Громова из «Вокзала...»

Кстати, у Рязанова Басилашвили мог сняться и в «Иронии судьбы, или С легким паром» — в роли Ипполита. Но у актера внезапно умер отец, и он

отказался от роли, которую в итоге сыграл Юрий Яковлев. Но вот в кадре, когда фотография Ипполита падает в снег, на ней — лицо Басилашвили. Сцена была снята одной из первых, и переснимать ее не стали.

Готовясь к съемкам «Вокзала для двоих», Олег Валерианович два месяца провел в подмосковной колонии для несовершеннолетних. Прототипом же его героя, заявившего, что за рулем сбившей человека ма-

шины сидел он сам, был известный композитор Микаэл Таривердиев. А за рулем авто в реальности сидела актриса Людмила Максакова. Только Таривердиев в колонию не попал, его спасла амнистия.

Несмотря на сходство многих сыгранных образов, Басилашвили никогда не повторялся и каждого персонажа раскрывал по-своему. И не снимался в тех картинах, в которых сниматься не хотел: «Я никогда не шел на то, что мне не нравится. Есть фильмы, где я плохо играю. Вот там стыдно. Ну, не вышло. Но таких — мало. Я всегда снимался в фильмах, которые были мне интересны».

Когда в начале девяностых годов кино находилось в упадке, Басилашвили даже избирался депутатом Верховного Совета. Однако это не принесло никакого внутреннего удовлетворения. Более того, все едва не закончилось для актера печально. Однажды на выходе после очередного заседания его атаковала толпа митингующих коммунистов. «Я чуть не лишился жизни, — вспоминал Олег Валерианович, — мне бросали в лицо горсти медных монет. Я был весь избит и оплеван».

Как в девяностых, так и в двухтысячных актер оставался верен своему принципу — сниматься только там, где есть достойный сценарий и не менее достойный режиссер. Из последних ролей Олега Валериановича: генерал Епанчин в «Идиоте» Бортко и Воланд в его же «Мастере и Маргарите».

После развода с Дорониной актер женился во второй раз — теперь уже на всю жизнь. Его супругой стала петербургская журналистка Галина Мшанская, которая вот уже много лет делает на телеканале «Культура» программу «Царская лужа» — о звездах классического искусства, имеющих отношение к Мариинке. Мшанская из потомственно музыкальной семьи. Ее мать — великопепная певица, солистка Мариинского театра, а бабушка еще до революции пела в Большом театре.

Сам Басилашвили ведет на том же канале программу «С потолка». История ее появления такова. В гримерке БДТ, которую он делил с Сергеем Юрским, был сводчатый потолок. На нем расписывались все гости. О каждом, кто оставил свой «экземпляр» в этой коллекции автографов, можно рассказать что-то интересное. В то же время темы Олег Валерианович, по его собственному выражению, берет «с потолка».

История знакомства со второй женой тоже любопытна. Впервые Басилашвили увидел ее на экране телевизора, Галина вела в прямом эфире программу «Телевизионный клуб молодежи». Олег Валерианович в этот момент выпивал у себя дома с Павлом Луспекаевым.

— Сейчас я ее привезу, — заявил он и отправился прямо в телецентр.

Позже Галина вспоминала: «Я вела программу и вдруг боковым зрением заметила, что появился Олег — в пальто, кепке. Вижу, что

он неуверенной походкой идет ко мне. Я была в шоке: прямой эфир! Но в последний момент он заметил красный глазок на камере и остановился. Сейчас даже не помню — поехала я с ним тогда или нет».

Впрочем, актеру все же удалось покорить сердце молодой журналистки. Они вместе уже сорок пять лет, у них две дочери — Ольга и Ксения. Они, однако, не пошли по стопам отца. Младшая, Ксения, фило-

лог — в бабушку со стороны отца. Старшая, Ольга, окончила петербургский театральный институт по специальности экономика театра и работает на телевидении. Не так давно родилась и внучка с необычным именем Мариника.

Олегу Басилашвили уже за восемьдесят, но он по-прежнему полон энергии и творческих сил, так что останавливаться не собирается... □

A black and white portrait of the violinist Niccolò Paganini. He is shown from the chest up, wearing a dark coat over a white shirt and cravat. He has long, dark, curly hair and a full beard. He is holding a violin and bow, looking directly at the viewer with a serious expression. The background is a simple, light-colored wall.

Алла Зубкова

Волшебник из Тенчи

Ни один из великих музыкантов прошлого не пользовался такой легендарной славой, как Паганини. Чего только не приписывала ему молва. Он похищал благородных дам, несколько лет провел на каторге за убийство возлюбленной, продал свою душу дьяволу, кото-

рый за это сделал его несравненным мастером игры на скрипке. Да что там говорить, если даже великий Лист вынужден был с пеной у рта доказывать, что знаменитая скрипка Паганини не была сделана из дерева, из которого был сколочен гроб его отца ...

Разумеется, можно удивляться суеверию современников великого маэстро. Но ведь у них было и оправдание. Что могли думать неискушенные слушатели, внимая божественным звукам его скрипки, если издавшие виды музыкальные критики писали: «Порадуемся, что этот волшебник живет в наше время, если бы он играл так сто лет назад, то был бы сожжен на костре, как колдун».

Ну а что касается благородных дам, то у Паганини не было необходимости похищать их. Он и так не знал от них отбоя. Достаточно сказать, что среди его любовниц были даже две родные сестры императора Наполеона.

Будущий великий скрипач появился на свет 27 октября 1782 года в Генуе. Его отец, Антонио Паганини, владел небольшой мелочной лавкой, да еще подрабатывал упаковщиком в генуэзском порту. Он страстно любил музыку, недурно играл на мандолине и скрипке. В молодости страстно мечтал о карьере артиста, лаврах, аплодисментах и, разумеется, больших доходах. Увы, музыкальные способности его оказались не так уж велики, а неудовлетворенное честолюбие и обманутые надежды основательно испортили его и без того не ангельский характер.

Его жена — Тереза Бочхардо была простой крестьянкой. Кроткая и

религиозная женщина страдала от деспотизма мужа и искала утешения в любви к детям. Их было у нее пятеро, но Тереза безотчетно предпочитала всем остальным своего третьего сына — Николо, хрупкого и болезненного ребенка.

Влечение к музыке проявилось у Николо очень рано. Однажды малыш, которому не было еще и четырех, слушая игру отца на мандолине, уличил его в ошибке. Неизвестно, получил ли он за это трепку, но необычайная музыкальность ребенка заставила Антонио крепко задуматься. Не сумеет ли сын добиться того, что оказалось невозможным для него? И когда мальчику минуло

восемь лет, Антонио начал учить его игре на мандолине, а затем и на скрипке. Своенравный и деспотичный отец, Антонио оказался еще более суровым педагогом. Он заставлял Николо упражняться на скрипке с утра до ночи, а когда ему казалось, что сын недостаточно прилежен, он, дабы придать ему усердия, лишал его еды. Все это пагубно сказывалось на состоянии здоровья ребенка, который и так рос слабеньким. Тереза с ужасом вспоминала, как в четырехлетнем возрасте он заболел корью, осложнившейся припадками столбняка. Один такой приступ длился более полусуток, и все решили, что мальчик умер. Тело уже облекли в саван и собирались везти на кладбище. К счастью, мать сумело уловить легкое движение его ресниц, и это спасло Николо.

Вскоре Антонио уже не приходилось побуждать сына к занятиям. Мальчик все больше увлекался скрипичной игрой. Сознывая, что больше ничему сына научить не может, отец доверил его Джованни Сервето, одному из лучших генуэзских скрипачей. Под руководством этого учителя подросток вскоре достиг таких успехов, что молва о нем распространилась по всей Генуе. Николо играл сначала в церквах, а затем выступал с концертами в театрах города.

Он сменил еще нескольких педагогов. Все они были первоклассными мастерами, и юный музыкант много почерпнул у них. К этому вре-

мени относятся и первые сочинения Паганини — соната и несколько виртуозных пьес.

Шло время. Молодой скрипач постепенно превращался в блестящего исполнителя, неустанно изобретая новые, еще неизвестные приемы игры. Порой звуковые эффекты, которых он достигал, приводили слушателей в изумление. Он подражал пению птиц, имитировал звуки флейты, трубы, валторны и даже ... старушечий голос.

Николо много концертировал по Италии. В 1800-м году, он, по приглашению английского консула, посетил Ливорно и играл перед леди Гамильтон и адмиралом Нельсоном, которые в то время там находились. Кстати, здесь же, в Ливорно, но уже в другой свой приезд Паганини стал обладателем бесценной скрипки работы Гварнери дель Жезу. В тот раз он оказался в городе без своего инструмента, тоже работы знаменитого мастера. Меломаны Ливорно уговорили Паганини дать концерт в их городе, обещая предоставить в его распоряжение достойную скрипку. Ее одолжил один богатый коммерсант, некий синьор Лаврон. Блистательным исполнением концерта Вьоти Паганини буквально потряс слушателей. Синьор Лаврон торжественно заявил: «Ничья рука больше не должна касаться этого инструмента. Это осквернило бы его. Скрипка ваша».

Почему же Паганини, никогда не расстававшийся со своей скрипкой,

вдруг оказался в Ливорно без инструмента? Скорее всего, его скрипка в это время была заложена в ломбарде. Дело в том, что, выйдя из-под опеки отца, которая весьма напоминала рабство, Николо, человек пылкий и очень неопытный, пустился в загул. Ночные кутежи, а, главное, посещения игорных домов быстро опустошали его карманы. Так как поправить дела с помощью концертных выступлений не всегда удавалось, то наступали черные дни: продавалось или закладывалось в лом-

барде все, сколько-нибудь ценное. Однажды он даже чуть не продал свою скрипку, ну а в закладе она побывала бесчисленное число раз. Слишком крупный проигрыш однажды заставил его несколько образумиться и навсегда отказаться от карт, но в остальном все оставалось по-прежнему. Кутежи, ночные похождения расшатывали его здоровье. Быть может, Европа так никогда и не узнала бы имени Паганини, если бы к нему не пришло спасение в образе женщины.

Элиза Бонапарт

Именно с этой дамой, знатной синьорой из Тосканы, обычно связывают его таинственное исчезновение в 1802 году. В дальнейшем он всегда будет опутан сетью любовных интриг в духе романтических авантурных приключений, но эта любовь была первым сильным чувством, захватившим молодого музыканта. Более того, Паганини никогда больше не испытывал такой привязанности ни к одной женщине. О ней одной, так же, как о матери, вспоминал он с нежностью и сожалением. Кто же была эта дама? Имени своей возлю-

бленной Паганини никогда не называл, и обстоятельства знакомства с ней остались окутанными тайной. Роман с тосканской синьорой длился с начала 1802 года и до конца 1804 года. Эти три года жизни Паганини до сих пор остаются загадочными для всех его биографов. Сам Николо в своей автобиографии лишь сообщает, что провел это время в имени дамы, отдыхая, занимаясь земледелием и совершенствуя свое мастерство игры на гитаре. Его возлюбленная обожала этот музыкальный инструмент. Николо добился высокого совершенства во владении им. Но, возможно, Паганини был обязан своей возлюбленной и гораздо большим. Известно, что он не получил никакого систематического образования, всю свою жизнь посвятив скрипке и композиции. Самые близкие друзья утверждали, что никогда не видели его за чтением какой-либо книги. Между тем впоследствии, вращаясь в самом избранном обществе, он проявил себя вполне светским человеком и в высшей степени остроумным собеседником, хорошо знакомым с древней и современной литературой. Вполне логично предположить, что именно благодаря общению со своей подругой, женщиной высокого происхождения и воспитания, музыкант и приобрел эти качества и знания.

Три года любви ... Много это или мало? Для Паганини это едва ли не вечность. Никогда больше не было у него столь длительного увлечения.

В 1805 году Паганини приехал в Лукку, где в это время была провозглашена монархия. Император Наполеон посадил на трон этого крохотного герцогства свою сестру Элизу. Герцогиня была женщиной умной, образованной и честолюбивой. Древнюю Лукку она решила превратить в миниатюрный Париж, для чего постаралась привлечь к своему двору многих поэтов, художников и музыкантов. Разумеется, среди них ей хотелось видеть и Паганини. Она предложила ему должность придворного скрипача-солиста и дирижера оркестра. Паганини согласился. Герцогиня присвоила ему звание камер-виртуоза и чин капитана гвардии. В соответствии с правилами этикета, это давало ему право присутствовать на торжественных приемах, куда простые музыканты не допускались. Служба Паганини не была легкой. Он дирижировал оперой, два-три раза в неделю играл для герцогини, часто устраивал придворные концерты. Кроме того, поскольку супруг герцогини развлекался игрой на скрипке, Николо должен был давать ему уроки музыки. Герцогиня же, напротив, очень скоро стала получать от него... уроки любви. Она не была красавицей, но обладала умом и привлекательностью; наконец она была государыней и сестрой Наполеона. Все это не могло не импонировать честолюбивому Паганини. Герцогиня тоже не на шутку увлеклась музыкантом. Зву-

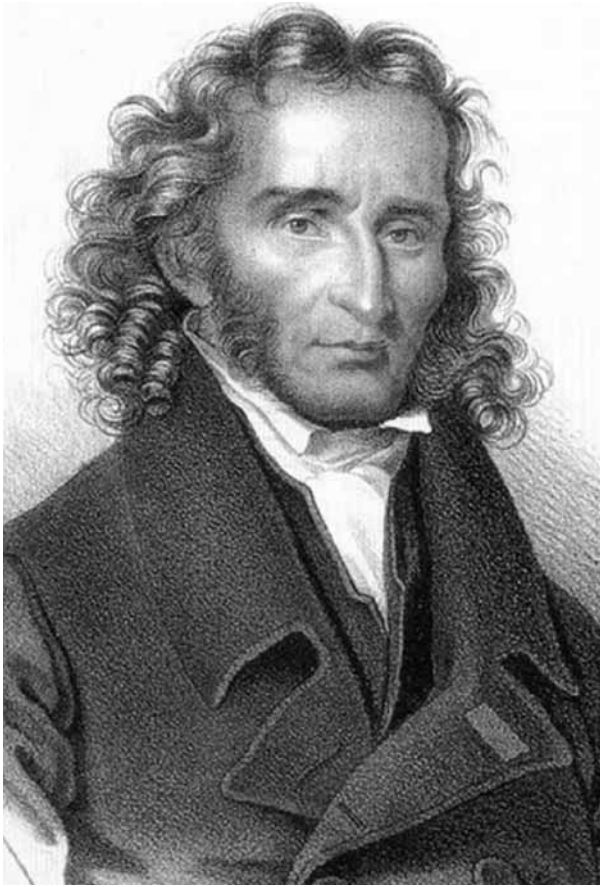

Паола Бонапарт (Боргезе)

ки его скрипки настолько волновали ее, что порой нервы не выдерживали, и она падала в обморок.

Однажды Николо посетила мысль написать пьесу, исполняемую на скрипке только с двумя струнами — первой и четвертой. Композицию эту он назвал «Любовная сцена» и исполнил на придворном концерте в присутствии герцогини.

— Вы совершили невозможное, — сказала она, — располагая только двумя струнами. Не рискнете ли вы с вашим талантом обойтись только одной?

Паганини принял вызов. Через несколько недель была готова соната, которую он назвал «Наполеон», и в день рождения императора Николо исполнил ее перед избранной аудиторией.

Паганини оставался при луккском дворе около трех лет, и жизнь эта начала его тяготить. Его натура требовала простора и, желая хотя бы временно расстаться с Луккой, он попросил отпуск. Герцогиня Элиза понимала, что насильно удерживать его не сможет. Лучше было согласиться на отпуск, чем вовсе потерять гениального музыканта.

Вновь началась полная приключений жизнь странствующего виртуоза. Всюду его выступления со-

провождались неслыханным триумфом. Реакция публики граничила с психозом: люди неистовствовали, вскакивали на кресла, устремлялись к сцене.

В личности и игре Паганини находили нечто таинственное, демоническое. Естественно, это порождало слухи о связи Николо с самим «князем тьмы» — продажи души дьяволу, и тому подобную галиматью. Надо сказать, что начало этим рассказам, несомненно, положили коллеги Николо — скрипачи. Слушая Паганини, они сталкивались с чем-то невероятным, фантастическим. Было от чего потерять голову, и нетрудно понять, что объяснения искали только за пределами человеческих возможностей. Когда были опубликованы «24 Каприччи», которые Николо сочинил еще в восемнадцатилетнем возрасте, все скрипачи, не исключая самых знаменитых, объявили их неисполнимыми. Что они могли подумать, услышав Паганини, который играл их с такой легкостью и непринужденностью, как если бы это были простые пьески. Музыкантов изумляла его поразительная способность играть с листа даже по перевернутым «вверх ногами» нотам, играть, как ни в чем не бывало, даже после того, как лопалась струна.

В этот период Паганини выработал свой стиль исполнения, единственный и неповторимый. Тончайшая нюансировка, передававшая всю гамму человеческих чувств — от скорби до ликования, от нежно-

сти до героики, — действовали подобно гипнозу, и как бы замыкали слушателя в волшебный круг, внутри которого полновластно распоряжался этот чародей скрипки. Все это, однако, было рассчитано на наиболее подготовленную часть публики. На среднего же, менее искусственного слушателя, он воздействовал трюками вроде подражания пению птиц, мычанию коров и тому подобным. Такие номера он оставлял к концу программы, предоставляя возможность покинуть зал тем слушателям, которых это шокировало. Некоторые называли его за это акробатом и шарлатаном. Но Паганини знал, что делает: ему нужно было завоевать признание не только знатоков и ценителей, но и широкую популярность. Позднее он уже не применял этих приемов, очистив свое искусство от сомнительных примесей.

В 1808 году Паганини появляется в Турине, при дворе еще одной сестры Наполеона — герцогини Паолины Боргезе. Это была женщина ослепительной красоты и редкого обаяния. Паганини был сразу же очарован Паолиной. Судя по всему, и она не осталась равнодушной к магу скрипки. Впрочем, связь их длилась недолго. Каприз скоро прошел — обеим страстным натурам было свойственно быстро загораться и так же быстро остывать. К тому же, как раз в это время серьезная болезнь надолго приковала Паганини к постели. Врачи не могли поста-

Антония Бьянки

вить правильный диагноз, и она вскоре перешла в хроническую стадию. Кстати сказать, природа болезни Паганини до сих пор точно не выяснена. И сегодня ученые спорят, был ли это туберкулез или причиной недуга явились перенесенные в детстве болезни, а также необычайная чувствительность кожи. Он сильно исхудал, щеки ввалились, черты лица стали резкими, а жесты и походка угловатыми. Скелетообразная фигура, мертвенная бледность лица, пронизательный взгляд черных глаз, волосы до плеч — все это придавало тень правдоподобия нелепым рассказам, распространяв-

шимся вокруг его имени. Такая наружность вполне соответствовала представлениям о Паганини как о демоне.

Оправившись от первого приступа болезни, Николо возобновил концертную деятельность. Слава его неуклонно росла. Ему рукоплескали Милан, Генуя, Венеция, Неаполь, Болонья, Рим. В «Вечном городе» он возобновил дружбу с автором бессмертного «Севильского цирюльника» Россини. Большой жизнелюб и насмешник, синьор Джоакино как-то признался: «Я плакал всего три раза в жизни. Первый раз, когда провалилась моя ранняя опера, второй, когда во время прогулки на лодке упала в воду фаршированная индейка, и третий раз, когда услышал игру Паганини». Последнее утверждение, в отличие от предыдущего, было сделано без тени иронии.

Магическая сила таланта, ореол славы, наконец «мефистофельский» облик неудержимо влекли к Паганини женщин. Список его любовных побед поистине впечатляющ. Великий скрипач был страстной, увлекающейся натурой. Каждое из своих многочисленных увлечений он готов был назвать единственной, на этот раз настоящей любовью. Метавшийся от одного любовного приключения к другому, он всю жизнь лелеял мечту о счастливой семейной жизни, стремясь найти свой идеал.

В 1824 году Паганини познакомился с певицей Антонией Бьянки.

Если Антония и пленила Паганини своей молодостью и красотой, то другие ее качества были весьма далеки от идеала. Ее легкомыслие, сварливость и ревность серьезно отравляли ему жизнь. Нередко она устраивала безобразные сцены не только дома, но и в гостях и во время путешествий. Однажды, рассердившись на то, что Паганини отправился на деловые переговоры без нее, она схватила футляр со скрипкой и в ярости принялась изо всех сил колотить им об пол. Футляр разбился, но слуга успел вовремя выхватить из ее рук скрипку, и она чудом уцелела. Совместная жизнь становилась невыносимой. Однако решение Паганини оставить Антонию так и не осуществилось, потому что в июле 1825 года она родила ребенка. Мальчик был назван Ахиллом. Появление сына, которого он обожал, изменило отношение Паганини к Антонии. Вновь стали оживать мысли о семейном очаге. Увы, ненадолго. Антония Бьянки не могла, да и не желала меняться. Весной 1828 года они все же расстались, и Николо удалось выхлопотать право оставить ребенка на своем попечении.

Случилось это уже в Вене, в городе, с которого Паганини начал свое европейское турне. Сказать, что Паганини имел большой успех, значит, ничего не сказать — успех был ошеломляющий, и с каждым новым концертом энтузиазм публики возрастал. В витринах книжных магазинов красовались его портреты. Конди-

теры изготовляли бюсты Паганини из цуката, пекли булки в форме скрипки, дамы и девушки носили прически а la Паганини. Его изображения появлялись на брелках, набалдашниках тростей, трубках, табакерках и даже на носовых платках. Однако напряжение гастролей и нервотрепка, связанная с процессом против Бьянки, вызвали новый рецидив болезни. От лекарств у него обострилась язва желудка, началось

гниение десен, и Николо пришлось перенести мучительную операцию по удалению всех коренных зубов нижней челюсти. Кроме того, он страдал и воспалением гортани. Не исключено, что это было началом туберкулезного ларингита, который постепенно подтачивал его силы.

Тем не менее, как только Паганини почувствовал улучшение, он тут же продолжил гастролы и в течение двух лет объездил всю Гер-

*Могила
Паганини
в Парме*

манию, дав более ста концертов. Им восхищались Шуман, Шуберт, Гете и Гейне.

Летом 1830 года вестфальский герцог Фридрих II даровал ему баронский титул. Впрочем, по другим сведениям, великий скрипач этот титул просто купил.

Варшава оказала Паганини не менее восторженный прием, чем Австрия и Германия. На одном из концертов присутствовал русский император Николай I, который подарил скрипачу бриллиантовый перстень. Приглашение посетить Москву и Петербург Николо отклонил,

так как пускаться в столь далекое путешествие не решился.

Ну а потом последовали гастроли по Франции и Англии. В Париже его с упоением слушали Бальзак, Делакруа, Лист, Жорж Санд, барон Ротшильд.

В Лондоне за ним ходили толпы народа. Один лондонский кэбмен, узнав знаменитого артиста, заломил непомерно высокую цену, и на протест Паганини заявил: «Берете же вы большущие деньги за билеты, а играете всего лишь на одной струне». Паганини, со свойственной ему находчивостью, молниеносно отве-

тил: «Что ж, я заплачу тебе, сколько ты потребуешь, только довези меня на одном колесе».

Виртуоз действительно заработал в Англии огромные деньги. Билеты на его концерты в самом деле были весьма дороги, и Паганини не избежал обвинений в жадности. В этом грехе упрекали его не в первый раз. Но оправданы ли подобные обвинения?

Да, Паганини был бережлив, порой скуповат. Вероятно, сказывались и отцовские гены. Но ни алчным, ни корыстным он не был. Он просто знал цену деньгам и понимал, что при ненадежном состоянии здоровья мог в любой момент превратиться в инвалида. Нужно было обеспечить себя и горячо любимого сына. Паганини всегда щедро помогал матери, сестрам, давал множество благотворительных концертов.

Последние годы великого скрипача были омрачены тяжелыми недугами и страданиями. Из-за болезни гортани он полностью лишился голоса — лишь его сын мог слышать, или, вернее, угадывать его слова. Паганини еще надеялся на выздоровление. Но уже ничто не могло спасти его. Смерть неумолимо приближалась. Скончался Паганини в Ницце 27 мая 1840 года.

В то, что произошло дальше, трудно поверить. Если при жизни Паганини странствовал почти сорок лет, восхищая своим искусством всю Европу, то после смерти его останки не находили постоянного

пристанища свыше полувека. Католическая церковь запретила похороны «еретика» Паганини на том основании, что он отказался от исповеди и отпущения грехов перед смертью. Разумеется, согласно церковным канонам это были серьезные проступки, но наказание поразило всех своей суровостью. По приказу церковных властей набальзамированное тело скрипача было перенесено в городской госпиталь, откуда пришлось переместить его в лазарет в местечке Виллафранше, так как суеверные жители уверяли, что по ночам вокруг гроба возникает свет, и слышны звуки скрипки. Но и там он оставался недолго. Протесты людей, якобы слышавших завывание ветра и стенания покойника заставили его друзей взять его оттуда и предать земле близ стены маслоочистительного завода. Однако оказалось, что находившийся поблизости сток нечистот заливает место погребения, и гроб пришлось выкопать снова. Четыре года шла борьба между друзьями и почитателями Паганини и епископом Ниццы. Наконец в апреле 1844 года запаянный свинцовый гроб с телом скрипача на небольшом паруснике был перевезен в Пальчевери в виллу Паганини. Тело великого музыканта хоронилось еще несколько раз, пока, наконец, в 1896 году не нашло свой последний приют на кладбище в Парме. Великолепный памятник музыканту был воздвигнут уже его внуком — бароном Атиллою Паганини. □

Илья Рюмин

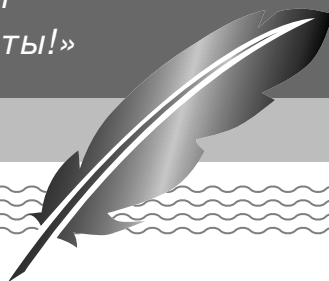
Родом из Овсянки

Беспризорник, детдомовец — так начинался жизненный путь одного из самых талантливых современных русских писателей Виктора Астафьева. И словно мало было голодного и нищего детства — пришлось испытать на себе все ужасы страшной войны, лишившей его юности. Виктор Астафьев воевал на Курской дуге, участвовал в боях за Польшу, Украину, был и шофером, и связистом. И артрзведчиком. В ходе боев был тяжело ранен и контужен. Военные подвиги его отмечены медалями «За отвагу», «За освобождение Польши», «За победу над Германией» и орденом Красной Звезды.

Но его неудержимо манило писательское ремесло. По существу самоучка, он добился в литературе таких высот и наград, которыми не каждый может похвастать. Это его и сгубило. Когда встал вопрос о необходимости лечения за границей, администраторы от литературы наложили свое «вето», чем убили наповал знаменитого писателя и фронтовика. В прямом смысле слова.

Именно о таких случаях писал в свое время поэт Герман Плисецкий:

*«Поэты, побочные дети России!
Вас с черного хода всегда выносили.
На кладбище старом с косыми крестами
крестились неграмотные крестьяне.
Теснились родные жалкою горсткой в Тарханах,
как в тридцать седьмом в Святогорском.
Я плачу, я слез не стыжусь и не прячу,
хотя от стыда за страну свою плачу.
Какое нам дело, что скажут потомки?
Поэзию в землю зарыли подонки.
Мы славу свою уступаем задаром:
как видно, она не по нашим амбарам.
Как видно, у нас ее край непочатый —
Как будто талантами слишком богаты!»*

Виктор Астафьев родился 1 мая 1924 года в деревне Овсянка в Красноярском крае, третьим ребенком в семье — две его старшие сестры умерли в младенчестве. Через несколько лет после рождения Виктора его отец, Петр Астафьев, попал в тюрьму с формулировкой «вредительство», а на самом деле за то, что в очередном запое пропил доверенные ему казенные деньги.

Скоро не стало и матери — во время одной из ее поездок на свидание к мужу лодка, в которой среди прочих плыла и она, перевернулась. Лидия Ильинична, упав в воду, зацепилась косой за сплавную бону и утонула. Ее тело нашли лишь через несколько дней.

Виктору тогда едва исполнилось семь лет. После смерти матери он жил у ее родителей. О детстве, про-

веденном с бабушкой Катериной Петровной, Астафьев рассказал в первой части автобиографии «Последний поклон». И это были самые легкие и светлые годы его жизни.

Освободившись из заключения, отец будущего писателя женился во второй раз и решил податься за «северной дикой деньгой». Петр Астафьев с женой и двумя сыновьями — Виктором и новорожденным Николаем — отправился в Игарку, куда в свое время выслали раскулаченную семью его отца Павла Аста-

фьевым чудом раздобыл направление в детский дом-интернат.

С отцом ему больше встретиться не довелось: после больницы Петр Астафьев устроился на «руководящую должность» и... пропил казенные деньги, почти сразу после выхода Указа о строгом наказании за расхищение народной собственности.

Отрывок из книги «Царь-рыба»:

«Попав на руководящую должность, папа повел бурный образ жизни, да такой, что и не пересказать, будто перед всемирным пото-

У

читель школы-интерната сибирский поэт Игнатий Рождественский первым заметил тягу Виктора к литературе и стал всемерно развивать ее. Сочинение о любимом озере, напечатанное Астафьевым в школьном журнале, было позднее преобразовано в рассказ «Васюткино озеро»

фьева. Летом следующего года он заключил договор с игарским рыбзаводом и взял сына на промысловую рыбалку в местечко между поселками Карасино и Полоем. Работа невыносимо тяжелая и для взрослого сильного мужчины, а уж для подростка и вовсе неподъемная.

После окончания путины, возвратившись в Игарку, Петр Астафьев попал в больницу. Виктора мачеха выставила из дома, и он несколько месяцев жил в заброшенном здании парикмахерской, но потом каким-то

пом куролесил, кутил и последнего разума решился.

Однажды поехал он на дальние тундровые озера, на Пясину, где стояли рыболовецкие бригады, сплошь почти женские. Питаясь одной рыбой, они ждали денег и купонов на продукты, хлеб и муку. Но папа так люто загулял с ненцами по пути к озерам, что забыл обо всяком народе, да и о себе тоже. Олени вытащили из тундры нарты к станку Плахино. На нартах, завернутый в сокуй и медвежью полость, обнаружился

папа, черный весь с перепоя, заросший диким волосом, с обмороженными ушами и носом. За нартой развевались разноцветные ленточки, деньги из мешка и карманов рыбного начальника сорились. Ребята давай забавляться ленточками, подбрасывать, рвать их, но прибежала мачеха, завыла, стала рвать на себе волосы — ленточки те были продуктовыми талонами, деньги — зарплата рабочим-рыбакам.

Пропита половина. Чем покрывать? Папа пьяный-пьяный, но смикнутил: на озера, в бригады ехать ему нельзя — разорвут голодные люди, под лед спустят и рыбам скормят. Вот и повернул оленей вспять. Но все равно хорохорился, изображая отчаянность, кричал сведенным стужей ртом: «Всем господам по сапогам!..», «Мореходов (начальник рыбозавода) друг мой верный! И мы с Мореходовым на урок положили...» Урками начальник рыбного участка называл бригадников, волохающих на тундряных озерах немисленно тяжелую работу — пешнями долбят двухметровый лед, и, пока доберутся до воды, делают три уступа, майна скрывает человека с головой. И все же работают, не отступаются, добывают ценную рыбу — чира, пелядь, сига.

Видеть папину дурь, слушать его было на этот раз совсем неловко даже детям, все понимали, да и он тоже: несдобровать ему.

Судил начальника рыбного участка и бухгалтера выездной суд в клу-

бе станка Плахино. Двадцать четыре года отвалили им на двоих за развеселую руководящую жизнь. После суда папу отправили этапом на строительство моста через Енисей — на Крайнем Севере возводилась железная дорога...»

«Самостоятельную жизнь я начал сразу, безо всякой подготовки, — писал Астафьев спустя годы. — Детство мое осталось в далеком Заполярье. Дитя, по выражению деда Павла, «не рожено, не прошено, папой с мамой брошено», тоже куда-то девалось, точнее — откатилось от меня. Чужой себе и всем, подросток или юноша вступал во взрослую трудовую жизнь военной поры».

Окончив школу-интернат и собрав денег на билет, Виктор уехал в Красноярск и поступил в железнодорожную школу ФЗО. После ее окончания проработал четыре месяца составителем поездов на станции Базаиха и, достигнув восемнадцати лет, ушел, несмотря на бронь, добровольцем в армию.

В 1942–1943 годах он обучался в пехотном училище в Новосибирске, после чего воевал на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, объединившихся затем в Первый Украинский фронт. Фронтная биография солдата Астафьева была отмечена орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и «За освобождение Польши». Несколько раз он был тяжело ранен.

В 1943 году Виктор познакомился со своей будущей женой — мед-

сестрой Марией Корякиной. Они вместе прошли всю войну и прожили в супружестве 57 лет, до самой смерти Виктора Петровича. Она была для него настоящим другом по жизни — и секретарем, и машинисткой, и домохозяйкой.

Осенью 1945 года Виктор Астафьев демобилизовался из армии и вместе с женой приехал на ее родину в город Чусовой на западном Урале. Жилось им тяжело, особенно после того, как домой вернулась сестра Марии Семеновны, Калерия, с мужем-капитаном. Оба супруга по-разному рассказывали о жизни в Чусовой.

Мария Корякина вспоминала, как их встретила мать:

«Марея приехала! Слава Богу, жива-здоровая! И Витя вот с нею, тоже солдат. Теперь дома. В тесноте, да не в обиде. Со временем что-нибудь придумаем, разместимся, всем места хватит».

Виктор Астафьев писал другое:

«Теща, когда-то полная телом и сильная характером, умевшая править многолюдной семьей, вдруг залезла перед капитаном с Калерией... Кровать наша железная..... скоро оказалась за печкой. Там темно и жарко. Я после контузии плохо переношу жару, вижу кошмарные сны. Но самое главное — я лишился самой большой отрады из всей моей пестрой жизни — возможности читать».

Из-за состояния здоровья Виктор не мог вернуться к работе по своей специальности и, чтобы кормить семью, работал (всегда сдельно и внештатно) слесарем, чернорабочим, грузчиком, плотником, мойщиком мясных туш, и даже вахтером мясокомбината. Продовольственных карточек таким рабочим не давали, платили очень скудно.

В марте 1947 года у супругов родилась первая дочка, но вскоре девочка умерла от тяжелой диспепсии, точнее — от голода, у матери не хватало молока от недоедания. Виктор Астафьев писал:

«Ранней осенью мы потеряли нашу девочку. Да и мудрено было ее не потерять в нашей халупе. Зимой жена застудила груди, и мы кормили девочку коровьим молоком, добавляя в него по случаю купленный

сахар. Голодом уморили ребенка в больнице».

Через год родилась вторая дочь — Ирина, а затем и сын Андрей.

В 1951 году жизнь Астафьева круто изменилась: попав на заня-

С 1951-го по 1955-й годы Астафьев работал литературным сотрудником газеты «Чусовской рабочий». В 1953 году в Перми вышла первая книжка его рассказов, названная «До будущей весны», а в

В

иктор учился в пехотном училище в Новосибирске, после чего воевал на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, объединившихся затем в Первый Украинский фронт. Фронтная биография солдата Астафьева была отмечена орденом Красной звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией» и «За освобождение Польши». Несколько раз он был во время боев тяжело ранен

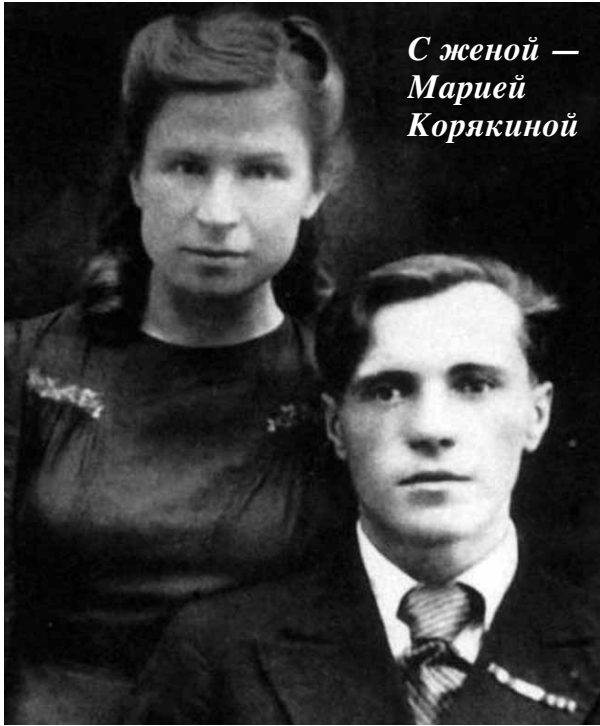
тие литературного кружка при газете «Чусовской рабочий», Виктор Петрович за одну ночь после этого написал рассказ «Гражданский человек», впоследствии названный Астафьевым «Сибиряк», который был опубликован в вышеупомянутой газете.

«Тяга к сочинительству у меня появилась рано. Отлично помню, как в то время, когда я посещал литературный кружок, один из занимающихся прочел свой только что написанный рассказ. Произведение поразило меня своей надуманностью, неестественностью. Я взял и написал рассказ. Это было мое первое творение. В нем я рассказал о своем фронтовом друге», — поведал о своем дебюте автор.

1955-м — вторая, под названием «Огоньки». Это были рассказы для детей. Затем был написан роман «Тают снега», который увидел свет в 1958 году, и изданы еще две книги для детей. Очерки и рассказы Астафьева печатались также в альманахе «Прикамье», журнале «Смена», сборниках «Охотничьи были» и «Приметы времени».

В апреле 1957 года он стал специальным корреспондентом Пермского областного радио, а вскоре был принят в Союз писателей РСФСР.

Виктор Астафьев традиционно считается самоучкой. Действительно, полного образования как такового он не получил, однако всегда старался повышать свой профессионализм и с этой целью поступил

*С женой —
Марией
Корякиной*

на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Максима Горького.

Конец 1950-х был отмечен расцветом лирической прозы Астафьева — им были написаны повести «Перевал» и «Стародуб», а повесть «Звездопад», написанная им на одном дыхании всего за несколько дней в 1960 году, принесла ему всесоюзную известность.

В 1962 году семья Астафьевых переехала в Пермь. Мария Корякина тоже, как и ее муж, начала писать. Она говорила:

— Я старалась и стараюсь высидеть до его ко мне отношения. Мне хотелось быть такой умной, сказать что-то очень нужное, самое-самое...

Он же смешливо оценивал ее творчество — «...Время есть, так пусть пишет свои книги». Безуслов-

но, Астафьев был много талантливее своей супруги, но и ее произведения написаны на вполне достойном уровне и хорошим литературным языком.

Первый рассказ Корякиной «Трудное счастье» был опубликован в пермской газете «Звезда». Затем вышла в свет повесть «Ночное дежурство». А в 1978 году Мария Астафьева-Корякина была принята в Союз писателей СССР, и публиковала свои произведения в журналах «Смена», «Москва» и «Советская женщина». Всего ею было написано шестнадцать книг.

Она часто с горечью говорила:

— Не услышат люди меня: все больше дичают. Осталось у бога просить, чтобы повезло больше нашим детям и внукам, чтобы счастливы и спокойны они были.

Супруги были очень разными: он любил свою деревню Овсянку под Красноярском, где родился и провел самые счастливые годы, а она — нет. Он был необычайно талантлив, а она писала из чувства самоутверждения. Он обожал дочь, она — сына. Виктор Петрович мог выпить и любил женщин, она ревновала его и к людям, и даже к книгам. Он несколько раз уходил из семьи, но всегда возвращался. Эти такие разные люди так и не смогли расстаться навсегда.

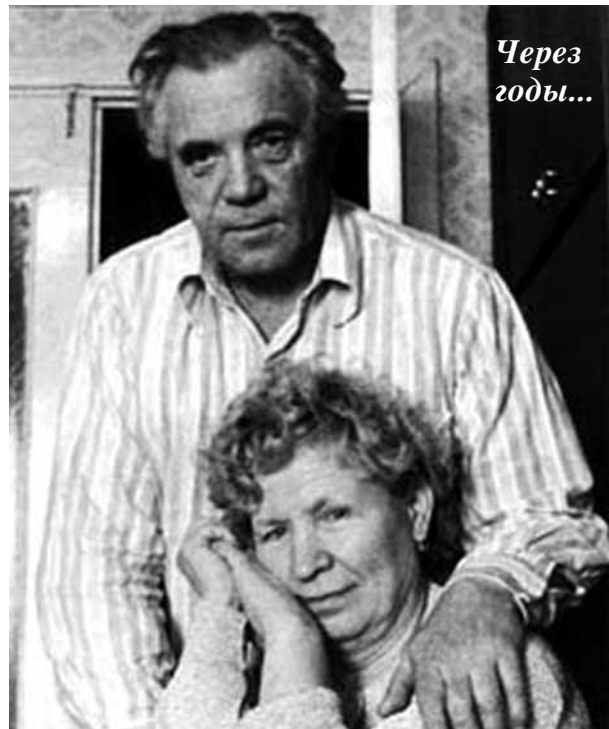
В 1969 году семья переехала в Вологду. Вообще, 60-е годы были чрезвычайно плодотворны для писателя. Именно тогда появилась повесть «Кража» и новеллы, соста-

вившие впоследствии повесть в рассказах «Последний поклон», которая была опубликована в Перми отдельной книгой.

Еще в 1954 году Астафьев задумал повесть «Пастух и пастушка. Современная пастораль» — «любимое свое детище», но этому замыслу было суждено осуществиться лишь спустя 15 лет. Он написал ее за три дня, «совершенно обалделый и счастливый». Это был, скорее, «черновик в сто двадцать страниц», а затем писатель лишь шлифовал текст. Повесть трудно проходила в печати и впервые была опубликована в журнале «Наш современник» в 1971 году.

В центре повествования — история молодого командира взвода Бориса Костяева, который переживает все ужасы войны, но все же умирает от ран и истощения в поезде, везущем его в тыл. Любовь женщины не спасает главного героя. Автор рисует жуткую картину войны и смерти, которую она несет. Не так уж и сложно догадаться, почему произведение не хотели выпускать в свет. Народ, который воевал и победил в этой войне, принято было изображать могучим, сильным, несгибаемым. А по этой повести выходило, что он не только сгибаем, но и уничтожаем.

Это впоследствии припомнили уже смертельно больному писателю чиновники от литературы и власть имущие, обвинив в отсутствии патриотизма и прочих традиционных пороках «отщепенцев от литерату-

ры». Но пока Астафьев был относительно здоров и прочно стоял на ногах, трогать его боялись.

Ласкали, старались приручить. В 1975 году за повести «Перевал», «Последний поклон», «Кража» и «Пастух и пастушка» Виктору Астафьеву была присуждена Государственная премия РСФСР имени Максима Горького.

К 1965 году начал складываться цикл затесей — лирических миниатюр, раздумий о жизни и заметок для себя. Они печатались в центральных и периферийных журналах, а в 1972 году «Затеси» вышли отдельной книгой в издательстве «Советский писатель». К жанру затесей писатель постоянно обращался в своем творчестве.

В 1972 году вышло очередное произведение Астафьева — повесть «Ода русскому огороду» — произ-

ведение, которое является своего рода гимном крестьянскому труду. Писатель рос в деревне, видел ее изнутри, ему с детства были знакомы страдания и тяготы людей, занятых непосильным трудом. Как отозвался

сятилетия (с 1958 по 1978 годы). Первые повествования отличаются несколько лиричным изложением, тонким юмором. А в заключительных рассказах явно прослеживается готовность автора жестко обличить си-

В

1953 году в Перми вышла первая книга рассказов Астафьева, названная «До будущей весны», а вскоре появилась вторая под названием «Огоньки». Это были рассказы для детей. В 1958 году увидел свет роман «Тают снега», вышли еще две книги для детей, и Астафьев был принят в Союз писателей РСФСР

о ней писатель Евгений Носов, «это не рассказано, а пропето...»

Для простого деревенского мальчишки огород — не просто место, где можно «брюхо набить», а целый мир, полный загадок и тайн. Это и школа жизни, и академия изящных искусств.

Крестьянскую тему Виктор Астафьев развивает и в других своих произведениях. Одно из них — цикл рассказов под названием «Последний поклон».

Повествование ведется от первого лица. В центре данного творения автора — судьбы деревенских детей, чье детство пришлось на 30-е годы, когда в стране началась коллективизация, а юность — на «огненные» 40-е. Стоит отметить, что этот цикл рассказов создавался два де-

стему, разрушающую национальные основы жизни. В них звучит горечь и открытая издевка.

С 1973 года в печати начали публиковаться рассказы Астафьева, составившие впоследствии знаменитое повествование в рассказах «Царь-рыба»: «Бойе», «Капля», «У золотой карги», «Рыбак Грохотало», «Царь-рыба», «Летит черное перо», «Уха на Боганиде», «Поминки», «Турханская лилия», «Сон о белых горах» и «Нет мне ответа».

Публикация глав в журнале «Наш современник» шла с такими потерями в тексте, что автор от огорчений слег в больницу, никогда больше не возвращался к повести, не восстанавливал ее и не делал новых редакций.

Лишь много лет спустя, обнаружив в своем архиве пожелтевшие

от времени страницы снятой цензурой главы, он опубликовал ее в том же журнале под названием «Не хватает сердца». Впервые «Царь-рыба» полностью была опубликована в книге «Мальчик в белой рубашке», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия». За нее Астафьев был удостоен Государственной премии СССР. Читателю, особенно городскому, предлагалась написанная великолепным языком настоящая сага о людях, живущих почти на Крайнем Севере России, об их непростых, хотя и почти родственных отношениях с тайгой и рекой, о невысказанно тяжелой задаче — выжить в фактически первобытных условиях.

В 1970-е годы писатель обратился к теме своего детства — им были написаны новые главы к «Послед-

нему поклону». Повесть о детстве в двух книгах вышла в издательстве «Современник». Затем была издана повесть «Зрячий посох», за которую писатель вновь был удостоен Государственной премии СССР.

В 1980 году Астафьев переехал жить на родину в Красноярск, где начался новый, чрезвычайно плодотворный период его творчества. В Красноярске и в Овсянке — деревне его детства — писался роман «Печальный детектив».

17 августа 1987 года скоропостижно скончалась дочь Астафьевых Ирина. Она была похоронена на кладбище в Овсянке, после чего Виктор Петрович и Мария Семеновна забрали к себе маленьких внуков Витю и Полю. Жизнь на родине всколыхнула воспоминания писателя

и подарила его читателям новые рассказы о детстве — «Предчувствие ледохода», «Заберега», «Стряпухина радость», «Пеструха», «Легенда о стеклянной кринке», «Кончина», и в 1989 году «Последний поклон» вышел в трех книгах в издательстве «Молодая гвардия». Затем появилась его главная книга о войне — роман «Прокляты и убиты», который отнял у писателя немало сил и здоровья и вызвал после публикации бурную читательскую полемику. За него Астафьев был удостоен Государственной премии России, и в это же время он уже работал над новыми повестями

о войне — «Так хочется жить» и «Обертон» и завершил повесть «Веселый солдат», которую писал десять лет. Веселый солдат — это он, израненный молодой солдат Астафьев, вернувшийся с фронта и примеривающийся к мирной гражданской жизни.

В 1997–1998 годах в Красноярске было опубликовано издание собрания сочинений Виктора Астафьева в 15 томах, с подробными комментариями автора. Тогда же ему были присуждены Международная Пушкинская премия и премия «За честь и достоинство таланта» Международного литфонда.

2001-й год Виктор Астафьев провел в красноярских больницах. Сказывались ранение на войне и возраст. С апреля 2001 года Виктор Астафьев перенес два инсульта, но сильнее всего на здоровье писателя отразилась реакция Красноярского краевого совета народных депутатов на ходатай-

фарктов и тяжелую операцию. Она передала личные вещи мужа в музей «Жизнь и творчество семьи Астафьевых» в Красноярске, где был полностью воссоздан рабочий кабинет Виктора Астафьева. В нем можно было увидеть, как кабинет выглядел при жизни Астафьева —

С

упруги, Виктор Астафьев и Мария Корякина, были очень разные: он любил свою деревню Овсянку, где родился и провел самые счастливые годы, она — нет. Он был чрезвычайно талантлив, а она писала из чувства самоутверждения. Он обожал дочь, она — сына. И хотя Виктор Петрович несколько раз уходил из семьи, эти столь разные люди так и не смогли расстаться навсегда

ство его друзей о выделении средств на лечение писателя за границей.

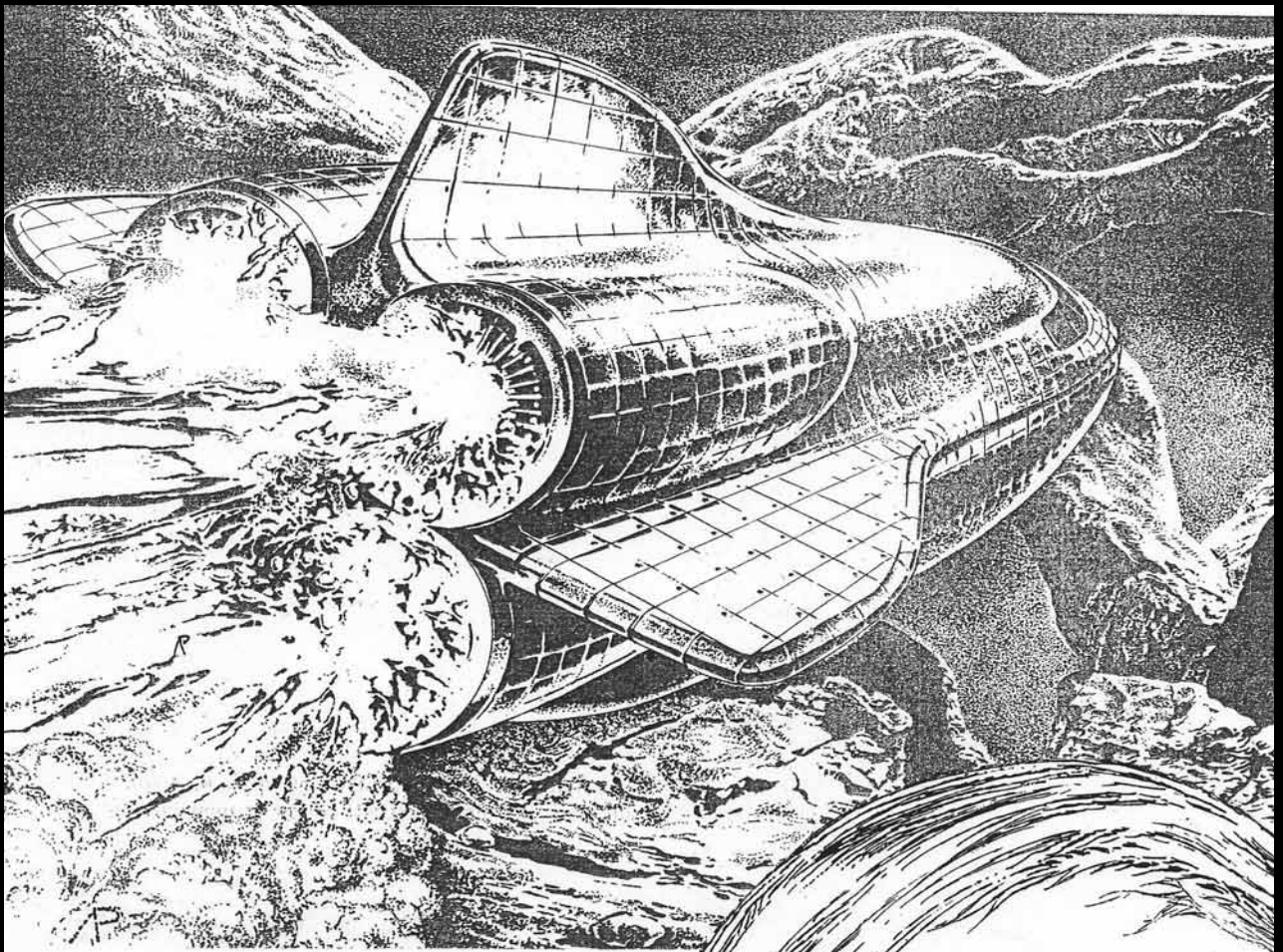
Рассмотрение, казалось бы, простого вопроса превратилось в судилище над писателем. Депутаты обвинили Астафьева в фальшивом отображении истории страны, предательстве, заигрывании с Западом и российском шовинизме. Денег на лечение писателя выделено не было, и в местной больнице врачи были вынуждены выписать Астафьева умирать домой. Свои последние дни он провел в Овсянке, где скончался 29 ноября 2001 года.

После похорон мужа Мария Семеновна перенесла несколько ин-

огромный письменный стол, фотографии, книги, картины, медвежья шкура, киноплёнки с фильмами по его сценариям. А все ценные материалы были отправлены в рукописный отдел Пушкинского дома в Санкт-Петербурге, в Российский Центральный архив имени Горького в Москве и в Пермский архивный центр, где был создан фонд Астафьевых.

Мария Семеновна Астафьева-Корякина умерла 17 ноября 2011 года и была похоронена рядом с мужем и дочерью. Виктору и Марии Астафьевым в Овсянке установлен памятник. □

Страшная сила

Не знаю, остался бы я с ней, если бы знал правду с самого начала. Порой я думаю, что остался бы все равно.

...Как мы обрадовались, когда наша экспедиция наткнулась на планету, похожую на родную Землю! Липы, березы, дубы, шиповник, ромашки.

Здесь жили такие же люди. Построили такие же города, как у нас. Они тоже слушали радио, смотрели телевизор. Единственное (и огромное!) отличие — все женщины тут были невероятно, потрясающе красивы. Увы. Мы опоздали. В живых мы их не застали.

Кладбище напоминало итальянские кладбища. Солнце палило, среди белокаменных памятников жужжали пчелы, ветерок доносил до нас душный аромат полевых цветов. Лица моих товарищей выглядели скорбными. Все были подавлены безвременной кончиной юных девушек.

У них было принято вставлять в рамку на надгробном памятнике цветную фотографию в полный рост. Правда, только снимки женщин. Мужчины такой чести не удостоивались.

Боже мой! Глядя на прекрасные лица женщин, которых скосила неведомая безжалостная болезнь, просто дух захватывало. Все как на подбор — стройные, длинноногие... Блондинки, брюнетки, рыжие... Волосы густые, пышные, у многих ниже пояса. А носики! Точеные носики! Но если уж очень захотеть придраться — глаза у них не очень большие.

Но все равно, глядя на этих красавиц, хотелось слагать оды, петь серенады, упасть на колени...

На памятниках проставляли только дату смерти, но по снимкам было ясно, что ни одна из несчастных не дотянула даже до тридцати.

В день прибытия мы, обойдя жилые кварталы — нигде ни души, — набрели на это кладбище и вначале подумали, что мужчин на планете вообще не было — на надгробиях их фотографии не встречались. Но позже, обыскивая дома, мы обнаружили кое-где в шкафах мужские костюмы, в ваннных комнатах на столиках валялись бритвенные приборы. Кроме того, нашли документы. С паспортных фотографий на нас смотрели самые заурядные мужские лица. Ничего и близко похожего на красоту местных женщин.

Мы тщательно обследовали планету, все ее пять городов. В некоторых домах все еще мерцали экраны телевизоров, хотя телецентр уже давно перестал работать.

Нам вспомнилась трагическая экспедиция наших коллег на Геру. Они заразились там каким-то чужепланетным вирусом и, вернувшись на Землю, заболели. Все как один, погибли...

Прочесав всю округу в поисках оставшихся в живых, мы набрали на бедняцкий район, где дома ничем не отличались от наших пятиэтажек. Оказалось, что и тут есть кладбище, но гораздо меньше мраморных надгробий, и нет фотографий. Планета контрастов. Как, впрочем, и все другие места, где когда-либо обитали люди.

Товарищи мои низко поклонились усопшей красоте и медленно направились к воротам кладбища. Пора было улетать обратно на Землю, так и не разгадав тайну гибели прелестниц.

Не в силах оторваться от прекрасного лица девушки на мраморном монументе, я задержался.

Вдруг мне почудилось, что из-за древней липы, росшей поблизости, кто-то выглянул и тут же скрылся.

Померещилось, решил я. Но тут же услышал тихий шепот:

— Подойди ко мне.

Я осторожно подошел к старому дереву, замершему под палящим солнцем, и остолбенел.

Увидев ее, вы тоже потеряли бы голову, разум, все, что имеете.

Потрясенный ее неземной (в прямом и переносном смысле слова) красотой, я вдруг заговорил возвышенным, вовсе не свойственным мне слогом:

— Кто ты, ангел?

— Меня зовут Альвира, — ответила она. — Но я вовсе не ангел.

— Альвира... Выглядишь, как ангел. Приказывай! Я готов выполнить любое твоё желание.

— Вот как? — Она как-то странно усмехнулась, затем добавила с вздохом: — Мое главное желание невыполнимо.

Я где-то с минуту молча смотрел на нее, разинув рот, а потом вдруг выпалил:

— Понимаю, в сравнении с тобой я просто урод ... Но поверь, на Земле, откуда мы прилетели, я нравлюсь женщинам. И я все еще не женат! — Меня вдруг понесло, я не мог остановиться и прекратить саморекламу.

— Есть вещи и поважнее красоты, — пожала она плечами и, указывая рукой на мраморные надгробья, неожиданно добавила: — Я скоро последую за ними. Вот что на самом деле важно. Жизнь. А красота — ерунда.

— Тут была какая-то эпидемия? Ты тяжело больна?

— Не бойся, — усмехнулась она. — Это не заразно.

— Ничего я не боюсь. Я, между прочим, врач. Обещаю — сделаю все, чтобы помочь тебе. Может быть, на Земле найдется нужное лекарство. Мы возьмем тебя с собой.

— Про Землю я знаю все, — сказала она. — Наши предки — земляне. Когда-то они прилетели сюда, заселили нашу планету. А теперь во всем, что касается медицины, земляне отстали от нас лет на пятьдесят. Мне у вас делать нечего.

— Значит, я останусь здесь.

Она нахмурилась, словно заподозрила, что я ее в чем-то обманываю.

— Зачем?

— Я полюбил тебя, — прошептал я. — С первого взгляда. Знаешь, мне уже тридцать два года, мне казалось, что я любил... Но теперь понимаю — мне всего лишь казалось. — И меня снова понесло: — За тебя я готов жизнь отдать... О, чудное мгновение! «Передо мной явилась ты!» Ты, Альвира!

Она долго и изучающе смотрела на меня, затем тяжело вздохнула и произнесла:

— А ты поэт... Романтик. Впрочем, от любви не отказываются.

— Я врач. Раз ты в опасности, я спасу тебя! Поверь, я впервые в жизни счастлив. Все это время, что мы с тобой разговариваем.

Вдруг послышались голоса, это возвращались мои товарищи, видимо уже хватились меня.

— Решай, — прошептал я. — Летишь с нами? Иначе я останусь здесь.

— Меня даже некому будет похоронить, — тяжело вздохнула она. — Я последняя. Все умерли. Неужели ты останешься?

— Милая! — воскликнул я. — Вот увидишь — я спасу тебя!

— Они уже близко, — прошептала она, схватила меня за руку, и мы побежали в сторону зарослей буйно цветущего шиповника.

Если меня найдут, то расценят мое желание остаться как помешательство и начнут вразумлять. Если это не поможет, увезут насильно.

В любой космической экспедиции есть спасатель, который обязан остаться и разыскать товарища, живым или мертвым. Потом их заберет попутный космический корабль.

В последнее время мы тщательно изучали этот уголок Вселенной и первым делом создавали повсюду базы спасателей. Спасатели давали своеобразную «подписку о невыезде». Они уже никогда не вернутся на Землю. Их задача — разыскивать членов экспедиций, попавших в беду. Они так и будут жить на базе спасения, ближайшей от новой, только что открытой планеты. Вот такого человека, как мы скоро убедились, и оставили из-за меня здесь.

Конечно же, для нас он стал не спасателем, а преследователем. Но об этом позже.

Мы с Альвирой, исцарапанные зарослями шиповника, с облегчением вздохнули, когда увидели в небе исчезающую точку космического корабля. Траектория полета рассчитана заранее, поэтому экипаж был вынужден лететь точно в назначенное время.

Красота и благосклонность Альвиры привели меня в какое-то экзальтированное состояние. Мне не хотелось думать ни о чем другом, и ничто земное больше не интересовало. Только продолжал мучить вопрос, почему ее жизнь в опасности. На мои расспросы она так и не ответила ничего вразумительного.

— Настанет время, я расскажу тебе, — сказала она как-то раз, когда мы лежали в обнимку в ее широкой постели, потягивая коктейль. Альвира обожала коктейли, готовила их с удовольствием, придумывала новые рецепты... — Впрочем, скоро увидишь сам, — вздохнув, добавила она.

— Я не хочу видеть, я хочу тебе помочь! Я же врач! Не понимаю, как это можно увидеть? Дорогая, если я ничего не знаю, как же сумею тебе помочь?

— И не сумеешь. И не надо.

— Это какая-то ужасная тайна?

— Как сказать... Какой же ты наивный, доктор. В твои тридцать два. Она прицепилась к моим годам, как бульдог.

«Конечно, для такого юного существа, как она, я кажусь уже стариком, — думал я. — Ей же еще и двадцати нет...»

Большой просторный особняк Альвиры находился за чертой города, и мы надеялись, что спасатель так далеко не забредет. Решит, что я погиб, отrapортует, и вскоре какой-нибудь корабль, пролетающий мимо, заберет его.

Альвира была прекрасна, но очень часто грустна. Только мое обожание иногда смешило ее.

Единственное, что омрачало мою жизнь помимо неведомой болезни Альвиры, — это безделье. Город был буквально напичкан едой и напитками, оставшимися после гибели его жителей. Пустынные супермаркеты, склады нетронутых запасов консервов, соков, минеральной воды, печенья и конфет. Вина, коньяки... Нам двоим за всю жизнь не израсходовать эти запасы, тем более что Альвира питалась скорее символично. Она обожала консервированные ананасы, и я в поисках этих консервов ходил по пустынным, безлюдным супермаркетам, как первобытный человек «на охоту», и радовался, когда находил их. Еще мы гуляли в парке рядом с домом, но она быстро уставала. Это, конечно, настораживало меня, но я пребывал в такой экзальтации, что тут же забывал об этом.

Телецентр молчал. Чтобы скоротать время, я хотел найти либо библиотеку, либо книги в каком-нибудь частном доме. Чтение всегда было моей страстью, а в доме Альвиры не было даже книжных полок.

Но она категорически воспротивилась этому. Даже выдвинула мне ультиматум:

— Пойдешь в библиотеку — больше меня не увидишь.

Когда человеку что-то запрещают, ему этого хочется вдвойне. Но я слишком дорожил ею, чтобы ослушаться. Мне все еще не верилось, что такая красавица и... со мной. Я мог часами любоваться ею спящей. Порой мне казалось, что все это мне просто снится.

Вторая ее тайна: буквально каждый день она часа на три, а то и четыре запиралась в своей комнате, куда мне был вход воспрещен.

— Хочу побыть одна, — неизменно отвечала Альвира на мои расспросы и возражения.

И вот как-то раз я внезапно заметил, что на ее красоту словно упала какая-то тень. Мы гуляли в парке недалеко от ее дома, как всегда, предварительно осмотрев округу — не добрался ли сюда спасатель. Вдруг луч солнца, упав на ее лицо, высветил морщины вокруг глаз, на лбу и на шее. Я мог бы поклясться, что неделю назад их не было. Но и эти морщинки не портили ее, и этот первый случай прошел мимо моего сознания почти незаметным. Я увидел и тут же забыл.

Через пару месяцев я с содроганием заметил, что количество морщин стало больше, и они как-то углубились, даже уголки очаровательных пухлых губ скорбно опустились вниз. Теперь она выглядела лет на сорок. Я понял, что дело серьезное.

Конечно же, расстраивать ее я не стал и ничего ей не сказал. Но, как медик, знал, что такое стремительное старение в столь юном возрасте — это, безусловно, симптом заболевания. У меня на языке вертелось назва-

ние болезни. В мединституте нам читали этот курс... Прогерия, вот. Потом вспомнил даже, что этот синдром назывался синдромом Хатчинсона-Гилфорда — нарушение гомеостаза стволовых клеток.

Значит, Альвира не преувеличивала, она действительно в опасности. На следующий день, втайне от нее, я нашел библиотеку. Хотел выяснить все о болезни, поразившей их планету, и надеялся получить хоть какую-то подсказку, как лечить.

Именно там я и нарвался на спасателя.

Мускулистый загорелый мужчина в футболке, с нашим логотипом на груди, погрузившись в чтение книги, одиноко сидел на стуле в зале, уставленном стеллажами с книгами.

Заметив его, я на секунду оторопел. Потом осторожно, на цыпочках стал пятиться к двери. Я знал, что спасателей снабжают не только оружием, но и наручниками, чтобы в случае сопротивления взять верх над оставшим членом экипажа и любой ценой доставить его на космический корабль. Увы, в сверхдальних полетах приходилось наталкиваться на невероятные вещи. Нередко бывали случаи помешательства на этой почве. А безумцы борются за свою жизнь порой отчаяннее, чем тигры.

Уже почти у двери я неосторожно задел один увесистый фолиант, и он с грохотом упал на пол.

Спасатель молниеносно вскочил и закричал:

— Ну, наконец-то! Ты жив! Постой! Я скажу тебе... это важно! Стой же!

Но я уже бежал, что есть мочи, вниз по лестнице, а на улице понесся не к дому Альвиры, а в противоположную сторону, уводя преследователя от нее подальше.

Спасатели — люди натренированные, прекрасно оснащенные. Пробежав несколько кварталов, слыша за спиной топот его ног, я вдруг почувствовал, как меня подхватили, словно рыбу в сачок. Вокруг меня мгновенно обмоталась сеть. Я рухнул наземь и понял, что преследователь выстрелил мне вслед своеобразным «гарпуном» — компактно упакованной сетью.

Теперь ничего другого не оставалось, как беспомощно лежать в сети, наблюдая, как он приближается ко мне.

— Зря ты так, — сказал он, остановившись передо мной и вытирая пот со лба. — Я же тебе помочь хочу. Эх, друг... Вот уж угораздило тебя! Ты, пожалуйста, не обижайся, сейчас сделаю тебе укольчик.

А как же! Нашу инструкцию я тоже вызубрил наизусть! Конечно, ты друг, кто же еще... Когда собираются напакостить, всегда говорят, что исключительно по дружбе. И на пользу.

— Не горячись. Ты мне еще спасибо скажешь! Пойми, тебя обманули, — продолжал он увещевать меня, набирая в шприц раствор. — Сей-

час уколою, ты успокоишься, и мы тихо-мирно полетим домой. Вот как раз послезавтра один экипаж возвращается с Компы, и нас с тобой отсюда заберут.

Компу я знаю. Командир одного корабля там свой бесценный компьютер забыл и на обратном пути все причитал «мой комп, мой комп». Вот и нарекли...

— Дружище, я тебе сейчас только четверть дозы ввел, — успокоил меня спасатель. — Чтобы у тебя силы были до дома дойти. Показывай, где вы от меня так долго прятались. Ловкие, ничего не скажешь. Потом еще дозу добавлю.

Я прекрасно знал, что это за вещество. Оно парализует волю. Подчиняет тебя воле другого человека, и ты покорно делаешь все, что скажут. Знал, но химия в крови сильнее, и я покорно повел его в сторону дома Альвиры. Я понимал — меня увезут. Просить, умолять никакого смысла не было. И я покорно шел, обдумывая, что же делать. Надо пойти на хитрость. С каждым человеком желательно разговаривать на его языке.

— Друг, помоги мне, — я умоляюще посмотрел на него. — Помоги мне, дружище.

— Вот это уже другой разговор, — весело сказал он, ободряюще хлопав меня по плечу. — Чем смогу, конечно, помогу.

— Возьмем Альвиру с собой. Она тут одна. Во всем городе никого не осталось. На всей планете. Она тяжело больна.

— Надо же... — усмехнулся спасатель. — Альвира. Имечко какое замысловатое. Только она вовсе не больна.

«Вот так. Ты медик, ты поставил диагноз. Знаешь эту редкую болезнь, — размышлял я. — А этот амбал считает, что знает лучше».

Но спорить с ним у меня уже сил не было. Укол сделал свое дело. Я чувствовал, как меня охватывает равнодушие. Всеобъемлющее. Можно сказать, вселенское.

Когда мы вошли в комнату, где в постели лежала Альвира, она сначала вздрогнула, а потом спокойно села, натянула до подбородка одеяло, потянулась за блюдцем с ломтиками ананаса, стоявшим на тумбочке, поставила его на кровать перед собой и сказала:

— Я знала, что этим кончится. — Потом повернулась ко мне: — Спасибо. Ты подарил мне кусочек счастья перед самым уходом. — И, как ни в чем не бывало, взяв в руки бокал с коктейлем, принялась невозмутимо потягивать его через соломинку, заедая ломтиком ананаса.

— Ну что, ты сама ему расскажешь? — спросил мой несколько все же растерянный, конвоир.

И тут я потерял сознание.

Очнулся в окружении людей в белых халатах и узнал, что нахожусь в больнице. Уже на Земле.

Целый месяц со мной работал психолог.

— Вся их индустрия была направлена на создание и поддержание женской красоты, — сказал он мне. — Они достигли фантастических результатов. Пластические хирурги творили чудеса. Но дело кончилось тем, что женщины перестали рожать. У них просто не хватало на это времени. Весь день уходил на поддержание искусственно созданной красоты. Надо было менять различные имплантаты, болели искусственно удлинённые ноги, или же пора было шлифовать кожу, вживлять новые волосы и ногти. Суррогатное материнство тоже отменили. Те женщины, что победнее, работали с утра до ночи косметологами и, глядя на богатых, мечтали лишь о том, как стать такими же красавицами. Дам вам книги, привезённые оттуда. Их проблемы там подробно описаны. Планета в итоге вымерла. Внешность вашей Альвиры, после смерти специалистов, помогавших ей поддерживать юный вид, стала катастрофически быстро деградировать. Вы же не догадывались, что ей уже под девяносто?

— Не верю! — воскликнул я. — Как только меня отсюда выпустят, полечу туда и привезу её. Как её могли там оставить?

— Бросьте! Старое дерево не пересаживают. Там она, возможно, ещё год-два поживёт. □

Личный контакт

Для справки:
доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник клинического отдела инфекционной патологии ФБУН ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора РФ.

Когда больной приходит к врачу, то, в большинстве случаев, врач начинает лечить тело.

Гораздо меньше докторов подробно объясняют пациенту свои действия, то есть привлекают к процессу лечения энергетика страждущего. И только единицы способны и умеют подключить к процессу лечения и душу больного.

У доктора медицинских наук Жанны Бетовны Понежевой это получается блестяще. Она умеет, прежде всего, мягко и доверительно успокоить человека, «поселить» в его душе оптимизм и спокойствие (то есть включить в процесс исцеления его душевные силы), объяснить ему, что и как лучше сделать, и только после этого принимается за

«дела телесные». А это уже талант от Бога.

Жанна Бетовна родилась в Кабардино-Балкарии, там же окончила медицинский факультет университета и начала свою профессиональную деятельность. Прошла путь от участкового врача до ведущего научного сотрудника клинического отдела ФБУН ЦНИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора РФ. За двадцать пять лет профессиональной деятельности накоплен богатый и даже уникальный опыт, который она охотно передает своим ученикам. Ее жизненное кредо — «не навреди» и относиться к каждому пациенту как к родному близкому человеку.

Начало пути

...Она начинала участковым врачом. Хотелось практики, чего-то по настоящему трудного, ответственного... и после окончания интернатуры согласилась остаться на должности участкового врача терапевта на поликлинической базе медицинского факультета, где проходила практику. Она считает, что ее всегда окружали замечательные профессионалы и порядочные люди. Первый в ее жизни коллектив медиков оказался очень дружным, старшие поддерживали молодых, молодые активно перенимали опыт у старших.

— Работа участкового врача — самая черновая, но при этом очень важная, — говорит Жанна Бетовна. — Конечно, лабораторная и инструментальная диагностика обязательны и необходимы в работе врача, но диалог врача и пациента, профессионализм и квалификация врача являются определяющими в практике терапевта. Я поняла это, когда работала участковым терапевтом в Нальчике. Новый микрорайон, проблемные семьи чернобыльцев, афганцев. Мы все были врачами-терапевтами и, можно сказать, семейными врачами, так как знали, что происходит в каждой семье, какая кому помощь требуется. Сами делали кардиограмму, сами часто ставили капельницу. Постоянно проводили и вакцинацию, и диспансеризацию. Ведь у многих пациентов не один диагноз, а целый букет болезней. Тем более важно тщательно собрать анамнез, провести осмотр и определить тактику ведения пациента. И на это уходило не пятнадцать минут, а столько, сколько нужно для этого конкретного больного. Врач должен доверять себе, а пациент должен доверять ему. Личный контакт очень важен, а кроме этого постоянная работа над собой, надо читать много специальной литературы, нарабатывать практику, делиться опытом и все время учиться, быть любопытным и любознательным, быть в поиске нового.

Это была серьезная школа. Работа врача (медсестер) амбулатор-

но-поликлинического звена очень трудная, тяжелая в силу объема нагрузок и зачастую неблагодарная, а именно от профессионализма участкового терапевта зависит своевременная диагностика и лечение. Этим людям, преданным своему делу, нужно сказать большое спасибо за тяжкий труд. Они заслуживают большого уважения и нормальной зарплаты.

Родные пенаты

— *Семья одобрила ваш выбор?*

— Я родилась в большой и очень дружной семье, где старший брат и четыре сестры. Мое детство было счастливым и беззаботным. Несмотря на тесноту, у каждого был свой угол. Родители, сколько я помню, работали в школе и нас воспитывали быть ответственными, обязательными и трудолюбивыми. Семья всегда была опорой для меня и я всегда чувствовала поддержку родных. Большим авторитетом и главным человеком в моей жизни был папа, который всегда мог выслушать и дать мудрый совет. Папа говорил, что надо все делать с душой, а свою работу надо любить, тогда она будет приносить удовлетворение и радость. Мечтала в детстве стать педагогом — как мама, но все сложилось иначе, за что я благодарна судьбе.

В 8 классе я твердо заявила о своем решении стать врачом и лечить людей. Школу я окончила с золотой медалью и поступила на медицинский факультет нашего университета. Папа был очень доволен и сказал, что я должна много учиться и трудиться, чтобы стать хорошим доктором.

К сожалению, папа часто болел (трудное и голодное детство, а еще поднимал своих трех младших братьев, которым заменил отца) и лежал в больнице. Всегда был терпелив со студентами, которых на курацию отправляли к нему. Папа требовал, чтобы я на доступном ему языке объясняла механизм и причины формирования его болезни, прогноз и тактику лечения. Должна сказать, что это требовало большой выдержки, терпения и знаний, убедить его пить таблетки было не просто, обязательно нужно было обосновать назначения. Эта была своего рода «высшая школа» работы с пожилыми людьми. Мои родители считали, что врач обязан найти общий язык с любым больным и первая беседа с хорошим доктором должна улучшить состояние пациента.

Я нашла себя в медицине, позже уехала в Москву, много работала. Но силы черпала, «подзаряжалась» всегда в родных краях. Природа здесь необыкновенно живописна — горы, озера и люди — открытые и доброжелательные. Считаю себя глубоко привязанной к малой родине, к своим родным и сейчас.

Жанна Бетовна свои отпуска проводит исключительно в родных пенатах. Малая родина — это исток жизненных сил, так же как у реки. Здесь тебя слушают и слышат, понимают, готовы помочь, здесь особая аура. Никакой отдых за границей этого не заменит.

Карта риска

— Как складывалась ваша профессиональная деятельность в Москве? Какие открытия как врач вы для себя сделали?

— Москва — это город для работы, и возможностей для профессионального роста здесь много. Найти свое место в Москве очень не просто и мне помогли учителя и друзья. Мои главные учителя и наставники в профессии — это академик РАЕН, профессор, Нагоев Беслан Сафарбиевич и академик МАЕН, профессор, Абидов Муса Тажудинович, которым я безмерно благодарна и признательна. Они помогли сделать и первые шаги в науку, и определить свое направление и устроиться в Москве. Профессор Нагоев — один из лучших учеников академика Покровского, заслуженный деятель науки, организатор кафедры и инфекционной службы Кабардино-Балкарии. Кафедра инфекционных болезней под его руководством была признана

лучшей в 2011 году и получила звание «Золотой кафедры России». Под его руководством я сформировалась как инфекционист и как научный исследователь. Профессор Абидов, давно живет и работает в Москве, автор различных методов иммунокоррекции. Первые мои шаги по изучению основ иммунологии еще в конце 90-х годов сделаны под его руководством.

Моя научная деятельность посвящена изучению иммунопатогенеза инфекционных заболеваний, анализу эффективности и научному обоснованию использования иммуномодуляторов для патогенетической терапии различных заболеваний и после успешной защиты докторской диссертации в ЦНИИЭ я получила предложение работать в клиническом отделе инфекционной патологии. Большая честь и ответственность работать в институте среди лучших ведущих специалистов.

Наш институт — это коллектив единомышленников, это школа академика Валентина Ивановича Покровского — великого ученого, внесшего неоценимый вклад в науку, мудрого учителя и гениального руководителя. В трудные 90-е годы академик Покровский не только сохранил институт и клиническую базу, но смог организовать необходимый в те годы и незаменимый сейчас Диагностический центр молекулярной диагностики (CMD), Научно-консультативный клинко-диагностический центр (НККДЦ) и Референс-центр по мони-

*С супругом
Понежевым
Оскаром
Муратовичем*

торингу вирусных гепатитов в России. На базе нашего института разработаны новейшие тест-системы для диагностики инфекций и отработаны стандарты терапии многих инфекционных заболеваний.

Человек очень индивидуален, и вот с этого нужно начинать — с индивидуальности. У каждого есть свои «риски», которые выявляются в ходе сбора анамнеза, а сегодня мы можем достоверно получить генетические риски после обследования и пройти предупреждающие профилактические процедуры и не ждать реализации этих «рисков». Это касается некоторых онкологических заболеваний (например, рака шейки матки), нарушений гипостаза, сердечно-сосудистых и других заболеваний. Важно знать свой генетический и иммунный паспорт. Предупрежден —

значит, вооружен и тогда с любыми заболеваниями справиться проще. Если пациент находится в группе риска, он нуждается в особом наблюдении.

От иммунитета человека зависит его устойчивость к болезням. Иммунология — наука относительно молодая, лишь чуть больше столетия назад «медицинская иммунология» официально была признана наукой и уже восемнадцать Нобелевских премий вручены за открытия именно в иммунологии. У «медицинской иммунологии» как науки большие перспективы...

В 21 веке основные задачи иммунологии: изучение молекулярных механизмов иммунитета — как врожденного, так и приобретенного, разработка новых вакцин и методов лечения аллергии, иммунодефицита, онкологических заболеваний.

Контроль над инфекцией

— Жанна Бетовна, в наше время выявляются какие-либо новые инфекции?

— Почти каждый год появляются новые болезни. С развитием медицины инфекционных заболеваний меньше не становится. Более того, ежегодно появляются новые заболевания, стоит вопрос о возвращающихся, уже забытых, инфекциях, имеющих нетипичное или атипичное течение, а, значит, трудно диагностируемых. По поводу экзотических инфекций. Что с этим делать? В первую очередь россиянин должен знать, куда едет и какие там есть инфекции, лихорадка Денге в Таиланде, например. Там каждый год вспышки и заболевают от 60 тысяч человек, в тех регионах, где как раз большинство туристов и отдыхают. Россияне стали выезжать в такие регионы, как Африка и Южная Америка, где всегда были специфические заболевания. Отсутствие информации, как для специалистов, так и для пациентов, приводит к тому, что завезенные инфекции будут расцветать. В настоящее время есть вакцины против многих инфекций и центры, которые занимаются прививками. К сожалению, информированность населения низкая. В СМИ постоянно говорят о том, что прививки вредны и не стоит их делать, а в результате населе-

ние дезориентировано. Если инфекция относится к иммуноуправляемым, то мы должны следовать тому направлению, что и весь мир и проводить иммунизацию! Информированность и профилактика этих заболеваний и есть защита от инфекций. Это касается и вируса гепатита В, от которого можно привиться взрослым. Эта вакцинация внесена в национальный календарь и проводится у детей с начала 2000 года.

Совсем недавно случилась напугавшая всех вспышка лихорадки Эбола. Причиной эпидемии стала катастрофическая бедность африканских стран, низкий уровень жизни. Африканцам приходится есть обезьян, летучих мышей, а они главные переносчики инфекции. И хотя жертв уже очень много, более пяти тысяч, но их могло быть в сто раз больше, если бы не профилактические мероприятия, жесткий контроль за всеми приезжающими, проверка территорий. Иначе мы могли бы пережить эпидемиологический кошмар.

Относительное благополучие сегодня по какой то инфекции не должно приводить к нарушению эпидемиологического контроля. Очень важно сохранять преемственность и своевременно проводить профилактические мероприятия.

— С какими жалобами чаще всего обращаются пациенты? Каковы приоритеты в деятельности врача?

— Несмотря на узкую специализацию врачу необходимо попытаться с мыслить шире и глубже анализировать все жалобы, данные анамнеза и обязательно провести полный осмотр первичного больного.

После тридцати пяти лет каждый обращается с какой-либо жалобой. Часто в Москве жалуются на хроническую усталость, слабость, частые простудные заболевания. Без диагностической базы невозможно определить, в чем дело. Это симптомы самых разных заболеваний, в том числе и очень серьезных. Случается, что синдром хронической усталости — последствие тяжелой инфекции. Человек на ногах переболел, не обследовался. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Есть вирусы, которые повреждают лимфатическую систему, печень, нервные ткани и так далее. К сожалению, ни одну из инфекций на сто процентов победить не удалось. Вирусы очень коварны, легко приспосабливаются, час-то меняют свое «лицо».

Именно поэтому возможности иммунитета, защитные силы организма привлекают пристальное внимание ученых и многое уже достаточно глубоко изучено, а многое еще остается спорным и неясным. Система защиты организма сложна и многообразна. Необходимо помнить, что организм человека работает как единое целое, всякое деление на системы весьма условно и необходимо лишь для облегчения восприятия и глубокого изучения и анализа..

В последние десятилетия доказана функциональная взаимосвязь нервной, эндокриной и гормональной систем, и накопленные данные указывают, что эти системы поддерживают в организме информационное равновесие, при необходимости компенсируя и модулируя сигнальные воздействия друг друга. Поэтому наш образ жизни и многие факторы имеют опосредованное влияние на все системы. Еще в начале 20 века Илья Ильич Мечников трактовал резистентность как невосприимчивость к инфекциям, причем невосприимчивость по его мнению, обеспечивается наличием естественных барьеров и способностью организма уничтожить попавшие в организм микробы. Устойчивость организма может зависеть от врожденных индивидуальных особенностей, возраста. Так, новорожденные в силу незрелости приспособительных механизмов отличаются повышенной чувствительностью к охлаждению, перегреванию, водному голоданию, недоеданию. В юношеском возрасте характерна неустойчивость нейроэндокринной системы, а у пожилых, в связи с развитием атеросклероза, нарушений кровообращения, понижением функции эндокринных желез и другими процессами, приводящими к ограничению резервов организма, устойчивость в общем понижается... Принципиально важно, чтобы человек был заинтересован как можно дольше оставаться здоровым. Надо идти к доктору

не констатировать болезнь, а удостовериться, что здоров. Если проводить профилактику, полную диспансеризацию, то здоровых людей будет гораздо больше чем больных. Здоровье нужно беречь и сохранять. Лечиться значительно труднее и дороже. А при запущенном заболевании мы можем только стабилизировать состояние.

Порочный круг

— Что, по вашему мнению, нужно скорректировать в отечественном здравоохранении? Какие

ошибки делаются при реорганизации? Как правильно расставить акценты, определить приоритеты?

Отечественная медицина нуждается в реорганизации, но продуманной и тщательно проанализированной, ориентированной на российскую реальность с учетом особенностей нашей страны и существующих проблем, а не просто пытаться подстроить нас под европейские или западные стандарты оказания медицинской помощи населению. Наша медицина нуждается в реорганизации, но не в такой оптимизации, которая проводится сейчас. Большинство врачей считают, что реорганизация нужна в первую очередь самой системе управления, начиная с Министерства здравоохранения.

Сокращение врачей и коек стационаров — не решение проблем, назревших в нашей системе. Пересмотреть рентабельность коечного фонда и всех больниц необходимо, но очень разумно и взвешенно. Сначала необходимо предложить альтернативу той системе, которая существует сегодня в нашей стране, а не где-то там. И зарубежный опыт — не всегда правильный ориентир для нас.

Необходима система профилактических мероприятий. Ничего лучше качественной и правильной диспансеризации пока не придумали. Каждый может и должен проходить комплексное обследование раз в год. Если все в порядке, человек продолжает спокойно жить и работать, а если выявлены отклонения в здоровье, начинает вовремя лечиться. К сожалению, например, мы часто выявляем туберкулез на последних стадиях, в то время как на ранних стадиях эту болезнь можно вылечить. Только в последнее время ситуация стабилизировалась.

Если приоритеты государственной медицины будут направлены на профилактику, на диспансеризацию, то здоровых людей будет гораздо больше, чем больных. Мы должны усилить наше амбулаторно-поликлиническое звено. Для этого сначала необходимо подготовить квалифицированные кадры первичного звена. Значит, надо менять и профиль в медицинских вузах — выпускать необходимых сейчас специалистов, востребованных в сегодняшних усло-

виях. Разгрузить участковых врачей от лишней бумажной работы и перегрузок, создать условия для профессионального роста. Будет достаточный потенциал клинично-диагностической, лечебной базы в поликлиниках, где будут все необходимые специалисты, тогда можно пересмотреть востребованность коечного фонда. Нельзя сокращать коечный фонд в больницах до формирования соответствующей мощной базы в поликлиниках.

Для начала нужна общая картина здоровья, которую может составить только грамотный терапевт. Следовательно, ему требуется больше времени на прием пациента, нельзя ограничивать это время. И, конечно, дефицит кадров — различных специалистов в поликлинике приводит к снижению качества обследования, а значит, и лечения.

Российская школа терапии еще с царских времен была самой сильной в мире. На Западе — высокие технологии, у нас — специалисты высшего класса. Технологии — это прекрасно, но это всего лишь техника, компьютеры, а человеческий фактор остается очень важной составляющей, и в этом убедились многие пациенты, которые пытались лечиться на Западе, а потом в России. Не надо нам навязывать западные модели оказания «лечебных услуг». Учитывая и принимаемая мировые современные подходы к диагностике и лечению, нам нужно сохранить свою уникальную терапевтическую школу, основанную

не только на профессионализме, но и на сострадании и любви. Для российского врача всегда было правилом — каждый больной уникален, каждый больной — особенный, требовался индивидуальный подход к каждому больному. Мы всегда оказывали медицинскую помощь, а не медицинскую услугу!

Сейчас появилась точка зрения, что переход с бюджетной на платную медицину решит многие проблемы. Мне доводилось видеть результаты лечения состоятельных людей. Лечение могло быть намного эффективнее, если бы провели индивидуальное комплексное обследование, а не обследование по стандартным протоколам, где предписаны все анализы и терапия согласно выставленному диагнозу.

Медицина, как и образование, должны быть бесплатными, а для определенной группы людей пусть будет альтернатива — частные клиники или дополнительное медицинское страхование.

Диалог с вирусом

— Жанна Бетовна, вы занимаетесь вирусными гепатитами. Защищали на эту тему кандидатскую. Что нового в этой области? Как можно повлиять на развитие болезни?

Тема вирусных гепатитов актуальна в силу их распространенности, на 2014 год в Москве заболеваемость хроническими вирусными гепатитами (ХВГ) составила 73,5 на 100 тысяч населения. При этом, надо понимать, что есть вакцина от вирусного гепатита В (включена в Национальный календарь), и после вакцинации, как и у лиц с адекватным иммунным ответом после перенесенного острого вирусного гепатита В, приобретает стойкий иммунитет. Взрослые могут получить прививку от гепатита В и будут защищены от этого серьезного заболевания! Другая картина с гепатитом С, потому что этот вирус имеет несколько генотипов. У каждого свое «лицо», и на сегодняшний день вакцины от вирусного гепатита С нет. Проблему создает то, что этот вид гепатита не дает острой картины, часто проходит бессимптомно, поэтому его называют «ласковым убийцей».

Статистика такая: из ста больных хроническими вирусными гепатитами только двое получают полноценное лечение. А при этом уже очень много достигнуто в современном мире по терапии хронических вирусных гепатитов: на место двойной/тройной терапии пришла эра безинтерфероновой терапии, на основе новых препаратов, обладающих прямым противовирусным действием. Эти препараты намного эффективнее (до 90–98%), проходят этапы регистрации у нас в стране, но широко используются за рубежом. Владея

самыми последними стандартными схемами терапии, мы далеки от возможности применения этих стандартов сегодня в клинической практике в силу дороговизны этих препаратов. И это вызывает возмущение. Есть перспективные, молодые больные, которых можно вылечить, но отсутствует национальная программа, нет госзакупок этих лекарств. Поэтому бремя хронических гепатитов у нас значительно выше, чем в европейских странах, и будет еще оставаться таковым.

Диалог человека с хитрыми вирусами только начинается. Нужно обследоваться, многие находятся в «зале ожидания», даже не подозревая, что больны. Чем раньше выявить вирус, тем эффективнее будет лечение. Он быстро ведет свою разрушительную работу. Анализ на вирусные инфекции сегодня доступен всем, он делается в районных поликлиниках.

Травяной чай. Почему бы и нет?

— Жанна Бетовна, можно ли победить аллергию? Как вы относитесь к нетрадиционной медицине?

Сегодня есть диагностические возможности определения причины аллергии и назначения адекватной терапии согласно всем международным протоколам. У нас доступна и лабораторная диагностика и

кожные скарификационные пробы на аллергены для уточнения диагноза. Мировая практика доказала эффективность современных методов лечения пыльцевой, бытовой, эпидермальной аллергии, надо только попасть к аллергологу-иммунологу. Аллерген-специфическая иммунотерапия (АСИТ) — метод основан на введении в организм последовательно нарастающих «доз» аллергена, к которому выявлена аллергия. Иногда любые кожные проявления, диатез и различные раздражения на коже и слизистых, обильные выделения из носа относят сразу к аллергии. А надо пройти тщательное обследование и консультацию специалиста. Очень часто кожные проявления являются результатом нарушения микрофлоры слизистых, особенно кишечника. Нормализация микрофлоры и санация очагов инфекции приводит к выздоровлению от таких видов «аллергии».

— В сочетании с традиционным лечением нетрадиционные методы дают хороший эффект при многих заболеваниях. Например, мануальная терапия, остеопатия, фитотерапия, использование гирудотерапии (пиявок) при определенных болезнях. Но лучше всего для начала проконсультироваться с врачом и получить назначения. Я, например, назначаю пациентам лечение травами или другими нетрадиционными методами по показаниям, если хорошо знаю их заболевание. Если же глотать все травы подряд, они могут

навредить так же, как и неправильное употребление таблеток. Здоровье нужно беречь.

С возрастом понимаешь, что нужно вовремя скорректировать или менять образ жизни. Нельзя таблеткой или травами исправить неправильный образ жизни. Важны питание, сон, режим отдыха. Если постоянный стресс на работе или дома, значит нужно сменить обстановку. Если все время крутиться, как белка в колесе, это может привести к серьезным патологиям. Нужно остановиться и подумать: а правильно ли я живу? Может, пройти санаторно-курортное лечение, просто отдохнуть...

Релаксация после работы

— У вас такая сложная специализация, большие нагрузки. Все-таки тяжело каждый день видеть больных людей. Как вы отдыхаете, расслабляетесь? Помогает ли вам в этом семья?

— Я очень люблю свою работу и не могу представить себя без любимой работы, которая приносит мне радость и удовлетворение. Опорой является моя семья и друзья. У нас прекрасная семья, мы с мужем уже 25 лет вместе и в ноябре 2014 года отметили серебрянную свадьбу. Муж всегда поощрял мой карьерный рост. Считает медицину очень

благородной профессией и рад выбору дочери. Дочь Лиана окончила Первый МГМУ имени Сеченова, в этом году заканчивает ординатуру по аллергологии и клинической иммунологии. У нас много общих интересов, часто советуемся, обмениваемся мнениями и интересными клиническими случаями.

Очень люблю классическую музыку, театр, каждый месяц стараемся попасть на премьеру или новую постановку. Предпочитаю активный отдых, каждый отпуск — в горы; люблю плавание, по возможности посещаю бассейн в течение года, а летом на море. Если позволяет время, читаю и перечитываю классику.

Время, общество меняют мировоззрение, расширяют и формируют мироощущение и очень важно не тратить впустую время, и насыщать себя позитивными эмоциями.

Очень люблю классическую музыку. Если хочу расслабиться, слушаю «Времена года» Вивальди. Запомнились на всю жизнь «Юнона» и «Авось» с Николаем Караченцовым и «Лебединое озеро» с Майей Плисецкой.

Хорошо бы всем научиться анализировать свое состояние. Компромиссы — это замечательно, но если с каким-то человеком некомфортно, с ним лучше не общаться. В жизни нужно искать радость, позитив. Это придает силы.

Даже в самых трагических ситуациях есть позитивный момент, важный урок, и надо уметь делать правильные выводы.

*В кругу
семьи*

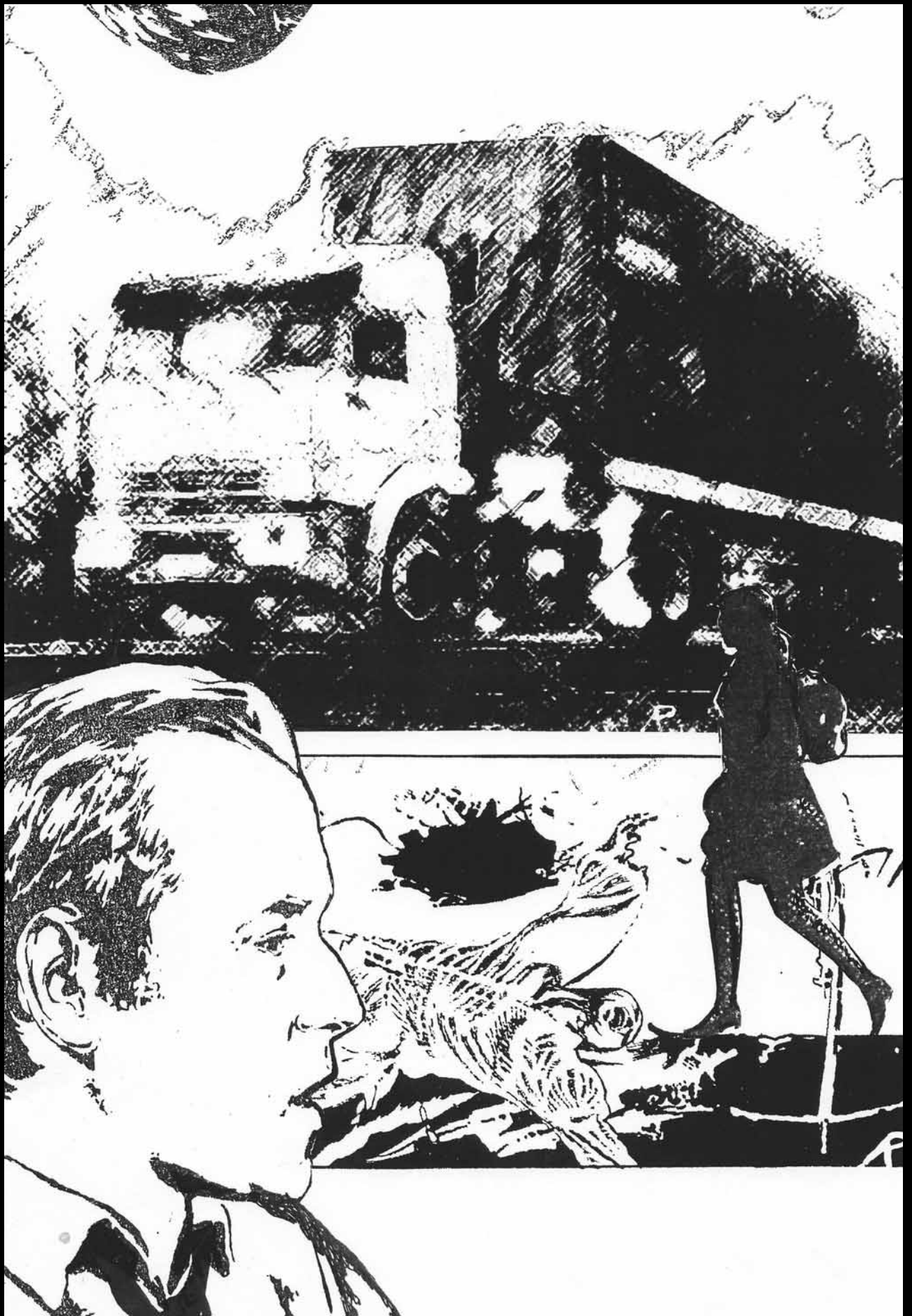
Как-то одна пациентка (с тяжелым онкологическим заболеванием) сказала, что в момент болезни человек чувствует себя очень одиноким. Душа и тело остаются один на один со своей болью, становишься очень раздражительным, ранимым, с обостренными и оголенными чувствами, и только открыв в себе Веру и Бога, осознаешь, что болезнь — это тоже испытание. И не только и не столько лекарства, а духовная поддержка врача и самых близких людей дают новые силы, а Любовь и Бог дают исцеление Души и сразу становится легче от осознания этого и покаяния, и по возможности исправления своих ошибок — это был урок мужества настоящей Женщины. Когда нельзя вылечить, очень важно по-

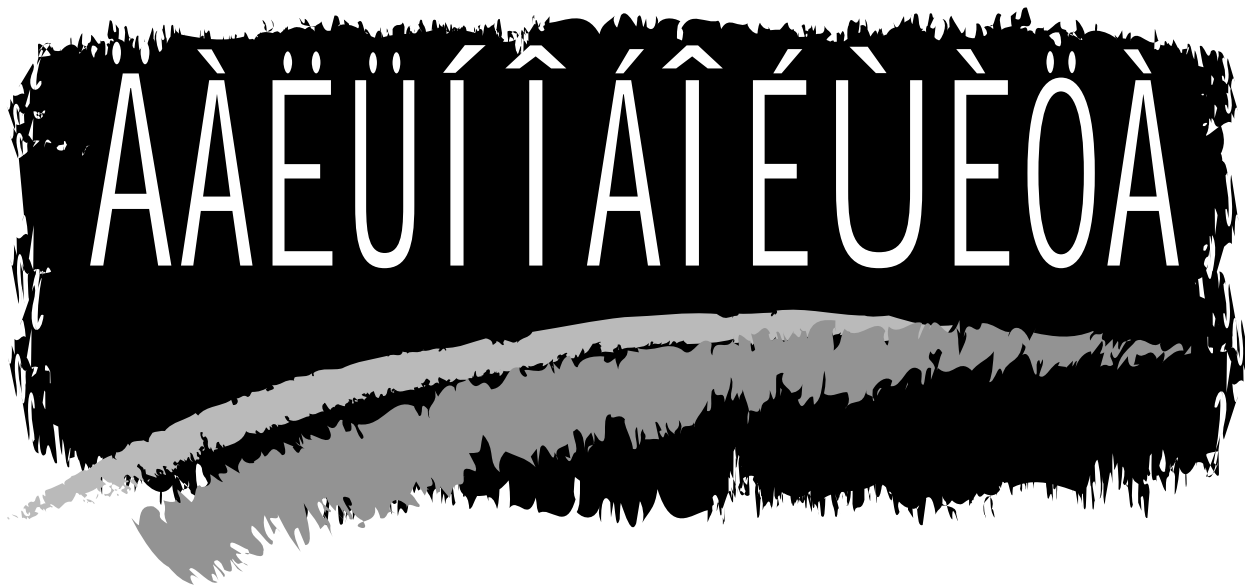
мочь и быть рядом до конца, человеческое и простое спасибо этого дорогого мне пациента я запомнила на всю жизнь.

Порой с нашего молчаливого согласия совершаются очень нехорошие поступки, поэтому очень высоко ценю порядочность в отношениях. Очень важна гражданская позиция.

Мы обязаны оказать любому больному квалифицированную помощь и в полной мере. Человек, а особенно врач, не должен быть равнодушным! Врач не должен привыкать к боли и страданиям. Если привык и равнодушен, — надо менять профессию. □

Беседовала
Татьяна Харламова

Глава 1

Ржавые гвозди

Низкие тучи и мелкий, надоедливый, как комарье, дождь так пропитали воздух влагой, что лес, шоссе и дорожные знаки казались торопливо нарисованными угольным карандашом на мятом обрывке ватмана. Непогода размывала все краски. Даша вымокла с головы до ног. От дождя она кое-как еще могла спрятаться под черным сморщенным зонтиком, из которого кончики спиц торчали, словно из вязального клубка, но вот от безжалостных брызг, которые швыряли во все стороны проезжающие мимо машины, спасения не было. Девушка словно душ Шарко принимала, только душ этот был холодный и грязный.

Легковушки она пропускала, отступая на раскисшую обочину и безуспешно уклоняясь от веерных фонтанов. Встань даже посреди дороги — все равно не остановятся. Водители личных авто стали слишком осторожными и боязливыми. На безлюдной трассе, пронизывающей мрачный лес, они даже девочку с бантиками и с куклой не подберут. Понасмотрелись телевизионных страшилок! Теперь всякий, кто машет рукой на обочине, им представляется бандитом, а в ближайших кустах видятся алчные глаза грабителей. А что делать честной девушке? Одна надежда на дальнобойщиков. Эти мужики полжизни на трассах проводят, без баб они никак не могут, и сердца у них добрые.

Даша не сводила взгляда с поворота, откуда вылетали машины, и беспрестанно вытирала мокрым платком глаза. Трудно поверить, какое се-

годня было утро. Ни облачков на небе, ни ветерка! Роса, солнышко, воздух чистый-чистый. Рай, одним словом! Она искупалась в речке, голову шампунем помыла, ресницы подкрасила. Еще полчаса просидела на берегу, любясь собой в маленькое зеркальце. Лицо кругленькое, носик остренький, а губки — вообще прелесть! Правда, лоб чересчур высокий и открытый, и его приходится прикрывать челочкой. Конечно, она не Софи Лорен, но на приличном расстоянии, откуда веснушек не видно, вполне может произвести впечатление.

Только Даша пошла по шоссе, голосуя, как полил дождь. От туши на ресницах остались одни воспоминания, и лицо стало бледным и невыразительным, словно заплаканным, да еще эти проклятые веснушки вдруг расцвели, как весенние одуванчики на поляне! Из-за них мальчишки в классе называли ее то «мухомором», то «бледной поганкой». Взрослые мужики, в отличие от глупых подростков, оценивали Дашу философски и говорили, что не бывает некрасивых женщин, а бывает мало водки. Даша охотно соглашалась с этой житейской мудростью, особенно с первой частью изречения, и интуитивно искала тот «подиум», где ее внешность могли бы по достоинству оценить. Этим подиумом оказались автотрассы, наполненные гарью выхлопов, пылью и несмолкаемым ревом моторов.

Шлепая промокшими босоножками по лужам, Даша чувствовала, что начинает замерзать. По коже расползлся противный озноб, подбородок мелко дрожал, и она механически напевала себе под нос: «Ды-ды-ды-ды...» Ах, как хорошо бы сейчас оказаться на теплом и сухом чердаке под жестяной крышей, по которой оглушительно барабанит дождь! Стащить с себя мокрый сарафан, завернуться в махровый халат и ухнуть в сено, пахнущее дымком и чабрецом. И лежать так долго-долго, глядя через мокрое окошко на пузырящиеся лужи! Для полного счастья Даше нужно было совсем немного. Как кошке — тепло да сытость. Отпуск только начался, все самое интересное ждало ее впереди. Но о будущем она не думала и, тем более, не боялась его. А чего его бояться, если она прекрасно знала, что будет завтра. А завтра будет знать, что случится послезавтра, и эти дни будут похожи друг на друга, как две капли воды: шоссе, машины, теплые, уютные кабины, пахнущие потом и бензином дальнобойщики. И, наконец, море — ее цель и мечта.

Она едва успела отскочить на обочину. Огромный, горячий и задымленный фургон с грохотом промчался мимо нее, обдав запахом горелой солянки. Из-под колес выплеснулся фонтан воды, и Даша чуть ли не в последнее мгновение повернулась к машине спиной. Брызги прошлись по выцветшему потрепанному рюкзаку из джинсовой ткани.

— Козел!! — крикнула она, грозя кулаком вслед удаляющемуся «КамАЗу».

А тот вдруг резко, с воем затормозил, проехал еще несколько метров юзом, оставляя за собой сизый дым и запах жженой резины.

Даша на всякий случай шагнула ближе к кустам. Мало ли обидчивых придурков на свете? Она продолжала неподвижно стоять, глядя на «КамАЗ», от которого, как от паровоза, шел густой пар. Хотела по привычке запомнить номер, но тот был заляпан грязью. Она сама не могла понять, что ее насторожило. Фура как фура, каких на трассах пруд пруди. Брезентовый тент с полустертой надписью «Высокие технологии». Белая, с отколами, кабина.

Щелкнул замок, и дверца призывно распахнулась. Вот оно, долгожданное тепло! Закинув ляжку рюкзака на плечо, Даша радостно побежала к «КамАЗу», легко заскочила на подножку и плюхнулась на обшитое дерматином пружинистое сидение.

— Подвезешь? Только денег у меня нет.

Вопрос был лишним, можно было бы сесть молча, но Даша всегда давала его, прежде чем захлопнуть дверь кабины. Она как бы давала водителю понять, что никакого отработанного сценария в развитии отношений не будет. Она — путешественница, которая едет к морю, и потому спрашивает, чтобы оставить водителю право отказать ей, а себе — право отказать потом ему.

— Садись, — ответил водитель. — Тебе куда?

— На юг! К морю и солнцу!

Он кивнул, дескать, нам по пути, и взялся за рычаг скоростей. Упитанный, где-то под сорок, с намечающейся лысиной, с круглым носом, пухлыми губами. Пепельница забита окурками. К пыльной панели прицеплены иконки с ликами святых и фотографии девушек в купальниках. Над ветровым стеклом покачиваются разноцветные флажки и вымпелы из разных городов.

— Как здесь тепло! — восторженно воскликнула Даша и натянула на колени край мокрого сарафана. Сейчас «водила» начнет ее обрабатывать. Но она готова к этому, она в карман за словом не полезет.

— Я тебя обрызгал?

— Не то слово!

— Да, погода дрянь...

— А что возишь? — спросила Даша, позевывая.

— Да все подряд... Компьютеры, телевизоры, мобильные телефоны...

— Ого! Дорогой товар! А не страшно одному?

— С напарником делиться неохота, — уклончиво ответил водитель. — Да толку-то от напарника! Если уж захотят фуру ограбить, то напарник здесь не поможет. Тут даже танковая рота не поможет, только лишнее внимание привлечет... Кушать хочешь?

«КамАЗ» мчался по шоссе, пронизывая серую мглу. Щетки со скрипом скользили по стеклу. Было тепло и уютно. Тихо играло радио. Водитель не приставал и не делал глупых намеков. Даша блаженствовала, отхлебывая пиво из горлышка бутылки и заедая копченой колбасой, которую откусывала прямо от колечка.

Ей вдруг захотелось разговорить водителя. Его затянувшееся молчание стало ее настораживать. Болтуна насквозь видно, он все свои желания, словно рекламный плакат, демонстрирует, а от молчуна не знаешь, чего ждать.

— А как тебя зовут? — спросила она.

— Валера, — ответил он после продолжительной паузы.

— А меня Даша, — с трудом пережевывая большой кусок колбасы, представилась Даша. — Хорошо, что ты меня подобрал. Я уже насквозь промокла.

Он посмотрел на нее с внимательным любопытством. Даша знала, что многим мужчинам нравятся девушки, которые едят по-мужски, не стыдясь набить едой полный рот. Но этот вел себя слишком сдержанно, не демонстрируя ни симпатии, ни антипатии, что Дашу уже не только настораживало, а уже начинало пугать. Хоть бы для приличия отвесил ей какой-нибудь затасканный комплимент, вроде того, что мокрый сарафан подчеркивает стройность ее фигуры.

— Машин на трассе много, но все больше легковушки. А в легковушку я ни за что не сяду... А тебе не страшно брать попутчиков?

Он не ответил. Даша с испугом покосилась на него. Зря она села в эту машину. Чего он молчит? О чем думает? А вдруг он маньяк и садист? Вдруг вынашивает план, как ее придушить, потом расчленить, а после и сожрать? Приоткрыть бы его черепную коробку, да посмотреть, какие там мысли шевелятся.

— Конечно, девушка внушает больше доверия, — развивала тему Даша, делая вид, что с любопытством рассматривает этикетку на бутылке. — «Хлебное»... Первый раз такое пиво пью. Разве пиво из хлеба делают?.. Между прочим, сейчас такие девушки встречаются, что мужики в сравнении с ними — просто овечки...

Дорога пошла под уклон, и Валера поставил четвертую передачу. Сидеть неподвижно рядом с молчащим мужиком было невыносимо. Надо действовать. Надо показать, что она не из робкого десятка.

— А я в школе карате занималась, — произнесла она. — Меня мальчишки за версту обходили, если я была злая. А разозлить меня очень легко. Знаешь, какой в карате самый страшный прием? Удар ребром ладони по горлу.

Валера снял со стекла прямоугольную фанерку и положил Даше на колени.
— Порежь, — сказал он и кивнул на огрызок колбасы, который девушка все еще сжимала в руке.

— Да, конечно, — спохватилась Даша. — Только я уже почти все съела. И ножа у меня нет.

Она даже за язык себя прикусила. И зачем про нож лягнула? Где-то она читала, что, когда разговариваешь с маньяком, нельзя произносить такие слова, как «нож», «веревка», «топор».

— Как же ты без ножа ходишь? — пристально посмотрел на нее Валера. — Не боишься в незнакомые машины садиться?

Ей показалось, что эти слова прозвучали двусмысленно. Ну вот, началось! Точно маньяк!

— А чего мне бояться? У меня с собой есть оружие пострашнее...

— Пострашнее? — скептически усмехнулся Валера.

В этот момент Даша ясно поняла, почему кошки при виде собак щетинятся, ей вдруг захотелось сделать то же самое.

— Между прочим... между прочим, — торопливо заговорила она, — по статистике, дальнбойщики чаще всего становятся жертвами молодых девушек, которых они подсаживают на трассах. Вот недавно под Новосибирском был случай, когда девица одним ударом молотка убила дальнбойщика — такого здоровенного мужика!

— Одним ударом?

— А другая красавица задушила водителя шнурком от сумки. Так что ты не смотри, что я с виду не агрессивная. Моя душа — потемки. А вдруг я профессиональная убийца?

Валера покачал головой и щелкнул зажигалкой, прикуривая.

— Может, тебя высадить? — миролюбиво спросил он и, притормозив, съехал на обочину.

Вот те на! Он собирается ее высадить! Переборчик получился. Нет, ей вовсе не хочется выходить из теплой машины под дождь.

— А ты что, испугался?

— Да нет, не испугался... Разговор у нас какой-то странный.

— Почему странный? — пожала плечами Даша. — Нормальный разговор... Дорога у нас дальняя, надо честно рассказать о себе все.

— А ты в самом деле оружие с собой носишь? — как бы между прочим спросил Валера, снова трогаясь с места.

— В самом деле, — кивнула Даша.

— Вот же девушки пошли! — покачал головой Валера. — А может, это и правильно. Давай-ка, полезай на полку. Я днем выспался, и полночи буду рулить... Только босоножки сними.

Даша охотно полезла на полку, прихватив с собой рюкзачок. Легла, вытянула ноги, натянула одеяло до подбородка и сладко зажмурилась. Вот что такое счастье! Тепло, мягко, машина, убаюкивая, урчит, плавно покачивается на рессорах. Одно плохо — от рюкзака пахнет мокрой псиной. Его бы просушить, да негде.

— Я смотрю, ты себя в обиду не дашь, — негромко произнес Валера, словно разговаривал сам с собой. — За себя постоять умеешь.

— Точно! — подтвердила Даша, задергивая короткие шторы. — Можешь не сомневаться.

Она взбила подушку, легла на бок и, слегка сдвинув шторку в сторону, стала смотреть на тяжелый затылок водителя. Даже если надумает сделать что-нибудь плохое, все равно ничего у него не получится. Пока машина едет, Даша будет крепко спать. Но как только «КамАЗ» остановится, она проснется. Хорошая привычка.

— Работаешь или учишься?

— Работаю, — ответила Даша и зевнула. — Телятницей в совхозе «Путь Ильича».

— Вот и моя подруга тоже телятницей... — пробормотал Валера. — Меня от запаха молока уже тошнит... Эх, ничего в жизни баба не понимает. Дура дурой! Полжизни под выменем провела... — Он на мгновение обернулся, но не заметил, что Даша за ним подсматривает, и спросил: — Спишь?

Она промолчала. Тогда он несколько раз посигналил:

— Эй, Даша!

— Ну, чего тебе? — сонным голосом отозвалась она и сдвинула шторку в сторону.

— Просьба к тебе одна. Ты девчонка боевая, тебе это нетрудно будет. А я тебя за это бесплатно до Ростова довезу. Плюс кормежка. И больше мне от тебя ничего не надо. Договорились?

— Какая просьба?

— Понимаешь, я по этой трассе уже не первый год мотаюсь. На ночлег привык в одной и той же деревне останавливаться. Ну, как это бывает, завелась там у меня одна пассия.

— Любовница?

— Да какая, на хрен, любовница! — выкрикнул Валера и так дернул головой, что машина вильнула. — Говорят тебе — баба! Старше меня, работает на ферме. Думаешь, зачем она мне? Да чтобы в баньке помыться, яичницу с домашней колбаской поест, ну и, само собой, переночевать...

— На халяву, — подсказала Даша и хихикнула.

— Не фига себе, халява! — возмутился Валера. — Да я к ней ни разу с пустыми руками не приезжал. То духи, то костюм, то мешок сахара,

то муки... Да дело тут не столько в баньке и яичнице. Видишь ли, на трассах ночевать дорого и опасно. А деревня в стороне от трассы, там двор огромный, и я туда на ночь фуру загоняю. Сам сплю, а машина под окном стоит. А рано утром — фьюить! — и поехал. Удобно!

— И она вдруг родила тебе ребенка, — подсказала Даша.

— Тьфу-тьфу-тьфу! — Валера постучал костяшками пальцев по иконке. — До ребенка дело не дошло. Да какой может быть ребенок? Она что, девочка, чтобы ребенка заводить?

— А что же еще могло случиться?

— Эта чувырла вдруг, ни с того ни с сего, решила, что я обязан на ней жениться. Ты представляешь, она даже ко мне в Витебск домой приперлась!

— А зачем адрес давал?

— Да в паспорте она его подсмотрела! Я ее, конечно, с лестницы спустил. Теперь она бомбит меня письмами, зовет жить к себе, пишет, что любит меня до безумия... В общем, сплошная головная боль. Чего я только ей не писал! Врал, что женился, что у меня уже трое детей — не верит!

Даша поняла, что просьба Валеры будет связана с этой излишне навязчивой «чувырлой». «Врет он все, — подумала она. — Наверняка вешал лапшу на уши несчастной женщине, пел ей басни про любовь. Вот она и кинулась его разыскивать. Не сахар ей был нужен, а мужик в доме».

— И что я должна сделать?

— Представиться моей женой.

— Кто? Я? — воскликнула Даша и так резко вскинула голову, что ударилась темечком о потолок кабины.

— А почему бы и нет? — с некоторой ноткой обиды спросил Валера.

Даша морщилась, потирая ушибленную голову.

— Да она не поверит! Какая из меня жена?

— А ты сыграй так, чтобы поверила, — настаивал Валера. — Поговори с ней по душам, пригрози, что, если она не оставит меня в покое, выцарапаешь ей глаза, повыдергиваешь волосы... Ну, в общем, тебе видней, что сказать.

Даша хихикнула и почему-то с удивлением посмотрела на свои руки.

— Странная просьба, — произнесла она. — Честно говоря, мне еще ни разу не приходилось выдавать себя за чью-то жену. Я даже не знаю, как надо себя вести... Глупость какая...

— Да почему глупость? — как можно убедительнее произнес Валера. — Ты что, не представляешь, как относятся друг к другу муж и жена?

— Откуда мне знать? Я еще не замужем.

Он усмехнулся и покачал головой.

— Так вспомни маму и папу, как они воркуют, что говорят друг другу. Допустим: «Дорогой, что ты хочешь на завтрак? Снимай-ка рубашку, я ее стираю! И немедленно побрейся, а то поцарапаешь мне щечки!»

— Да какие там щечки! — махнула рукой Даша. — Он пьет, она пьет, он ее по морде, она его по морде. Вот и все щечки. Я сразу на улицу выбегаю, чтобы их не видеть.

— Ну, бог с ними, с родителями! — смущенно проговорил Валера. — А парень-то у тебя есть? Как вы с ним? Надеюсь, не деретесь?

— Парень! — со злой иронией скривилась Даша. — Откуда? Все нормальные «бакланы» уже женаты, остались одни балбесы.

— М-да, проблема... — безрадостно протянул Валера.

— Я, конечно, могу попробовать, — не слишком уверенно произнесла она, — только не знаю, получится ли.

— Да, конечно, получится! — заверил ее Валера. — Не в кино же сниматься предлагаю. Скажи ей, что ты уже беременная. Что мы купили с тобой квартиру и делаем ремонт. Пригрози, что в милицию заявишь... Да не переживай, все это очень просто. С таким характером, как у тебя, это раз плюнуть. А я тебе полный комфорт обеспечу, с ветерком доведу.

— Ладно, — согласилась Даша и вдруг прыснула со смеху. — Никогда еще мне не приходилось играть чужую жену. Комедия! Не рассмеяться бы в самый ответственный момент...

— Ты только не бойся ее, — торопливо, словно опасаясь, что она вдруг передумает, инструктировал Валера. — Телятница моя баба шумная и напористая, может даже за топор схватиться. Но это все позерство. Перед живой, так сказать, женой с нее сразу вся спесь сойдет... Сейчас я тебе ее фотку покажу! — Он откинул крышку бардачка и стал рыться в нем. Ему было неудобно, приходилось смотреть то на дорогу, то на бардачок. На пол выпали мятые журналы, какие-то бумажки... — Хрен ее знает, куда она делась, — проворчал Валера. — Ладно, живьем увидишь.

— Ты, конечно, кидаешь меня на ржавые гвозди, — заметила Даша, внезапно почувствовав жалость к самой себе. — Сам набил пузо домашней колбасой, а теперь прячешься за моей спиной, заставляешь разбираться с какой-то ненормальной.

Валера понял, что наступил переломный момент. Он остановил «КамАЗ» на обочине, повернулся к ней и коснулся ее руки:

— Да я не заставляю! Я тебя прошу. У меня безвыходная ситуация. А ты можешь мне помочь, и тебе это совсем нетрудно будет сделать. Услуга за услугу... Прошу тебя!

Он ждал, что Даша ему ответит, но она промолчала. Валера вздохнул и снова взялся за руль. «Дворники» скрипели и свистели, продолжая бо-

роться с нескончаемым дождевым потоком. Откуда-то из серой мглы, расплывчатые, со смазанными контурами, словно сделанные из мокрых туч, вылетали автомобили. Слепляя светом фар, они с шумом проносились мимо, оставляя за собой облако водяной пыли.

— Как ты думаешь... — спросила вдруг Даша. Ее взгляд замер на тяжелом затылке Валеры. — А море сейчас теплое?

Глава 2

Остались одни мамонты

Участковый — грузный, явно нездоровый, страдающий отдышкой мужик — докладывал медленно, делая большие паузы между словами, словно еще не проснулся или же думал о чем-то своем, более важном, нежели труп в реке.

— Когда Евсей Галюшин его увидел, точно сказать не смог, потому как часов у него отродясь не было, но обычно стадо переходит реку около шести утра. Говорит, коровы чуть было копытами на голову трупу не наступили. Перепугался, бегом ко мне. В двадцать минут седьмого, считай, разбудил меня, и я сразу пришел сюда...

— Евсей — это пастух?

Следователь Воронцов сидел на резиновой накидке, брошенной на влажную от росы траву, и неторопливо курил, зажимая дорогую сигарету с угольным фильтром тонкими пальцами с ухоженными ногтями. Он был высоким, худощавым, с великолепными густыми волосами, зачесанными назад, с приятным лицом, которое ничуть не портили чуть удлинённый нос и тонкие губы.

— Ну да, сегодня пастух. Его очередь пасти коров. У нас тут, считай, все пастухи, у кого живность в пуньке...

— А Галюшин — это что, фамилия? — перебил Воронцов, но в его вопросе острого любопытства не было. Казалось, что попутно он думает о чем-то другом, скорее всего, тоже о каком-то пустяке.

Участковый усмехнулся, растянув полные губы, снял с головы фуражку и несвежим платком протер запотевший изнутри козырек.

— Нет, не фамилия, — сказал он, возвращая фуражку на голову. — Галюша — жонка его. Вот и повелось так: Евсей Галюшин. У нас тут кого как только ни называют...

— Дальше! — спокойно, не высказывая нетерпения или раздражения, — сказал Воронцов.

Солнце поднималось над лугом, растапливая сырой туман. Трава сверкала радужной росой. Воронцов подумал, что день будет очень жарким, и пожалел, что не прихватил с собой легкую курточку, в которой не запаришься, и наплечная кобура совсем не заметна. Придется мучиться в пиджаке и рубашке с длинным рукавом. Прикрыв глаза ладонью, он смотрел на пологий и не слишком высокий холм, торчащий посреди торфяных болот вроде острова, обтянутого зеленой замшей. По мятым склонам скользили вертлявые тропинки. Выше толпились лохматые ветлы, за стволами которых проглядывали серые шиферные крыши старых хаток с черными, никогда не крашеными срубами. Оттуда доносился скрипучий, словно простуженный, клик петуха.

— Прибыв на место происшествия, я сразу попытался установить личность потерпевшего, — протокольным языком продолжал участковый. — Труп лежал в реке на мелководье лицом вниз и являлся объектом мужского пола, приблизительно сорока лет. Могу доложить однозначно, что этот человек в селе Упрягино не проживает. Из одежды на нем были только джинсы с накрученными... с задранными... тьфу, как это их?.. С закатанными вверх брючинами... Никаких документов и личных вещей, кроме зажигалки иностранного производства, при нем не оказалось. На затылке обнаружена небольшая ссадина, что стало причиной принятия решения о немедленном докладе в прокуратуру. Кроме того, осматривая близлежащую местность, я обнаружил на берегу реки, непосредственно напротив трупа, спортивную обувь и носки.

— А следы? — спросил Воронцов, посмотрев, наконец, на участкового.

— К сожалению, никаких следов я не заметил. — Тот присел и провел ладонью по короткой жесткой траве. — Она ж, считай, как мочалка! Даже ваша машина — а в ней никак не меньше двух тонн будет — проехала, как по воде. Хоть бы одну травинку примяла!

Воронцов затушил о траву окурок и поднялся на ноги. Предстоящая работа не вызывала в нем ни интереса, ни азарта. Точнее было бы сказать, она вызывала в нем определенное отвращение. И это чувство он стал испытывать с тех пор, как работа в прокуратуре перестала удовлетворять его материальные потребности. Сын генерала милиции, заслуженного работника уголовного розыска, сам он считался посредственным следователем, громких преступлений не раскрыл, да и не стремился к ним слишком. Эта его профессиональная скромность и отсутствие честолюбия регулярно бросались в глаза начальству, Потому на него чаще, чем на других следователей, скидывали дела заведомо бесперспективные. Воронцов никогда не возмущался по этому поводу, он любил «висяки», слов-

но старые добрые компании, с которыми подолгу не хочется расставаться, и плодил их в меру своих способностей.

У забрызганного грязью «УАЗа» с глухим фургоном, на борту которого еще можно было разглядеть облупившийся красный крест, стояли судебный медик Довбня в грязно-белом халате и водитель. Полчаса назад на куске мешковины они выволокли на берег труп мужчины и теперь неподвижно стояли над ним, окутывая себя клубами дыма.

Воронцов подошел к медику. Тот откинул край тряпки, прикрывавшей лицо покойника, и предложил:

— Спиртяшки плеснуть?

Воронцов отрицательно мотнул головой и опустился перед трупом на корточки. Некоторое время он без интереса и содрогания рассматривал одутловатое посиневшее лицо, а потом, вытаскивая из пиджака бумажник, спросил:

— Выяснил, от чего загнулся?

Медик следил за пальцами следователя, перебирающими деньги, и не торопился с ответом. Хотя он ничего в жизни не знал, кроме устройства трупов, но из этого ничтожного превосходства старался выжать все возможное. Штатные медики из лаборатории судебной экспертизы давно сбежали, потому приходилось нанимать за деньги экспертов из военного госпиталя.

— Температура тела — двадцать четыре градуса, — начал он докладывать, заботливо укладывая купюру в кармане халата. — В большинстве мышц развивается трупное окоченение. Слизистые оболочек и кожи изменены. Реакция зрачка на атропин и пилокарпин отсутствует...

— Ты прямо отвечай на вопрос, а не юли, — перебил его Воронцов.

— А я тебе прямо и говорю.

— Когда?

— Приблизительно четыре часа назад.

— Это сколько уже? — Воронцов посмотрел на часы и воскликнул: — Девять? А я еще не завтракал... Так что у нас получается? В пять?

— Или в пять тридцать, — уточнил Довбня. — Не позднее.

— От чего он умер?

— В легких полно воды.

— А как насчет раны на затылке?

— Да какая это рана! — скривился медик. — Царапина... От нее он не мог загнуться. Разве что оглушили ударом по затылку. Потом оттащили в реку, да еще окунули голову и держали так до тех пор, пока легкие не наполнились водой... Может, все-таки дерябнем спиртяшки?

— Ты возьми зеркало и посмотри на свое лицо, — предложил Воронцов. — А теперь посмотри на мое. Видишь разницу? Все, поезжай, а то ты

мне уже надоел. И не забудь подписать экспертизу у вашего патологоанатома, прежде чем везти ее в прокуратуру!

— А как тебе сообщить о результатах?

— Позвонишь мне на мобильный, — ответил Воронцов.

— Да откуда у нас здесь связь? У нас тут с электричеством проблемы, а вы хотите сотовую связь...

— Да, проблемы, — произнес Воронцов, посмотрев на пустой дисплей мобильного. — Ладно. Значит, привезешь экспертизу сюда. Мне лично в руки.

— Сюда? — скривился Довбня и взялся за край мешковины. Водитель взялся за другой конец, и они, подняв труп, закинули его в фургон. — Ты видел, какая дорога? Все раскисло! Здесь танк не проедет!

— В нашей конторе, в кабинете директора, есть телефон, — подсказал участковый. — Связь, правда, иногда обрывается, но при большом желании можно передать информацию.

— Понял? — Воронцов заострил внимание медика на этих словах. — Позвонишь директору и передашь ему заключение экспертизы. И прокурор пусть звонит по этому номеру, если, конечно, я ему буду очень нужен.

Участковый постепенно смирился с тем, что вместе с неопознанным трупом его спокойной жизни пришел конец, и принялся приобщаться к процессу расследования. Провожая взглядом «УАЗ», медленно катившийся по лугу, объезжая черные блины коровьего помета и стайки гусей, он подумал, что чем быстрее будет обоснован уход покойника из жизни, тем скорее следователь свалит отсюда.

— Вы думаете, это инсценировка самоубийства? — выдвинул он вычитанную где-то модную версию, надеясь изменить у следователя тягостное впечатление о себе.

— Да ничего я пока не думаю, — ответил Воронцов, глядя на свои туфли и сокрушенно качая головой. — Слушай, напомни-ка свое имя?

— Шурик я.

— Шурик?

— Ну да, Шурик, — подтвердил участковый. — Меня здесь так все зовут. А я уже, считай, и привык.

— Так вот, Шурик. Мои туфли промокли насквозь!

— Туфли? — повторил участковый и заморгал глазами.

— Откуда ж мне было знать, что у вас здесь такая роса! Все равно, что реку вброд перешел. Нет, ты только взгляни, видишь, я становлюсь на носок, и вода из туфли сочится...

Участковый в замешательстве смотрел на туфли Воронцова, понятия не имея, что в связи с этим он должен предпринять.

— Банька-то у тебя есть, Шурик? — вдруг спросил Воронцов.

— А как же без баньки? — растерянно произнес участковый.

— Значит, после обеда у нас должна состояться банька. О здоровье всегда надо заботиться. Так ведь? А теперь скажи мне, как этот человек мог здесь оказаться в пять утра, если он в Упрягине не живет?

Участковый пожал плечами и подумал, что первое впечатление о следователе оказалось ошибочным. Какой, оказывается, зануда! Ну, откуда он, участковый, может знать, как этот человек оказался здесь в пять утра?

— Может, приехал на чем-нибудь? — без особого усердия предположил он, попутно думая о том, что надо немедленно послать своего лопухого сына «на жуки», то есть, вручную собирать с картофельной ботвы в ведро колорадских жуков и личинок, чтобы потом влить туда керосина и поджечь. Занятие гадкое, но более действенного способа борьбы с заразой в Упрягине не знали.

— На чем приехал? — допытывался Воронцов, снимая и выжимая носки. — Ты берег хорошо осмотрел?

— Хорошо, — не вполне уверенно ответил участковый.

— А что это там круглое торчит из воды?

Шурик вытянул шею, глядя туда, куда махнул Воронцов.

— Вроде, ведро.

— Вроде, ведро... А почему не достал? Ведь это, может быть, ценное вещественное доказательство.

Воронцов закатал штанины и вошел в воду. Прошел вдоль течения по песчаной отмели, ощущая под пятками ровный податливый песок, потом нагнулся и поднял ржавое гнущее ведро, к ручке которого прицепилась темная тряпка, похожая на пучок водорослей.

— Нам с тобой, Шурик, придется вместе пуд соли съесть, — с мягкой нравоучительностью сказал он, возвращаясь на берег, — а ты уже халтуришь. И баню не предложил, пока я сам не напросился. Я понимаю, что все это тебе на хрен не нужно, но совесть все же надо иметь!

— Так я же... Я, Юрий Васильевич, считай... — забормотал Шурик, пожимая плечами и краснея.

— Ладно, — махнул рукой Воронцов, — ну, а сало, на худший случай, у тебя есть?

— Сало найдется, — охотно подтвердил участковый и подумал, что сало у него не ахти какое свежее, с зимнего забоя, и уже изрядно пожелтело. Но, если предложить его под самогоночку, то сойдет и такое.

Воронцов опустил ведро на траву, потом выжал тряпку и поднес ее к носу:

— Соляра... На машине он сюда приехал, Шурик, на машине... Потом решил ее помыть. Зашел по щиколотку в реку, чтобы наполнить ведро...

Он вдруг замолчал, и участковый решил, что следователь предоставляет ему возможность логически завершить версию.

— И его убили, чтобы угнать машину?

— Нет, чтобы сожрать твоё сало, — задумчиво покачал головой Воронцов. — У тебя светлая голова, Шурик. Очень светлая. — Он подобрал с травы накидку и неторопливо пошел к своей машине, говоря на ходу: — Пойдем, Шурик, покатаемся вдоль речки, грибы поищем.

Глава 3

Чем все это закончится?

Шторка колыхалась от легкого сквозняка и щекотала Даше щеку. Девушка неподвижно лежала на полке, глядя через стекло на роскошную ветлу, длинные ветви которой полоскались в реке. По ветке, как по канату, ловко карабкалась какая-то пичуга с ярким оперением, помогая себе клювом. Она была похожа то ли на циркача, то ли на альпиниста. Даша улыбалась и удивлялась: крылья ведь есть, могла бы за секунду вспорхнуть на самую макушку дерева, а нет, хочется ползать. Странно — те, кто ползает, мечтают летать, а те, кто летает, зачем-то ползают. Может быть, то, что каждому живому существу не дано природой, воспринимается им как вершина счастья?

От долгого лежания на тесной полке у нее занемела рука. Девушка провела по ладони ногтями, но ничего не почувствовала, словно рука принадлежала другому человеку. Это было неприятное ощущение, и она, желая немедленно избавиться от него, с силой ударила бесчувственной рукой по крыше кабины, а потом сползла вниз, на сиденье и стала трясти рукой, будто обожглась.

Водительская дверь была распахнута настежь. Кабину заполняли запахи свежей травы и навоза. Даша сидела за рулем, поджав колени к груди, и растирала руку. Ей казалось, что толпы муравьев во весь опор несутся по коже. Тут она заметила разноцветные вымпелы, висевшие под потолком, и стала их внимательно разглядывать. Больше всего ей понравился вымпел с изображением скульптуры греческого бога Аполлона. Она хотела снять его, чтобы рассмотреть получше, но вдруг ее внимание привлек козырек для защиты от солнечных лучей. На его внутренней стороне оказался кармашек, туго набитый бумажками и тонкими книжечками. Синий корешок паспорта она заметила сразу.

«Бондаренко Валерий Александрович», — прочитала она на первой страничке. Потом нашла отметку о жене и детях. «Наплодил трех дочерей,

а сам про яичницу с салом думает!» — мысленно высказалась она по этому поводу и начала искать отметку о прописке. Неожиданно Даша почувствовала на себе чей-то взгляд, повернула голову в сторону дверного проема и увидела незнакомого молодого мужчину.

Его появление здесь было настолько неожиданным, что Даша едва не закричала. Но от незнакомца не исходило никакой опасности. Напротив, он показался ей необыкновенно красивым, и она почему-то мысленно окрестила его Айвенго.

— Ну-ка, — приятно улыбаясь, сказал незнакомец и протянул руку. — Давай-ка эту штучку сюда!

— Это чужой паспорт, — ответила Даша, но паспорт все-таки отдала.

Тот раскрыл его, некоторое время внимательно смотрел на фотографию, затем поднял глаза на девушку и снова улыбнулся:

— Тебя как зовут, малыш?

— Даша.

— Замечательно, — ответил незнакомец и спрятал паспорт в нагрудный карман рубашки.

— Эй! — возмутилась девушка. — Отдайте!

— Прыгай сюда, — предложил он и протянул руку, чтобы помочь ей выбраться из кабины, — а то сидишь там как кукушка.

— Ага, сейчас! — кивнула Даша и отсела от дверного проема подальше. — Я вас не знаю... Между прочим, я в школе карате занималась. Меня мальчишки за версту обходили...

— Охотно верю, что обходили, — ответил незнакомец, со скептицизмом рассматривая лицо девушки. — И все-таки будет лучше, если ты спрыгнешь.

Даша недолго колебалась. У этого человека на лице было написано, что он добрый. А был бы злым, все равно в кабине от него не спрячешься. Она протянула руку, стала спускаться бочком, но неожиданно потеряла равновесие и неминуемо свалилась бы на траву, если бы незнакомец не поймал ее в свои объятия.

— Извините, — сказала Даша, неудержимо краснея.

— Что ж ты такая неуклюжая, малыш? Так можно затылком удариться и сознание потерять, — заботливым тоном произнес незнакомец.

— Почему же это я неуклюжая? Очень даже уклюжая... — несмело возразила она и, оглянувшись, увидела стоящего неподалеку полненького милиционера со свекольно-красным лицом. Присутствие представителя власти успокоило ее окончательно, где милиция — там законность и порядок.

— Ваша? — спросил «Айвенго» у милиционера.

Тот отрицательно покачал головой. Даша не поняла, что речь идет о ней, и, с интересом посматривая то на красавца, то на милиционера, поинтересовалась у незнакомца:

— А вы сами кто?

— Юрий Воронцов. Для тебя просто Юра, можно даже на «ты».

— У вас... у тебя такое лицо... В общем, мне кажется, что я вас где-то уже видела.

— Многим так кажется, малыш, — заверил Воронцов и, опустив руку на плечо девушке, повел ее вдоль борта машины. — Скажи мне, пожалуйста, а ты откуда здесь взялась?

— Я еду на юг, — ответила Даша и аккуратно сняла руку Воронцова с плеча.

— Как? — притворно удивился он. — Сама?

— Нет! — усмехнулась Даша. — С водителем... А вы тоже милиционер?

— Не совсем, — уклонился от прямого ответа Воронцов. — Участковый наводит здесь порядок, а я ему в некотором роде помогаю... А где же твой водитель?

— Не знаю! — легко ответила Даша, пожала плечами и кинула взгляд по сторонам. — Ушел куда-то. Я только проснулась. Здесь так тихо, так хорошо спится!

— Это его паспорт ты листала?

— Ага... Я хотела только посмотреть, сколько у него детей и как зовут жену.

— Наверное, водитель тебе очень понравился?

— Кто? Водитель мне понравился? — воскликнула Даша, на всякий случай вкладывая в ответ больше эмоциональности, чем следовало бы. — Да не смешите мои колени! Старый, лысый, курит... — Как раз в этот момент Воронцов вынул из кармана пачку сигарет, и она тотчас поспешила исправить: — В смысле, курит плохие сигареты. Вонючие.

— Тебе сколько лет, малыш? — спросил Воронцов, убирая челку с ее лба.

— Восемнадцать, — заверила Даша, хотя ей было почти двадцать. Относительно своей внешности обмануть мужчин ей было нелегко, чего нельзя было сказать о возрасте.

— Такая молодая? — удивился он.

— Ну-у, вообще-то, мне уже давно исполнилось восемнадцать.

— В прошлом году?

— Где-то так, — кивнула Даша.

— Скажи-ка мне, где ты подседа в эту машину?

— Сразу за Мстиславлем. Дождь страшный был, я вся промокла...

— Зачем вы заехали на этот луг?

— Как зачем? — пожалала она плечами. Про то, что здесь живет бывшая пассия Валеры, ей говорить не хотелось — как-никак чужая тайна. — Чтобы отдохнуть. Искупаться. Водитель же не робот, ему тоже отдых нужен.

— Значит, ты не слышала, как машина остановилась, как водитель вышел...

— Не-а, не слышала. Я спала как суслик. Вообще-то, обычно я сплю очень чутко, а в этот раз на меня какая-то спячка напала. Валерка меня вчера пивом угостил, «Хлебное» называется. Может быть, это оно — бамц! — и дало мне по мозгам?

— Чтоб бутылка пива дала по мозгам? — скептически заметил участковый, а Воронцов взял Дашу под руку, подвел ее к торцу фургона, прикрытого брезентовым пологом, и спросил:

— Ты знаешь, что в этом кузове?

— Откуда мне знать? Валерку дождитесь и спрашивайте. Мне до его груза никакого дела нет, — ответила Даша и мечтательно добавила: — Мне бы на юг быстрее, в море искупаться!

— Неужели он тебе не говорил, что везет?

Даша уловила в голосе следователя недоверие, но никак не могла понять, чего он от нее добивается. Ей не хотелось думать о том, почему машина вызвала такой интерес у участкового и его «помощника». Мало ли какое нарушение подметит опытный глаз милиционера! Может, при въезде на луг «кирпич» висел, может, здесь запрещена стоянка дальнобойщиков. Так пусть они с Валеркой по этому поводу и разбираются, она-то здесь при чем?

— Да вроде... Дайте вспомнить... Кажись, он говорил про телевизоры и компьютеры...

Воронцов кинул вопросительный взгляд на участкового и сказал ему:

— Лезь в кабину и выгребай всю документацию, путевые листы, накладные, сертификаты — все, что будет.

— Щас сделаем, — пробурчал тот с мрачным выражением лица и, сдвинув фуражку на затылок, пошел к кабине.

А Воронцов взялся за край брезентового полога и приподнял его. Кузов был пуст. Он отпустил его и повернулся к Даше:

— Что ты еще расскажешь про сегодняшнее утро? Кстати, а в босоножках удобно ходить по траве?

— Не очень, — призналась Даша. — Каблук землю дырявит.

— Дырявит. Что ж ты не снимешь?

— Сниму.

— Так снимай!

— Что, прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Даша быстро наклонилась, расстегнула ремешки и скинула босоножки. Теперь Воронцов не сводил глаз с ее ног. Это превратилось для нее в настоящую пытку. К счастью, эту пытку невольно оборвал участковый. Он подошел к Воронцову с кипой желтых бумажек и молча протянул их следователю. По тому, как он тяжело дышал, и как дрожали его мясистые губы, можно было сказать, что случилось нечто из ряда вон выходящее.

— Ну? — спросил Воронцов, принимая бумажки.

— Вот накладная, — негромко и торопливо заговорил участковый, тыча толстым пальцем в лист с текстом. — Получатель Бондаренко Валерий Александрович, представитель торговой фирмы «Высокие технологии». Четвертый склад таможенного терминала города Бреста. Телевизоры «Тошиба» — восемьдесят штук, телевизоры «Сони» — сто двадцать...

— Вижу, — оборвал его Воронцов, бегло просматривая накладную, и суровым тоном потребовал: — Надо немедленно перекрыть все дороги. Чтобы мышь полевая из деревни не выбежала, чтобы даже клоп вонючий не выполз. Усек?

— Да какие у нас дороги, Юрий Васильевич! — махнув рукой, виноватым тоном ответил участковый. — Вы разве не видели, когда сюда ехали? Один большак, что с городом связывает. Но вы своим джипом его уже так размесили, что теперь трактор вряд ли пройдет.

— А по лугу никак нельзя проехать?

— Никак. Мосты все давно развалились. Если попытаться вдоль реки на Глазово, то увязнешь в болоте — там вся деревня торф рыла, одни канавы с водой остались. А если в другую сторону, то упруешься в реку.

— Значит, большак перекрой.

— Да он уже, считай, перекрыт. Распутица! Никто из Упрягина не выедет, голову на отсечение даю. Сидим, как в танке.

— Как же наш «УАЗ» выберется?

— А никак! — после недолгой паузы ответил Шурик. — Перед мостом на Заречье увязнет гарантированно. Разве что догадаются трактор у Хамарина взять — у одного нашего хлопца трактор на ходу... Не знаю, не знаю...

— Ну, смотри! — предупредил Воронцов.

Даша стояла на подмытом обрывистом берегу и смотрела на мутную после дождя воду. Потом кинула босоножки на траву и, подойдя к реке, присела, окуная в веселый поток руки. Вода была прохладная, но это ее вовсе не беспокоило. Больше всего на свете ей сейчас хотелось разбегаться по полоске мокрого песка и нырнуть с головой в эту свежую, разбавленную дождем воду. Она посмотрела по сторонам и решительно направилась к густому кустарнику, растущему неподалеку у самой воды.

— Ты далеко, малыш? — крикнул ей вдогонку Воронцов.

Даша остановилась, повернулась. Ее пальцы безостановочно теребили тонкие бретельки сарафана.

— Я? — зачем-то переспросила она, словно рядом мог находиться еще какой-нибудь «малыш», и бодрым голосом добавила: — А я решила искупаться! Вода — просто парное молоко! Я уже давно хотела искупаться, да вот только... Вы не могли бы отвернуться на несколько минут? Если, конечно, вас это не сильно затруднит?

— Было бы на что глядеть, — проворчал Шурик, но все-таки отвернулся и оперся о борт фургона. Воронцов тоже отвернулся. Некоторое время они молча смотрели на скрытую за волнами садов деревню.

— Девчонка что-то недоговаривает, Юрий Васильевич. Надо ее допросить как следует.

— Допросить я ее всегда успею, — ответил Воронцов. — Никуда она не денется. Нам телевизоры искать надо.

— А где их искать?

— В погребках и в курятниках, дорогой мой, в сараях и на чердаках. Да, знаю, что не хочется. И мне не хочется. Но есть такое слово «надо». — Воронцов вдруг хлопнул себя по лбу и круто повернулся: — Что же она делает!

Под недоуменным взглядом участкового он кинулся к девушке, которая медленно заходила в воду, и крепко схватил ее за плечи. Она, успев зайти в реку лишь по щиколотку, взвизгнула, повернула голову и испуганно заговорила:

— Что ж это вы, Юра, делаете?.. Пожалуйста, уйдите...

— Руки покажи! — спокойно сказал Воронцов, силой заставляя ее развернуть ладони. — Да перестань же ты дергаться, — добавил он без тени раздражения и приблизил ладони девушки к своему лицу. — Теперь ногти! Да покажи мне ногти!

Ее силы иссякли, она не могла больше сопротивляться ему и расслабила руки — пусть быстрее смотрит и оставляет ее в покое. Воронцов крутил ее безвольную кисть перед своими глазами и, наконец, отпустил. Ей показалось, что он даже легко оттолкнул ее от себя, как нечто пустое и бесполезное. Почувствовав желанную свободу, Даша немедленно плюхнулась в воду и быстро отплыла на глубину. На середине реки она повернулась, чтобы посмотреть, далеко ли отошел Воронцов, но оказалось, что он сидит на песке и стаскивает мокрые туфли.

— Вы меня напугали! — крикнула Даша и окунулась с головой.

— Если ты и впредь будешь такой пугливой, — ответил Воронцов, поднимаясь с песка и отряхиваясь, — то умрешь старой девой.

Он вернулся к машине. У участкового было достаточно времени, чтобы догадаться о смысле его поступка, и он не преминул продемонстрировать это:

— Напрасно торопились, Юрий Васильевич. Вон там, где явор торчит, она уже успела ополоснуть руки.

— Галстук надень, — ответил Воронцов, казалось бы, не обратив внимания на реплику участкового. — Сотрудник органов правопорядка должен быть всегда одет аккуратно и по форме.

— Виноват. — Засопев, Шурик выудил из кармана помятый галстук. Он не понял, что за муха вдруг укусила следователя, и почему он стал разговаривать с ним таким официальным тоном.

— Во-первых, где сейчас пастух?

— Евсей? Я ему сказал, чтоб нашел себе замену и сидел дома.

— Начнем с него.

— Он вряд ли что нового скажет, — решил участковый, застегивая на шее тугие резинки галстука.

— Ты побеспокойся, пожалуйста, о том, чтобы после обеда была баня. И подыщи мне резиновые сапоги, — усмехнулся Воронцов, похлопывая его по плечу.

— Добро, Юрий Васильевич! — кивнул участковый.

— И, во-вторых: отправь запрос в фирму «Высокие технологии». Пусть приезжает представитель и подсчитывает убытки. А машину опечатать и организовать круглосуточную охрану из числа надежных людей.

— Ясно, — закивал участковый. — Будет сделано.

Даша тем временем вышла из воды и быстро натянула на мокрое тело одежду. Ее колотил озноб, но этот дискомфорт был мелочью в сравнении с удивительным ощущением чистоты и свежести. Расческу она оставила в рюкзаке, а подходить к Воронцову лохматой ей не хотелось. Пришлось низко опустить голову и пройтись ладонью по спутавшимся мокрым волосам. Ну вот, теперь порядок. Теперь она чувствует себя уверенной и спокойной, можно подойти к следователю.

— У тебя с собой есть какие-нибудь вещи, документы? — спросил Воронцов, снимая с ее шеи налипший розовый цветочный лепесток.

— Конечно, паспорт есть. Принести?

Даша подбежала к кабине, ловко запрыгнула внутрь, разулась и встала ногами на сиденье. Полка со смятой постелью напомнила ей вчерашний дождь, мокрый асфальт с пузырящимися лужами, раскисшую обочину, и ей стало немного грустно. Она даже на мгновение закрыла глаза, рисуя в воображении теплый салон, уютную постель, бутылку пива «Хлебное»... Вот и эта страничка жизни закончилась. Жаль только, что фургон разграбили. Непонятно только, кто и когда успел это сделать? Даша достала из-под подушки рюкзачок, расшнуровала горловину и вытащила маленькую тряпичную сумочку с документами, косметикой и деньгами. Рюкзачок затолкала

под матрац, наскоро разровняла одеяло, взбила подушку и, перед тем как спрыгнуть на землю, посмотрелась в зеркальце над ветровым стеклом.

— Вот, — сказала она Воронцову, протягивая паспорт. — Только я тут сама на себя не похожа. Фотографировалась в Мстиславле, и как раз в тот день ветер был страшный, можете представить, что у меня потом на голове было, да и фотограф, по-моему, после какого-то большого праздника...

Воронцов закрыл паспорт и сунул его себе в карман.

— А больше ничего ты мне не хочешь сказать, Верстакова Дарья Михайловна?

— А что я должна сказать? — захлопала она глазами.

— Ну, раз нечего сказать, тогда пошли, а то, кажется, снова дождь собирается!

— Куда пошли?

— Да вот товарищ старший лейтенант обещает нас салом накормить. Да, Шурик? Заодно поищем хозяина «КамАЗа».

Глава 4

Кверху колесами

По улочке, ведущей по покатоному склону, «УАЗ» взобрался без особых проблем, так как мелкая трава крепко держала грунт и не давала ему расползаться под колесами. Центральная деревенская улица пострадала от дождя намного сильнее, но водитель вовремя съехал с дороги на обочину, ближе к палисадникам, где тоже росла трава. Проблемы начались тогда, когда машина выехала на большак, связывающий Упрягино с районным центром.

— Да что ты все время виляешь, как уж на сковородке? — крикнул Довбня водителю. — Покойник, между прочим, не может держаться руками за борта!

Грунтовая дорога больше напоминала грязевой поток, чем коммуникацию. Надрывно воя мотором, «УАЗ» месил колесами жидкую глину, брызгался тяжелыми коричневыми каплями, подпрыгивал, плюхался в жижу брюхом, и его заносило то к одной обочине, то к другой. Пытаясь придать машине ровное поступательное движение, водитель энергично вращал руль из стороны в сторону, но тем самым делал еще хуже, по мере того, как ее заносило все сильнее, скорость падала.

— А что я могу поделать? — оправдывался он, дурными глазами глядя на дорогу. — На тракторе надо было ехать! У меня же не джип! У меня ласточка!

Тем временем «ласточка» зарылась в жижу по самый кузов и остановилась посреди пустынной дороги. Как назло, начал накрапывать дождь.

— Все, приехали! — злобно процедил водитель, продолжая давить на педаль газа. Слабо покачиваясь, машина визжала, булькала, салютовала грязевыми брызгами, и ее, словно подбитый танк, окутывал сизый дым.

— А ты враскачку, враскачку! — давал дурацкие советы медик, оттягивая тот момент, когда ему придется выталкивать «УАЗ» из грязи.

— Враскарячку! — проклиная судьбу, огрызнулся водитель. — Выталкивать надо!

Довбня сделал вид, что не расслышал последних слов водителя. Он лихорадочно думал, что бы еще предпринять, и с надеждой вглядывался вдаль. Но дорога была пустынной, дураков не было ездить по этой «дороге жизни» в дождь. Когда надежда угасла, а времени ушло уйма, он все-таки решился снять обувь, подкатать брюки и спрыгнуть на землю.

— Враскачку! — кричал он, упираясь плечом в борт машины. — И раз! И два!

Машина раскачивалась, словно язык колокола, внутри фургона что-то перекатывалось, но медик лишь морщился и вполголоса матерился.

— И раз! И два!.. Давай! Давай!

Стиснув зубы, Довбня мобилизовал волю и приложился к борту с такой силой, что у него потемнело в глазах. «УАЗ», издавая стоны предсмертной агонии и отравляя чистый луговой воздух едким дымом, сдвинулся с места и медленно поплыл по грязи. Бешено вращающиеся колеса пустили в лицо медику струю жидкой глины. Он с опозданием прикрыл глаза, отвернулся и заорал от боли и злости:

— Чтоб ты провалился! В последний раз... Чтоб я когда-нибудь... Ни за какие деньги...

И вдруг вой мотора неожиданно оборвался. С недобрим предчувствием Довбня открыл глаза, еще полные песка, и повернул голову. То, что он увидел, вынудило его издать страшные ругательства. «УАЗ» лежал в кювете кверху колесами. Медик молниеносно ринулся к машине.

— Ну что за день сегодня!! — орал он, чуть не плача. — Что за день!!

Добравшись до «УАЗа», Довбня рухнул перед дверью на колени и, низко пригнув голову к земле, посмотрел в заляпанное окошко. Водитель продолжал сидеть за рулем вниз головой, упираясь темечком в гнутый потолок кабины. Лоб его был весь в крови.

— Я же говорил, — со стоном произнес он, морщась так, что его лицо стало неузнаваемым, — что это «ласточка», а не джип. Загубил машину из-за вашего «жмурика»!

Довбня схватился за ручку и рванул дверь на себя. Водитель стал ползать, упираясь руками о землю. Его голова и плечи уже были снаружи, когда с грохотом на руль упали ноги. Наверное, он попал коленом по кнопке сигнала, и машина взвыла сиреной. Медик не сразу понял, что этот невыносимый вой означает. Страх прибавил ему сил, и он одним рывком выдернул водителя из кабины. Тот сразу лег на траву, поджал к животу ноги и прикрыл глаза, словно приготовился умереть.

— Кажется, ты башку разбил, — дрожащим голосом произнес Довбня, убирая с окровавленного лба водителя прядь волос. — У тебя аптечка есть?

— Какая, на хрен, аптечка! — простонал тот. — Я же не раненых вожу, а покойников!

Довбня снова схватил его за плечи и усадил, прислонив к перевернутой машине.

— Как же тебя так угораздило? — бормотал он, с отчаянием глядя по сторонам. Глазу не за что было уцепиться. Вокруг простирались поля, над которыми плыли клочья тумана.

— Ой, череп раскалывается, — причитал водитель, закатывая глаза. — Помираю...

— Тихо, тихо, — не на шутку испугался Довбня и, опустившись на корточки, стал ползать вокруг машины, заглядывая в окна кабины. Он искал какую-нибудь тряпку, чтобы перевязать водителю голову, но ничего, кроме старой футболки, выпачканной в смазке, не нашел. Отбросив бесполезную тряпку в сторону, стащил с себя рубашку, оторвал от нее рукав и соорудил на голове водителя повязку.

— Идти можешь? — ласковым голосом спросил он и заискивающе посмотрел ему в глаза. — Ноги хоть целы?

Водитель слабо кивнул и поднялся. Довбня закинул его руку себе на плечо и пробормотал:

— Ничего, братан, ничего. Надо выбираться из этого проклятого места. Может, встретим машину или найдем какую-нибудь деревню. Хотя бы бинт, перекинь и промедол, и все будет хорошо...

Они поковыляли туда, где за темной рощей проглядывали крыши домов.

Глава 5

Тоска заедает

Воронцов присел на край сруба и посмотрел в дупло колодца. Темная торфяная вода была рядом, и он увидел свое отражение, похожее на портрет в черной рамке.

— Эту воду пить нельзя, — сказал участковый. — Зацвела. Только на полив годится. Чистить надо, а некому.

— А я умираю, пить хочу. — Даша тоже заглянула в колодец и обратила внимание, что отражение напоминает портрет в черной рамке. «А мы неплохо посмотримся вместе!»

— Много людей в деревне живет? — спросил Воронцов.

— Да где там много! Три калеки! — ответил участковый.

— Хороши калеки! — со смыслом взглянул на него Воронцов. — Двести телевизоров растащили.

— Я сам не знаю, как такое могло случиться, — произнес Шурик. — Люди тут, считай, безобидные. Ну, бывает, напьются, подерутся. Но чтоб такое... Самый серьезный случай у нас произошел два года назад. Был у нас тут один механизатор, Воробьев его фамилия. Вот он как-то купил в городе новые брюки и стал с друзьями их обмывать. Водки, естественно, не хватило. Тогда Воробьев сел на гусеничный трактор и погнал на нем в соседнюю деревню. А посреди дороги, на его беду, спал еще какой-то пьянчуга, не наш, чужой. И, значит, трактор раздавил тому голову в лепешку...

Они поднимались вдоль картофельных участков, огороженных кривыми, почерневшими от времени жердями. Участковому подъем давался с трудом, и он, остановившись, чтобы перевести дух, кивнул на древнюю, полуразвалившуюся хату, едва ли не по крышу ушедшую в землю. В оконных проемах зияла жуткая чернота. Из крыши торчала сгнившая до трухи солома.

— Это тропинка Глуховкой называется. Здесь когда-то ведьма жила. Я ее плохо помню, молодой был. Люди старуху стороной обходили. Маленькая, грязненькая, страшненькая... Вечно что-то бормотала под нос. Никто не знает, когда она отправилась на тот свет, и трупа ее никто не видел.

— Ладно, Шурик, кончай страшилки рассказывать, — усмехнулся Воронцов и посмотрел на Дашу. — Девчонку совсем напугал своими рассказами. Да, малыш?

— А вон уже и хата Евсея, — Шурик махнул в ту сторону, где за корявыми, серыми от лишайников ветвями старых яблонь виднелся покосившийся дом.

— Его жена дома? Дети есть?

— Жонка его померла. Еще три года назад. Остался Евсей вдовцом. А дети... У него три девки, да все, кроме младшей, разъехались.

Ни забора, ни плетня. К терраске, окна которой вместо занавесок были закрыты пожелтевшими газетами, вела утоптанная тропинка, щедро усеянная куриным пометом. В сарае истошно визжал голодный поросенок. На крыльце сидел черный худой кот и вылизывал у себя под хвостом. Пе-

тух, балансируя на покосившейся лавочке, захлопал крыльями, вскинул голову, но, увидев незнакомых людей, горланить передумал.

Шурик первым поднялся по ступеням крыльца, по-хозяйски широко распахнул дверь и, зайдя в сени, громко позвал:

— Хозяин! Евсей, ты дома?

Воронцов зашел следом за ним. После яркого дневного света сени, казалось, наполнены непроглядным мраком. Пахло старой рухлядью и керосином. Шурик прошел вперед по скрипучим, прогибающимся доскам и открыл еще одну дверь — тяжелую, пухлую, обшитую разноцветными тряпками. Пригнувшись, чтобы не удариться лбом о низкий косяк, заглянул в комнату:

— Ты живой или нет?

— Тут я, тут я, — раздался в ответ сиплый голос.

Шурик переступил порог, встал у печи, пропуская вперед Воронцова.

— Вот, Евсей, принимай гостя! Следователь из областной прокуратуры к тебе пожаловал...

— Погуляй-ка во дворе, — обернулся к Даше Воронцов и закрыл за собой дверь.

Четверть комнаты занимала огромная белая печь. У маленького окошка с мутными, никогда не мытыми стеклами стоял стол, покрытый изрезанной клеенкой. На провисшей веревке висела несвежая шторка, прикрывающая кровать с горой разнокалиберных подушек. Двухстворчатый шкаф с большим, на всю дверь, облупленным зеркалом отгораживал уголок. Должно быть, в далекие времена, когда еще была жива Галюша, когда дочери еще только мечтали о замужестве, и комната была наполнена топотом многочисленным ног, этот шкаф выполнял роль ширмы.

Опираясь одной рукой о стол, посреди комнаты стоял хозяин — сгорбленный, лысый старик с подслеповатыми и хитрыми маленькими глазками, одетый в засаленный пиджак поверх клетчатой рубашки.

Потолок был настолько низкий, что Воронцов со своим ростом рисковал удариться головой о поперечную балку либо задеть лампочку, висящую в патроне на голом шнуре, поэтому, не дожидаясь приглашения, он сел на шаткий табурет, а участковый, ростом пониже, мог без всякого риска прохаживаться по комнате.

Евсей был напуган, но старался виду не подавать, хотя чувствовал себя все более неуютно. Понимая, что на правах хозяина надо что-нибудь предложить гостям, он кинул взгляд на холодную печь, забитую пустыми липкими чугунками, потом на подоконник, где стояла трехлитровая банка с остатками мутной самогонки, и уже раскрыл рот, но, вовремя спохватившись, стал молча смахивать со стола крошки. Движения его были разма-

шистые, а лицо сосредоточенное, наполненное только ему известным смыслом.

Не выдержав затянувшегося молчания, участковый первым нарушил тишину:

— Сам-то как живешь, Евсей?

Тот с облегчением прекратил смахивать крошки со стола, вытер ладони о пиджак и, скривив губы, неопределенно покачал головой:

— Да так и живу помаленьку... Одному, правда, плохо, тоска заедает. Одни стены — можно голову испортить от раздумий.

— Младшая твоя, Надя, замуж вышла или по-прежнему одна?

— Как-то в жизни ей не особо повезло, — с досадой крякнул Евсей. — Мне сдается, вряд ли она второй раз замуж пойдет. Кому нужна женщина с таким большим хлопцем? Может, найдется какой-либо подхлебник или пьяница...

— Торф уже накопал?

— Да что я там накопал... Не торох, а так, что зря! Надо дрова покупать... Без конца работа. Нет ни выходного, ни якого, работаю день и ночь у запарнику этом. — Разговор становился все более непринужденным, и Евсей осмелел, посмотрел на следователя а потом перевел взгляд на Шурика: — А может, вам... того... самогоночки?

— Мы на работе, — торопливо объяснил участковый, сильно удивив своим ответом Евсея.

— Ну, дело ваше. Нельзя — значит, нельзя.

— Сядьте, — кивнул Воронцов на табурет, стоящий напротив, и спросил: — Когда вы нашли труп?

Евсей начал волноваться, мять руки. Не будучи уверенным, правильно ли он понял вопрос следователя, глянул на участкового. Шурик попытался его приободрить:

— Что мне говорил, то и сейчас расскажи. Что ты как в рот воды набрал?

— Ну-у, — нерешительно протянул Евсей, на всякий случай поглядывая на участкового, — седни наступила моя очередь коров пастивить...

— Что делать? — не поняв, переспросил Воронцов.

— Коров пасти, — перевел Шурик и развел руками: — Тут, Юрий Васильевич, люди малограмотные, темные...

— Уже было не утро, — продолжал Евсей, — а сказать вам так, часов шесть уже утра было, еще рано виднеется. Гоню я коров через реку...

— Где вы его нашли? — вяло перебил его Воронцов.

— Дак я ж говорю, у реке...

— Как он лежал?

— А вот так, — торопясь, стал объяснять Евсей и, наглядно демонстрируя, стукнулся лбом о стол, — лицом вниз...

— Вы его трогали?

— Боже упаси! — перекрестился Евсей. — Чтобы покойника... Я человек религиозный. Знаете, даже в грозу всю ночь не сплю. Надевшись, сижу как положено. Ведь может и потолок обломиться...

Воронцов неожиданно поднялся и подошел к Евсею:

— Ну-ка, дед, признавайся, что ты там еще видел кроме трупа?

Евсей поднял голову, испуганно глядя на следователя, и судорожно сглотнул.

— А ничего я не бачил, — как можно убедительнее произнес он.

— Ой, лукавишь! — покачал головой Воронцов. — Машину никак нельзя было не увидеть!

— Машину? Не бачил я никакой машины! Богом клянусь...

— «КамАЗ» с фургоном, — уточнил участковый. — В кустах стоит.

— Не, не бачил. Я как-то не интересовался, что там в кустах.

Воронцов отошел от него, отдернул шторку, посмотрел на кровать, заглянул под нее. Евсей, приоткрыв рот, напряженно наблюдал за ним.

— А когда на луг шел, кого-нибудь видел? — спросил следователь, выпрямившись и оглядывая комнату. Его внимание привлекла печь.

— Бачил, як же! У конторы бачил Владимира Ивановича...

— Это наш директор... то есть, глава администрации, — пояснил участковый и махнул рукой, мол, на этой фигуре нечего останавливаться.

— Раньше, бывало, Владимир Иванович часто ко мне заходил, а теперь перестал. Дружба разошлась. И, знаете, живу один, никто не ходит. Только всего, что в окно посмотришь, кто к колонке идет попить воды... Лешка только иной раз заскочит дрова поколоть или что подремонтировать.

— Какой Лешка?

— Да Надькин сын. Он у городе в училище учится. Сюда на выходные приезжает.

— Ну, да, — вспомнил Шурик и многозначительно закивал. — Встречались мы с ним как-то, встречались...

— Парень — гвоздь! — продолжал расхваливать внука Евсей. — Горилку не пьет, не курит, сам под потолок ростом. Правда, говорить богато не любит. Спрашиваю: «Лешка, куды сейчас пойдешь?» А он молчить. Ленился говорить.

Воронцов встал на маленький сундучок и, взбираясь на печь, спросил:

— А кого еще видел?

— Вы уж осторожнее! — заботливо предупредил Евсей. — Я зимою так ковзнулся, что левым виском у край кровати. Потом ухо долго болело.

Воронцов соскочил с печи, отряхнул от пыли ладони и напомнил о своем вопросе:

— Ну? Кого еще?

— Ваську Гуря. Он шел торох в бурты укладывать.

Участковый прищурил один глаз и снова махнул рукой, правда, уже не столь выразительно.

— Есть у нас тут один... Больной. Живет с сестрой юродивой.

— Еще кого видел, дедуля? Вспомни!

Евсей морщил лоб и заламывал пальцы, вспоминая:

— Як на Заречье спустился, Санька бачил. Он безрукий. Под Рождество напився и пьяный в морозе гулял. Отморозил себе обе кисти. У больницы операцию сделали и отрезали. Вот и сейчас миску обрубками хапае.

— А что он так рано на Заречье делал? — поинтересовался Воронцов.

— А собаки яго знают! Может, учора в праздник какой ходил... А больше никого не бачил...

— Ты хорошо подумал? Ведь это убийство, батя. Дело серьезное.

— Не, больше никого... — уверенно повторил Евсей, покачал головой и добавил: — Трафированные люди, что ты хочешь. Не может же быть такого положения, не один он був!

— Ты про кого, Евсей? — спросил участковый.

— Да про убийцу, про кого ж! От тюрьмы не сховаешься все равно. Самое основное — надо голову иметь. Чтобы не попасть впросак. Как Колькин сын в армию пошел, я ему сказал: ладно с друзьями не вяжися и не подавай им пальцев в рот. Береги свой ум и осторожно обращайся в жизни, чтобы власть тебя не осудила...

— Что там? — не слушая Евсея, спросил Воронцов у участкового и показал пальцем на потолок.

— Чердак.

— Проверь. А я пойду во двор, мне уже дышать нечем.

— Эх, тоска! — бормотал Евсей. — Ще коли письмо кинут, дак весялей. Дочки мои теперь совсем не пишут. И старшая Нинка не пишет. Во застенчивая девушка! Ая-я-яй! Ну, я вже не волнуясь, думаю, не пишет — не надо... Ну, хочь литру самогонки принесть? — снова проявил он гостеприимство, вскакивая с табуретки, но Воронцов уже вышел в сени.

Глава 6

Первый урок

Даша изменила бы себе, если бы не подслушала разговор, который вели мужчины. Когда ей стало ясно, что водитель «КамАЗа» никуда не пропал,

а его убили сегодня утром, и его труп нашли в реке, она отпрянула от двери, прижала ладонь ко рту и села на край дощатой перегородки в углу сеней.

«Валерку убили! — с ужасом подумала она. — Так вот зачем тут участковый и следователь...»

Она сразу вспомнила, как водитель рассказывал ей про женщину, у которой много раз останавливался на ночь: «Она баба шумная и напористая, может даже за топор схватиться». Вывод, к которому Даша тотчас пришла, был настолько очевиден и прост, что девушку охватило волнение, и в первое мгновение ей захотелось немедленно запереть наружную дверь на тяжелый чугунный крюк. «Я одна знаю, кто его убил. А Юра думает, что его убили ради телевизоров... Надо что-то делать...»

Она вышла во двор, прошла вдоль окон дома, надеясь что-нибудь в них высмотреть, но они были крохотные, черные и напоминали заполненные черной водой квадратные ямки в торфянике. Чтобы пройти в сад, ей пришлось перенести в сторону перекошенную калитку, которая держалась не на петлях, а на проволоке. Яблоки были еще зеленые и кислые, но Даша, морщась, все же съела одно и кинула огрызок курам.

Только она собралась заглянуть в сарай, чтобы выяснить, почему так истошно визжит свинка, как во двор въехал парень на велосипеде. Спрыгнув с седла, он прислонил велосипед к стене сарая и только тогда увидел Дашу.

— Здравствуй, — сказал он таким тоном, словно они уже давно знакомы.

— Здравсьте, — тоже поздоровалась Даша.

Не обращая на нее никакого внимания, парень пересек двор, поднялся по ступенькам на крыльцо и тут вдруг резко остановился, словно врезался в запертую дверь. Повернувшись, вскинул почти незаметные брови и спросил:

— А ты кого ждешь?

— Участкового, — ответила Даша.

— Участкового? Он что там, с дедом?

Даша не сразу сообразила, что хозяин дома — дед этого парня, но на всякий случай кивнула.

— А почему старик дома? — Размышляя вслух, парень спустился с крыльца и сел на лавочку. — Он же должен скот пасти... А ты, вообще, откуда? — с любопытством покосился он на Дашу.

— Да я не здешняя, — ответила она, махнув рукой, и улыбнулась.

— Ну, это я сразу понял... А я с Шуриком не слишком дружу, потому и заходить не хочу.

— Наверное, потому, что ты не слишком законопослушный?

— Может быть... Слив хочешь?

— А я уже без спроса яблоко съела.

— Яблоки в этом году плохие. Выбрось! Как зовут?

— Даша.

— А меня Лешка. — Он встал со скамейки, вынул из кармана горсть семечек и протянул Даше. — Долго они уже треплются?

— А участковый там не один.

— А еще кто? — с некоторым недовольством спросил Лешка.

— Следователь из областной прокуратуры.

— Да ладно брехать! — насторожился Лешка.

— Честное слово! — ответила Даша и, не моргнув глазом, добавила: — А я его помощница.

Лешка даже на шаг отступил. В его взгляде сверкнули ледяные иголки.

— Черт возьми, — сквозь зубы процедил он. — Я же предупреждал деда... Я же говорил ему, что он доиграется...

Даша от удивления рот раскрыла. Гнев Лешки был настолько выразительным и конкретным, что не оставлял никаких шансов для сомнений. Что ж получается? Лешкин дедушка убил водителя, и Лешка прекрасно об этом знает?

Несколько сбитая с толку, она хлопала глазами и с состраданием смотрела на парня. Вдруг дверь терраски со скрипом отворилась, и во двор спустился Воронцов. Следом за ним, безостановочно предлагая соленые огурчики с маринованными маслятами, шел Евсей.

«Если бы деда арестовали, он вел бы себя иначе, — подумала Даша. — Значит, Валерку все-таки убила его пассия».

— Внучок! Лешка! У лоб тебе ложкой! Иди ж я тебя обниму! — увидев внука, широко развел руки Евсей.

— Отстань! — крикнул Лешка и, оттолкнув руку деда, словно колючую ветку, вскочил на ступеньки, но в дверях нос к носу столкнулся с участковым.

— А-а, молодое поколение прибыло, — сдержанно произнес Шурик. — А почему не здороваешься?

Лешка ничего не ответил и проскочил в сени.

— А, годи тоби, Шурик! — махнул на милиционера Евсей. — Хороший он хлопец, чего ты яго чапаешь?

— О твоём хорошем хлопце мы как-нибудь в другой раз поговорим, — пообещал тот. — Открывай сарай!

Воронцов прошел через двор и, взяв Дашу под руку, вывел ее на улицу.

— Как живут, как живут! — негромко, но с возмущением сказал он. — Грязь, нищета. Каменный век!

— А я... я... — произнесла она, глядя на Воронцова с благоговением, — я даже не догадывалась, что вы следователь. И что...

— Что водитель «КамАЗа» убит?

Даша кивнула.

— Нехорошо подслушивать, — покачал он головой и, улыбаясь, легонько сжал мочку ее уха.

— Я случайно...

— Ты всегда такая врушка?

— Если бы я не подслушала, то все равно бы догадалась, — обиженно ответила Даша и нахмурилась.

— А вот морщинки на лбу тебе совсем ни к чему...

Даша не выдержала и улыбнулась.

— А я не умею долго сердиться, — призналась она. — Как-то легко с меня обиды соскальзывают. Мамаля как иногда что-нибудь скажет, а я как хлопну дверью! А через минуту уже и не помню, зачем хлопала.

— Это плохо, — качнул головой Воронцов.

— Почему?

— Если у тебя была бы память получше, ты бы тогда мне здорово помогла.

— А вы спрашивайте! — оживилась Даша. — Может, и вспомню чего.

— Что ж... Сквозь сон ты ничего не слышала? Разговоров? Или может крик?

— Не-а, — уверенно ответила она, даже не задумываясь. — Я спала как убитая. Мне даже сны не снились. Проснулась — машина стоит у реки, водителя нет, дверь открыта. Я еще немного повалялась, а потом решила его паспорт посмотреть — сколько у него жен и детей было. Тут и вы подошли. Вот и все. Вы мне верите? — спросила она, потому что Воронцов продолжал молчать, словно ждал, что Даша еще скажет.

И тут произошло то, к чему она совершенно не была готова. Воронцов склонился над ее лицом и поцеловал ее в губы. Даше показалось, что она сейчас рухнет замертво. Сердце заколотилось в ее груди со страшной силой, и ей стало не хватать воздуха.

— Вы... — пробормотала она, глядя на губы Воронцова, изогнутые в легкой усмешке.. — Вы...

Она не успела договорить, так как к ним торопливым шагом спешил участковый.

— Юрий Васильевич! — на ходу заговорил он. — А я вас в саду обыскался... Посмотрел я чердак. Нет там ничего. Один хлам. А в сарае лишь корова телиться думает...

— Чего и следовало ожидать, — грустным голосом произнес Воронцов и подмигнул Даше.

Ликвидация главной улики

Тем временем по большаку, где-то между Упрягиным и райцентром, в сторону опрокинутого «УАЗа» шлепали по грязи медик и водитель. Водителю уже оказали первую медицинскую помощь, его голова была замотана бинтом, и он шел без посторонней помощи. Время от времени они останавливались и во все глаза смотрели на дорогу, в надежде увидеть трактор или, на худший случай, грузовик, и на бескрайние плоские луга, посеребренные росой, но их взгляд натыкался лишь на овальные островки леса.

Наконец тишину нарушил рокот мотора. Навстречу прохожим, переваливаясь из стороны в сторону, проделывая в грязи глубокую колею, ехал колесный трактор с кузовом впереди кабины. Обрадовавшись такой удаче, Довбня замахал руками. Трактор, ловко справляясь с бездорожьем, приблизился к ним, но скорость не сбавил. Будучи уверенным, что водитель не посмеет отказать раненому, Довбня закричал, силясь одолеть голосом оглушительный треск мотора, и, обхватив перебинтованную голову своего невезучего товарища, стал трясти ею, как погремушкой.

Трактор, тем не менее, громыхая разболтанным кузовом и кидаясь комьями сырой глины, проехал мимо, оставив после себя запах тяжелой гари. Довбня погрозил ему кулаком, хотел кинуть вслед тяжелый комок, да пожалел свои чистые руки.

В удрученном настроении они пошли дальше и, увидев свою машину, по-прежнему лежащую рядом с дорогой кверху колесами, участили шаг.

— А почему фургон открыт? — вдруг в недоумении произнес Довбня и, не глядя под ноги, встал в глубокую лужу.

— Может, ты забыл закрыть?

— Да не открывал я его! — уверенно ответил Довбня, но тут же засомневался и, все больше волнуясь, побежал вперед.

Водитель за ним не последовал, и не потому, что у него болела голова. Он отвечал за машину, а не за сохранность покойника, и на распахнутые створки фургона ему было ровным счетом наплевать.

— Нету! Вот же зараза! Нету! — крикнул медик, сидя на корточках перед утробой фургона, и голос его был таким, будто он испытывал злорадство по этому поводу.

Водитель подковылял к нему, тоже заглянул в фургон и даже провел рукой по бугристой жести, будто покойник мог стать невидимым.

Они посмотрели друг на друга, желая убедиться, что оба воспринимают случившееся адекватно. Затем Довбня вскочил на ноги и дважды обошел машину, заглядывая, куда только можно.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил он.

Водитель пожал плечами и, не желая ранить профессиональные амбиции медика, осторожно спросил:

— А ты уверен... в смысле, ты не ошибся, когда... может, он всего лишь был без сознания?

— Что?! — вскричал Довбня и постучал себя кулаком по лбу. — Ты соображаешь, что говоришь? Он четыре часа пролежал в воде лицом вниз! Он уже окоченел, как коряга!

— Тебе виднее, — ушел от спора водитель. — Я только спросил.

Но медик уже сам засомневался. Он принялся гладить себя по коротко стриженной голове нервными движениями и, нахмутив брови, забормотал:

— Отсутствие реакции на атропин, трупные пятна, помутнение роговицы... Чертовщина какая-то! Я не мог ошибиться... — Вдруг он подскочил на месте, словно наступил босой ногой на колючку, затем повернулся, жадно вглядываясь в ту сторону, куда уехал трактор, и шепотом произнес: — Ой-ё-ёй! А вот это уже совсем хреново, совсем... Это уже криминал... Вот это я вляпался... Ты не запомнил, какой номер был у трактора?

— Да у него, по-моему, вообще не было номера... А чего ты испугался?

— Ты понял, на что он пошел? — забормотал Довбня, все еще пытаясь увидеть давно исчезнувший за горизонтом трактор. — Труп украл! Нет трупа — нет и преступления. Ликвидация самой главной улики. Вот это да! Вот это поворот!.. Он, вроде, был синий.

— Кто? Труп?

— Трактор!

— А мне показалось, что желтый, с коричневым кузовом.

— Эх, что ж мы сразу не догадались! Надо было ему хоть под колеса прыгнуть, но остановить! Где теперь его искать?

Довбня от отчаяния был готов кусать руки. Понимая, что за пропажу покойника с него снимут стружку, да еще какую, он с ненавистью посмотрел на перевернутую машину и кинул косою взгляд на водителя, который был косвенно виновен в случившемся.

— Вот что, ты давай сам разбирайся с машиной. Если вытащишь, езжай в город и ставь в гараж. А я побегу к «следаку». Надо срочно обо всем ему рассказать. По горячим следам он быстро найдет и трактор, и его владельца...

Он вышел на обочину дороги, пока не слишком разбитую колесами и дождем, и побежал, сильно размахивая руками и успокаивая себя: «Ничего, трактор — не иголка в стоге сена. Найдется...»

Ему казалось, что он прошел уже достаточно, и вот-вот за очередным холмом появятся зелень садов и крыши хаток, но ему открывалась все та же однообразная перспектива на поля и луга, и звенящую тишину наполняли лишь ветер да неугомонный жаворонок.

Безудержно рассыпая проклятия по абстрактному адресу, Довбня прошел еще не меньше километра и неожиданно встал, как вкопанный. Дорога раздвоилась, причем ее ветви разбежались в диаметрально противоположные стороны. Медик смотрел по сторонам, пытаясь вспомнить, с какой именно стороны они приехали. Был бы водитель рядом, он, разумеется, указал бы верный путь. Но до него было уже слишком далеко, и драгоценного времени ушло прилично. Едва не плача от досады, Довбня принялся рассматривать волнистый, млеющий в матовой дымке горизонт. Благодаря своему старанию и острому зрению, он насчитал, как минимум, пять деревень, каждая из которых имела все основания быть Упрягиным.

Довбня давно не попадал в столь глупое и безвыходное положение. Ему захотелось уже не просто плакать, а рыдать. Не сообразуясь абсолютно ни с какими доводами, он повернул направо и, с силой шлепая по лужам, упрямо пошел вперед.

К сожалению, Упрягино находилось в другой стороне.

Глава 8

Черная изба

— Василий, открывай, не дури! — грозно крикнул участковый и снова постучал ногой по двери.

Воронцов и Даша стояли поодаль, оглядывая черную, будто сложенную из головешек, избу, покрытую давно сгнившей соломой. Более бедного двора они еще не видели.

— Гомо сапиенс! — философски изрек Воронцов, не заботясь о том, поняла ли его Даша, и осторожно, чтобы не испачкать пиджак, заглянул в пристроенный к избе сарай. В его мрачной утробе не было ни запахов, ни света. Даже навозом не пахло. С трудом можно было разглядеть сизую, похожую на застывший табачный дым паутину, клочьями свисающую с покосившейся оградки, что разделяла пуньки, да шест, покрытый мелкими серыми пятнами помета, напоминающего о живших тут когда-то курах.

— Гуря! — продолжал колотить в дверь участковый. — Ты делаешь себе только хуже!

— Кошмар... Кошмар! — произнес Воронцов, выходя из сарая. — Что за люди? Кругом грязь, дерьмо, все разваливается...

— Ну, что с ним делать? — в сердцах произнес Шурик, потирая уши-бленный кулак.

— Использовать власть, которую тебе дало государство.

— Он же инвалид, Юрий Васильевич, — взмолился участковый. — Сахарный диабет. И сестра у него... (Шурик покрутил пальцем у виска). Живут вдвоем на пенсию. А что такое пенсия по инвалидности? Пшик! Раньше у нас аптека была, так Василий инсулин в ней получал. А теперь надо в райцентр ездить, да и там с лекарствами проблемы... Человек он хоть и странный, но безобидный. Может, мы сюда позже придем?

— Вот так, — мягко произнес Воронцов, двигаясь по двору и поглядывая на Дашу. — Вот так представитель власти расписывается в собственном бессилии.

— Мне что — дверь выбивать? — возмутился Шурик. — Если я ударю сильнее, крыша обвалится.

Оставив этот вопрос без ответа, Воронцов поднял с земли обломок кирпича и швырнул его в окно. Камень снес трухлявые деревянные рейки и разбил стекло вдребезги. Поднявшись по шатающимся ступенькам к двери, следователь приложился к ней плечом. Дверь легко сорвалась с петель и встала под углом, упершись в косяк.

— Вот так это делается, когда милиции не открывают дверь, — спокойно сказал Воронцов Шурику и, пригнув голову, зашел в избу.

Первая комната, если ее можно было так назвать, была очень похожа на сарай с земляным полом, только в ней не было пунек, как, собственно, и всего остального. Во вторую комнату вела дверь еще более маленькая, чем та, которую Воронцов только что снес. Открыв ее, следователь переступил порог и очутился в маленькой комнате с низким черным потолком и голыми бревенчатыми стенами. Не выпрямляясь, чтобы не удариться о потолок темечком, он огляделся. Через окошко, выбитое им, с трудом проникал дневной свет; скудные лучи падали на черную от копоти и древности икону, на которой лишь при наличии богатого воображения можно было разглядеть святой лик. У противоположных стен стояли две панцирные койки, заваленные разноцветным, дурно пахнущим тряпьем. Под окном, словно подпирая его, торчал хлипкий столик, вместо клеенки застеленный пожелтевшими газетами, а на нем стоял внушительных размеров старый приемник. В углу комнаты, опустившись на корточки, сидел рослый детина, исподлобья глядя на Воронцова красными, неправдопо-

добно выпуклыми глазами. Его редкие волосы были взлохмачены, покрытая рыжей щетиной тяжелая челюсть опускалась на грудь. Разомкнутые мясистые губы слегка дрожали. Дитина тяжело дышал, словно был готов прыгнуть на Воронцова и раздавить его силой своего гнева.

Воронцов почувствовал, как ему в спину дышит участковый. Шурик не стал входить в комнату, потому как для него в ней уже не было места.

— Василь! В чем дело? Ты почему не открывал? — спросил он.

Гуря медленно встал. Он был босиком, но ноги его были настолько черны, что создавалось впечатление, будто это калоши. Черные рваные брюки держались на бедрах при помощи веревки. Поверх голого торса был надет короткий, словно на ребенка, зековский ватник.

— Спал, Михалыч, — низким хриплым голосом ответил Гуря, пряча руки за спиной.

— Врешь ведь! Не спал! Ну, признайся, что не спал! — донимал его участковый.

— Ага, Михалыч, — тотчас сознался Гуря.

— Вот товарищ из прокуратуры тобой заинтересовался, — продолжал горланить из-за плеча Воронцова Шурик.

Гуря не изменился в лице, но по-прежнему смотрел на незваных гостей исподлобья, словно из-за какого-то физического недостатка не мог держать голову прямо. Широко раскрытые свирепые глаза, казалось, были наполнены кровью. Сутулые плечи он подал чуть вперед. Человек, никогда раньше не знавший Гурю, с полным основанием мог принять его за жестокого серийного убийцу.

— Руки покажи, — попросил Воронцов.

Гуря послушно протянул руки вперед. В одной из них он держал паяльник. Воронцов взял его, плюнул на палец и коснулся наконечника.

— Что паяем?

Гуря промолчал, вращая зрачками из стороны в сторону. Воронцов сделал шаг к столу, смахнул с приемника кусочки битого стекла и развернул громоздкий аппарат. Защитного кожуха с тыльной стороны не было, и пыльные внутренности, похожие на миниатюрную модель нефтекомбината, предстали на всеобщее обозрение. Воронцов просунул в глубь приемника руку и вынул оттуда обмотанный изолентой микрофон, какие выпускали в нашей стране лет сорок назад.

— А это что?

Гуря продолжал молчать. Воронцов оборвал провод, которым микрофон был связан с приемником, и через плечо передал улику участковому. Тот, полагая, что следователь уже раскрыл какое-то техногенное преступление, немедленно вошел в роль и с пониманием стал рассматривать микрофон.

— Эх, Василий, с огнем играешь!

— Ага, Михалыч, — с грустью согласился Гуря.

Воронцов вдруг с силой хлопнул ладонью по крышке приемника, и Гуря, вздрогнув, втянул голову в плечи.

— Хватит дебила из себя корчить! Где ты был сегодня в шесть утра? Отвечать быстро!

Гуря издал какой-то нечленораздельный звук, потом пожал плечами и, наконец, тихо прохрипел:

— На торох ходил...

— На какой еще торох? Думаешь, я не знаю, что ты здесь паял? Думаешь, не знаю, для чего тебе эта бандура? В глаза смотреть!

Казалось, и без того тяжелая челюсть Гури стала еще тяжелее и медленно опускается к рыхлому животу. Искоса глядя бессмысленно-свирепыми глазами на следователя, он силился понять, что этот человек от него хочет.

— К «КамАЗу» подходил? Ты же не мог его не заметить, если в самом деле ходил на торф. Так?

— Ага, — выдавил Гуря.

Воронцов повернулся к участковому.

— Допрос по полной программе, — повернулся Воронцов к участковому. — Под протокол! А пока обыщи комнату!

Тот протиснулся в дверь и принялся ощупывать койку, которая оказалась к нему ближе.

— Шурик, — с мягким укором произнес Воронцов и улыбнулся, — я же просил обыскать.

— Ясно, — ответил участковый и с громким сопением принялся скидывать тряпки на пол. В воздух взметнулись клубы пыли.

— Здесь ничего, — сказал он, добравшись до продавленной и местами заштопанной проволокой сетки.

— Давай вторую!

Участковый скинул тряпье и со второй койки. Потом принялся за ящики стола. Гуря, выворачивая свои глаза цвета вишни, искоса смотрел, как на пол, словно горох, высыпаются радиодетали.

— Больше ничего, Юрий Васильевич, — доложил Шурик, вытряхнув последний ящик.

Воронцов наклонился и поднял с пола маленькую плату размером со спичечный коробок, с замысловатыми медными завитушками, похожими на египетский узор. Минуту он молча смотрел то на нее, то на Гурю и, наконец, спросил:

— А это откуда?

— Дак... — произнес Гуря, не сводя взгляда с платы. — Хлопцы дали...
Ще летось...

— Что он говорит? — поморщившись, повернулся Воронцов к Шурику.

— В прошлом году, говорит, дали.

— Разберемся, какие хлопцы и в каком году, — пообещал Воронцов и, сунув плату в карман, быстро вышел из комнаты.

Во дворе он отдышался, вытер платком взопревший лоб и доверительно сказал Даше:

— Не пойму, что за чертовщина? Какой-то заговор молчания. Быть такого не может! Даже если только в одной избе появится японский телевизор — через час вся деревня об этом знать будет. Правильно говорю, малыш?

— А у вас рукав в чем-то белом, — сказала Даша, не ответив на вопрос. — Снимайте пиджак, я почищу!

Тут и Шурик, сняв с крюка выломанную дверь, спустился во двор. Сев на бревнышко и стащив с головы фуражку, он с мольбой в голосе обратился к следователю:

— Может, прервемся пока, Юрий Васильевич? Вы ж баньку заказывали! И Дашу надо пристроить.

— Как это — пристроить? — не поняла Даша, глупо улыбаясь.

— Ты же не будешь на улице ночевать, правда? — сказал Воронцов, закуривая. — Пока ты должна оставаться в деревне, можешь мне понадобиться. Ведь придется допрашивать и обыскивать не только мужчин.

Ей показалось, в этой фразе прозвучал едва скрытый намек, но разгадать его она не успела. Внимание Воронцова привлекла девушка, которая, качая головой взад-вперед, широкими шагами пересекла двор. Увидев участкового, она замерла на месте. У нее было грязное, сморщенное, старушечье лицо с длинным, как у Буратино, носом. Повязанный на голове белый платок съехал набок, отчего открытым оказалось одно ухо. На узких плечах, как на огородном пугале, висела рваная коричневая кофточка. Юбка, сшитая, по всей видимости, из куска простыни, почти закрывала голые пятки. Маленький грязный ротик девушки был приоткрыт, изпод верхней губы выглядывали неровные зубы с налипшей на них черной шелухой от семечек. Она счастливо улыбалась и шмыгала носом.

Шурик нахмурился и махнул на девушку рукой, словно на стаю ворон, клюющих подсолнухи.

— Что сияешь, как самовар? — нарочито строгим голосом произнес он. — Иди домой! Иди с глаз моих!

Улыбка мгновенно сошла с лица девушки. Теперь она смотрела на него полными страха глазами, а ее нос, казалось, стал еще длиннее.

— Стоп, стоп! — вдруг сказал Воронцов. — А это кто такая?

— Это Зинка, Васькина сестра. Я ж вам рассказывал. Дурная она, Юрий Васильевич. Пусть идет с богом! Не трогайте ее, — поморщившись, ответил участковый.

— Стоять! — настойчивее повторил Воронцов и подошел к юродивой. Он заглянул в ее лицо, потом повернулся к Даше: — Ну-ка, обыщи ее!

— Обыскать? — потрясенно проговорила Даша, глядя на Воронцова широко раскрытыми глазами.

— Ну да, обыщи. Не нам же с Шуриком этим заниматься!

— Пусть идет, Юрий Васильевич! — с мягкой настойчивостью, какую еще позволяла субординация, попросил Шурик. — Ну что с дурочки возьмешь? Она в нашей деревне сроду никого не обидела и чужого не взяла...

— По статистике, дураки совершают убийства чаще, чем нормальные, — немедленно парировал Воронцов и, глядя только на Дашу, жестко повторил: — Делай, что я тебе сказал!

Даша на ватных ногах шагнула к Зинке, но тотчас остановилась и с недоумением посмотрела на следователя.

— Юрий Васильевич! Прошу вас, оставьте эту убогую в покое! — вскочил на ноги Шурик.

Зинка крутила головой на тонкой шее, глядя мелкими затравленными глазками то на Шурика, то на Воронцова.

— Что ж вы делаете! — устало произнес участковый.

Даша кинула последний взгляд на Воронцова и осторожно опустила руки на плечи юродивой. Та от щекотки неожиданно засмеялась — громко, с ломаным хрипом.

— Довольно! — остановил ее Воронцов. — Я пошутил!

— Пошла домой! — гаркнул на Зинку участковый и хлопнул в ладоши.

От этого звука юродивая вмиг замолчала и, согнувшись в три погибели, поскакала по ступенькам в избу.

Даша так и осталась стоять с поднятыми руками. Воронцов быстро подошел к ней и уже привычным жестом обнял ее за плечи:

— Молодец! Все хорошо... Я вот о чем думаю, Даша. Тебе надо учиться. У тебя прекрасные задатки.

Они вышли со двора.

— Учиться? — переспросила девушка, чувствуя себя все еще сбитой с толку.

— Да. Тебе надо поступать на юридический. У меня есть связи, и я могу тебе помочь.

— Вы серьезно? — ахнула Даша.

А Шурик, следуя за парой на почтительном расстоянии, кинул прощальный взгляд на избу с выбитым окном, перекрестился и тут же сплунул.

Глава 9

Повальные обыски и аресты

Чем дальше заходила Даша в деревню, тем тревожнее становилось у нее на душе. Она уже не прислушивалась к разговору Воронцова и участкового и все чаще кидала по сторонам настороженные взгляды. Ведь где-то здесь недалеко, может быть, за этим серым забором, или за этими хлипкими дверями, или в этом сарае, откуда доносился звон молочной струи, ударяющей в дно ведра, скрывается убийца — хитрая, расчетливая, опасная женщина. «Я знаю больше, чем Юра, и мне было бы намного легче найти ее, — размышляла она, невольно входя в роль следователя. — Что я знаю об убийце? Во-первых, что это одинокая женщина. Возраст? Валера говорил, что она старше его. Ну, предположим, ей сорок пять, может, даже пятьдесят. Работает, как и я, телятницей на ферме. Характер у нее не сахар, нрав крутой... Что еще? Еще я знаю, что у нее большой двор, куда запросто умещается «КамАЗ». И еще, что у нее есть баня... Вот, пожалуй, и все».

Следом за Воронцовым и участковым Даша подошла к колонке. В этом месте Глуховка упиралась в центральную деревенскую улицу, которая из-за прошедшего ливня больше напоминала обмелевшую реку. Повыше дороги, почти у каждого палисадника, стояли скамейки, кое-где на них сидели старушки. Белые платочки, руки лодочкой на коленях, полная неподвижность и статичность.

— Здрасьте! — первыми поздоровались старушки и тут же начали перешептываться.

— Здорово, бабули! — за всех ответил участковый, не испытывая никакого дискомфорта от столь пристального внимания. Своей формой и комплекцией он олицетворял государственную власть, законность и правопорядок и потому шел по центральной улочке так, как генерал перед строем солдат.

— Зловив убивцу, Михалыч? — сиплым голосом спросил высохший седой старик с большим малиновым носом, похожим на мочалку. — Говорю, шо будут повальные обыски и аресты? Правда чи брешут?

— Болтаешь много! — недовольным голосом буркнул Шурик, не удостоив старика вниманием, и, словно извиняясь, сказал Воронцову: — Деревня, Юрий Васильевич! Шила в мешке не утаишь... Сам до сих пор не понимаю, как это они успевают так быстро новости разносить?

«Вся деревня уже знает и про убийство, и про следователя! — мысленно ахнула Даша. — Еще день не прошел, а уже прогнали телегу по всем дворам! А вдруг та телятница подумает, что я свидетельница, и возьмется за топор?..»

Она живо представила себе худую женщину, с длинными, как у ведьмы, волосами, с безумными вытаращенными глазами, в длинной, до пят, ночной сорочке, идущую по туманному лугу и крепко сжимающую в руке огромный окровавленный топор. От этой фантазии ей совсем стало не по себе, и она начала поминутно оглядываться — не идет ли кто за ней по пятам?

— Нравится Упрягино? — с улыбкой глядя на нее, спросил Шурик.

— Очень, — сквозь зубы ответила Даша.

Наконец участковый остановился у деревянной калитки, открыл ее и зашел в узкий дворик, зажатый с двух сторон густым садом и избой, овитой диким виноградником.

— Заходите! — кивнул он Воронцову и Даше.

Из сада, глядя на пришедших подслеповатыми глазами, вышла старушка в телогрейке, держа в одной руке ржавый серп, а в другой только что срезанную свекольную ботву. Положив все это на лавку, она протянула вперед руки, растопырив пальцы, и уткнулась в грудь участковому.

— Вот, мамаша, познакомься, — сказал он, протягивая руку в сторону Воронцова. — Это главный прокурор. Приехал в Упрягино по важному государственному заданию.

— Батюшки-светы! — ахнула старушка, не сводя глаз с Воронцова, и покачала головой, выказывая свое почтение столь высокому чиновнику.

— А эта девушка поживет у тебя пару дней, — кивком головы представил Дашу Шурик. — Постели ей в большой комнате.

Подвижная, излучающая неподдельный интерес к гостям, старушка торопливо пошла к крыльцу.

— Проходи в хату, проходи... — повторяла она, открыв настежь дверь терраски.

Даша улыбнулась, взглянула на участкового, и он махнул рукой, мол, иди и ни о чем не думай. Воронцов, словно приглашение касалось и его, зашел в дом вслед за ними.

Первая комната напоминала то ли мастерскую, то ли продуктовый склад. У окна подпирал стену большой деревянный верстак, на котором стояла керосинка, тарелки, банка с вилками и ложками. Напротив громоздилась огромная деревянная кровать без матраца и постели, больше напоминающая театральные подмости. На нее были свалены мешки, часть из которых были раскрыты, и можно было увидеть сахар, гречку, пшено и другие крупы. От печи шло тепло, рядом стояли ухваты.

Старушка распахнула вторую дверь и показала рукой на комнату.

— Заходите... заходите...

— Отличные апартаменты! — громко сказал Воронцов, на всякий случай пригибая голову, огляделся и сел на большой сундук, стоящий у стола.

— Располагайтесь, — сказала старушка, с некоторым недоумением глядя на следователя. Она подумала, что неправильно поняла сына, и гостить у нее будет не только девушка, но и этот красивый молодой человек, и теперь мучительно гадала, кем они друг другу приходятся. От этого зависело, стелить им вместе или порознь.

Боясь, как бы ее не попутал бес, она невнятно пробормотала еще что-то и скоренько вышла из комнаты, чтобы уточнить все нюансы у сына.

Даша ходила по крашеному дощатому полу и с интересом рассматривала черно-белые фотографии в дешевых картонных рамках, развешенные повсюду.

— Ой, а вот и участковый! Молоденький! А худой какой! А это кто? На Вальку, мою подругу, похожа...

Воронцов встал с сундука, подошел к девушке, взял ее за плечи и повернул лицом к себе. Даша смотрела на маленькую ямочку на его подбородке и даже дышать боялась.

— Не торопись сегодня ложиться спать, — тихо проговорил он. — Дождись меня.

Даша почувствовала, что от волнения у нее учащается дыхание, и, густо покраснев, кивнула.

— Поможешь мне, — добавил Воронцов. — Пойдем с тобой следить кое за кем. Только смотри, об этом никому...

Смысл этих слов дошел до Даши не сразу, ибо она ждала совсем других.

«Хорошо, что сразу кивнула», — с запоздалым ужасом подумала она и представила жуткую сцену: на просьбу Воронцова не ложиться рано она гордо заявляет, что является девушкой порядочной, и не будет спать с мужчиной, которого знает слишком мало, а он смотрит на нее с недоумением и вдруг начинает громко хохотать...

Нарисованная в воображении сцена была настолько позорной, что Даша едва не лишилась чувств. Не заметив покрывшего лицо девушки румянца, Воронцов быстро вышел из комнаты.

Глава 10

Хвигаро

Они выпили еще по одной. Воронцов хоть и морщился, но не отказывался.

— Самогонка-то твоя? — спросил он, внимательно рассматривая то, что осталось на дне стакана.

— Моя, — солгал Шурик. Ему не хотелось признаваться, что самогонку ему всегда поставляет Евсей.

Они сидели в саду под грушей за деревянным одноногим столиком. Солнце катилось к западу, небо полностью очистилось от облаков, и теплые солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви, разливались золотыми лужами по траве. Большую часть стола занимала тяжелая сковорода с яичницей, желтки которой были оранжевыми, словно вечернее солнце. На разных тарелках лежали крупно порезанные соленые огурцы, кусочки сала с красной мясной прослойкой, хлеб, стрелки лука, томленная в чугуне картошка и похожие на обломки корявых черных веток кусочки крепкой домашней колбасы.

Шурик поднял с земли трехлитровую банку и, снова наполнив граненые стаканы, поднял свой и произнес:

— Круто вы работаете, Юрий Васильевич, круто.

— Да брось ты, Михалыч, — как от зубной боли, скривился Воронцов, решив, что участковый ему льстит. — Разве это работа? Разве такая работа может принести удовлетворение?

— Чем же вам эта работа не по душе?

— Если бы ты знал, какие я дела раскручивал! Какие бабки через мои руки проходили! Каких авторитетов я сажал! — усмехнулся Воронцов. — Когда мы вели дело о коррупции, передо мной министры на цыпочках ходили! А что тут? Навоз, мухи и опять навоз...

— Что ж вы сравниваете! — ответил Шурик, глядя на стакан, который все еще держал в руке. — Это деревня. Здесь люди простые, не знатные...

— Мало, что простые, — перебил его Воронцов, — вы еще и ленивые! Что, трудно шпатель покрасить? Дорожки кирпичиками выложить? Рубашку и штаны постирать? Бочку на березу подвесить и душ сделать?

— Вы все правильно говорите, — каялся участковый, прикладывая руку к груди. — Да народ у нас бедный! Где взять деньги на краску, на кирпичики да на бочку?

— Ладно! — отмахнулся Воронцов. — Все это отговорки! Все это лишь повод, чтобы не работать. А как вы говорите? «Летось», «чаго», «яго»... Это что за язык?

— Бабки старые так говорят... — смущенно покачал головой Шурик. — Ну, не переделаешь их уже, Юрий Васильевич. Простите их, бога ради.

Воронцов великодушно вздохнул и, наконец, тоже поднял стакан.

— Давай за тебя, Михалыч! Честно говоря, мне тебя жаль. Живешь ты в дерьме, и, может быть, не удавился только потому, что еще сам не знаешь, в каком дерьме живешь. — Он выпил, поставил стакан на стол, поддел вилок кусочек сала и, старательно жуя, продолжил: — Не сердись, Михалыч. Мы с тобой один крест несем. Думаешь, мне очень охота заниматься этим делом? Да будь моя воля, я давно бы скинул его какому-нибудь начинающе-

му следу. Но что толку? Возьмусь за другое дело, буду корпеть днями и ночами, мозги в пыль перетирать, найду преступника, доведу дело до суда. И что? Справедливость восторжествует? Как бы не так! Сядет «шестерка», тупой исполнитель, а организатор будет гулять на воле, купаться в роскоши, ездить на «шестисотых» и спать с самыми красивыми телками. А что я? Получу благодарность и премию в размере одного должностного оклада.

— Как же, Юрий Васильевич, — осторожно возразил участковый. — Вы, конечно, правы, но все-таки мы с вами ищем убийцу, чтобы зло не осталось безнаказанным.

— Ты, Михалыч, святой и наивный, как конь. «Зло»... «Не осталось безнаказанным»... — передразнил Воронцов. — Мы с тобой ходим из дома в дом, топчем помет, и все ради того, чтобы найти эти проклятые телевизоры и вернуть их зажавшемуся торгашу. Мы стараемся ради его прибыли, понял? И ты думаешь, он с тобой поделится?.. Наливай!

Тут к столу подошел босоногий мальчишка лет четырех-пяти в коротких шортах. В руках он держал трехлитровую банку с какой-то мутной жидкостью и безостановочно тряс ее.

— «Донских» не было, — сказал он участковому, опуская банку на землю, — и я узяв две пачки «Хвеймейских». — С этими словами мальчишка вытащил из кармана две пачки сигарет и положил их на стол.

— Это что за чудо? — спросил Воронцов, с щелчком разламывая колбасное кольцо.

— Безрукого сын, — ответил участковый нехотя. — Я его в магазин посылал за сигаретами.

— Безрукого? — начал вспоминать Воронцов. — Это тот, который отморозил кисти на Рождество?

— Тот самый, — кивнул Шурик и, торопливо наполняя рот картошкой, отмахнулся от мальчишки, как от мухи: — Все! Иди двору! Быстро пошел!

— Ну-ка, мальчик, подойди сюда! — остановил паренька Воронцов. — Это что у тебя в банке? Самогонка?

— Масло бью, — ответил мальчишка, польщенный тем, что незнакомый мужчина заинтересовался его банкой.

— Масло бьешь? — искренне удивился Воронцов и, признавая свою некомпетентность, посмотрел на участкового: — Никогда не знал, как делают масло. Век живи, век учись!

— Все просто, — стал пояснять тот. — Наливают в банку сливки и трясут ее до одури. Да что масло! Я вам покажу, как моя жонка сыр делает!

Ему очень хотелось быстрее отправить мальчишку, но Воронцов сказал:

— Ну-ка, малец, сядь со мной рядом и скажи слово «фермерские», — попросил Воронцов.

— Хвеймейские, — ответил мальчишка и улыбнулся, думая, что с ним играют в какую-то занимательную игру.

— А теперь скажи «Фигаро».

— Хвигаё.

— Феноменально! — оживился Воронцов. — Нет, ты не говори «Хвига-ро», скажи «Фигаро».

— Хвигаё.

— Ты опять не понимаешь.

— Отпустите хлопца, Юрий Васильевич, — попросил участковый. — Его мамка волноваться будет...

Но Воронцов, будто не слыша его, продолжал забавляться:

— А теперь скажи «ферма».

— Хвейма, — едва сдерживая смех, ответил малыш.

— А твой папа сегодня утром на ферму ходил?

— Кто? — не понял мальчишка.

— Батяка твой.

— Не! Не на хвейму, — ответил мальчишка и покрутил стриженной наголо головой.

— А куда? — вкрадчиво спросил Воронцов.

— На Зайчье.

— А зачем?

Мальчишка вдруг изменился в лице. Может быть, оттого, что Воронцов увлекся допросом и, забыв, кто перед ним, перестал улыбаться.

— Я не знаю...

— Может быть, он ходил в магазин за телевизором? — подсказал Воронцов. — Он принес домой новый телевизор, так ведь?

Мальчишка застыл с раскрытым ртом. Кажется, он перестал понимать смысл игры и отрицательно покачал головой. Шурик засопел и начал давиться солеными огурцами.

— А я не люблю обманщиков, — шепотом произнес Воронцов, пристально глядя в глаза пацана, и погрозил ему пальцем. — У того, кто говорит неправду, язык превращается в змеиное жало...

Вдруг мальчишка, то ли от испуга, то ли от невнимательности, выронил банку. Она, как назло, упала на осколок кирпича и лопнула. Матовая сыворотка тотчас впиталась в землю, и среди осколков остался лежать кусок ослепительно желтого масла размером с кулак.

— Что батяка твой безрукий, что ты! — гаркнул на него Шурик. — Иди двору! Нехай matka врежет тебе по уху!

Губы мальчишки стали вытягиваться книзу, белесые бровки обвисли, и на глаза навернулись слезы. Вскочив с лавки, он бегом кинулся в кусты смородины и исчез за ними.

Воронцов активно приналег на яичницу, а Шурик каким-то бесцветным голосом произнес:

— Баня готова, Юрий Васильевич. Вы идите сами. Там на полатях и веник запаренный, и щелок, чтоб голову помыть, и тазик. Если надо будет духу добавить, плесните на камни чуть-чуть...

— А ты что ж? — спросил Воронцов, не совсем уверенно поднимаясь из-за стола.

— Я банькой давно не интересуюсь, — ответил Шурик, потирая грудь. — Давление у меня скачет.

Глава 11

Не довез

Тут к месту будет рассказать о том, куда делся труп из перевернутого «УАЗа».

В то время, когда Довбня и водитель разыскивали ближайшую аптеку, к машине, лежащей кверху колесами, подъехал дед в черном пиджаке и кепке. Он потянул на себя вожжи, крикнул костлявой, с непомерно раздувшимся животом кобыле «тпру!» и с завидной для своего возраста прытью соскочил на землю. Ахая, опустился на корточки и стал заглядывать в салон — точно так же, как это недавно делал перепуганный медик.

— Есть кто живой? — сиплым голосом окликнул дед и склонил голову набок — так ему лучше было слышно.

Не уловив ни стонов, ни криков о помощи, он вскочил на ноги и, упираясь слабыми руками в заляпанный борт, попытался перевернуть машину. Не справившись, кинул недвусмысленный взгляд на свою кобылу, которая, коротая время, вдумчиво пощипывала травку. От адской работы усталое животное спасло только чудо. Старик уже хотел взять машину на буксир, как его взгляд упал на закрытые створки фургона. Справедливо полагая, что в фургоне с красным крестом могут находиться люди, он распахнул створки и, громко ахнув, склонился над неподвижным телом:

— Эй! Живой?

Не получив ответа, дед схватил покойника за руки и выволок на траву. Опустившись перед ним на колени, торопливо расстегнул несколько верхних пуговиц его рубашки и прильнул ухом к груди. Дед был туговат, но ему показалось, что из недр остывшего тела еще доносятся слабые удары.

— Эй, хлопец! Молодец! Молодец! — обрадованно воскликнул он и, сделав глубокий вздох, прижался своими морщинистыми губами к синему рту

покойника, старясь вдохнуть в его легкие воздух. Оторвавшись, отдышался и с прежней решимостью принялся взваливать безвольное тело себе на плечи. Несчастный оказался тяжелее, нежели мешок с картошкой, какие ему приходилось таскать на себе каждую осень, и все же фронтовая закалка не подвела. Кряхтя, едва передвигая полусогнутые ноги в стоптанных кирзачах, он подтащил мертвеца к телеге и, прижавшись грудью к оглобле, скинул его на тонкую подстилку из слежавшегося сена. С трудом распрямившись, погладил себя по пояснице, покачал головой и проворчал:

— Ах, господи! Спина болит, называется, в бане был...

Сев на край телеги, он взмахнул плетью и крикнул баском:

— А ну, пошла, р-р-родимая!

Кобыла, взмахнув седым хвостом, поплелась, по привычке лениво и неторопливо, но старик хлестнул плеткой по ее облезлому крупу, заставляя идти рысью:

— Эй! Гей! Пошла! Пошла!

Грохоча колесами, телега покатила по лугу. Дед стащил с себя пиджак, смял его и затолкал под голову покойника.

— Потерпи, хлопец, потерпи! До больницы недалеко...

Сельская больница располагалась в дубовой роще и представляла собой полдюжины избушек, отштукатуренных и побеленных известью. В невысоком заборе из крашеного штакетника стояли створки ворот, всегда распахнутые настежь. Дед, продолжая беспощадно стегать перепуганную кобылку, въехал под кроны дубов. Спрыгнув на ходу, он засеменял к медичкам, которые сидели на крыльце и лузгали семечки.

— Авария! — задыхаясь, произнес дед, подбежав к девушкам. — На большаке... Машина вверх колесами... Раненого привез...

— Теть Валь! — неожиданно звонко крикнула одна из девушек. — Больного привезли!

Дед глянул на дверь, полагая, что врачаха появится именно оттуда, но тут из-за дома, с тяпкой в руке, с черными от земли руками, вышла немолодая женщина. Бросив тяпку под ноги, она подошла к ручноймойнику, ополоснула руки, вытерла их о вафельное полотенце и, наконец, посмотрела на него:

— Что случилось, дедуля? Где твой раненый?

— Там! — ответил он и махнул рукой на кобылу.

— Девчата! Носилки! — скомандовала врачаха и быстрым шагом направилась к телеге.

Едва она приблизилась к человеку, лежащему на телеге, на лицо ее легла тень сомнения. Прежде чем пощупать у несчастного пульс, она еще раз мельком взглянула на деда и спросила:

— А давно случилась авария? Когда ты его подобрал?

— Да недавно! — ответил дед, с трудом скрывая тайное желание получить от всего медицинского персонала выражение благодарности за спасение человека. — Он еще дышал. И стонал, кажется...

Врачиха сунула руки в карманы фартука, отошла от телеги и как-то странно посмотрела на старика:

— Он умер, дедуля. И, по-моему, уже давно.

— Как? — не расслышал дед. — Уже умер?! — Он крикнул, покачал головой и стащил с нее кепку. — Не довез, стало быть...

— Сядь на скамеечку, отдохни, — предложила врачиха. — А я позвоню в ГАИ...

Глава 12

Шпион иностранной разведки

Бабуся потерла картошку на мелкой терке, превратив ее в кашицу, добавила пару яиц, немного муки и соли и стала выкладывать тесто на разогретую сковородку. Даша сидела на ступеньках крыльца и смотрела, как на луг тонкими струями медленно наползает туман. Речка змейкой вилась вдоль оврагов. Поверхность воды невозможно было увидеть из-за плотных зарослей кустарников и патлатых вётел.

«Отчаянная женщина! — подумала Даша про предполагаемую женщину-убийцу. — С деревни весь луг виден как на ладони. Не выходя со двора можно посмотреть, как пасутся гуси, и что делает мужик — торф копает или водку пьет. А она не побоялась чужих глаз. И повезло же: никто не заметил ее на лугу».

— Ходи вечерять! — позвала старушка, скидывая последние картофельные оладьи на тарелку.

Они сели за стол на терраске у открытой двери. Вечерняя прохлада опустилась на двор. Весело чирикали воробьи, порхая среди веток яблонь. В тишине было слышно, как с глухим стуком падает на землю перезревший «белый налив».

— Варенье тебе дать? — спросила бабушка, наполняя стакан молоком.

— А разве можно картошку с вареньем? — удивилась Даша.

— Яка ж то картошка? То драники. Ты варенье совсем не еси? А дома еси?

Даша рассеянно кивала, скручивала драник трубочкой, отламывала по кусочкам хлеб и думала, как бы ненавязчиво спросить про пессию дальнобойщика.

— А я ж, знаешь ты, хлеб чарствый не могу, нет зубов. Так паченье это куплю, размочу в кипяченой воде, тоди мне мягчее, а так оно сухе ладно.

— Говорят, — с деланым безразличием произнесла Даша, — у вас тут живет женщина, к которой мужик на грузовике повадился ездить...

— Жила! — поправила бабуса и, не сдерживая эмоции, взволнованно заговорила: — Спит уже вот другой год! Двадцать шестого мая в прошлом году умерла. У воскресенье я вышла к колонке, мне тут дядька один говорить: «А мне сегодня некогда». Я говорю: «А что ты будешь делать?» — «Кирилловну хоронить!» Я говорю: «Ты что ж, с ума сошел?» — «Умерла!» Она, значит, набрала семян яких-то, вроде с гарбузов, узяла сапку и пошла в сад, борозенки проделать и сеять то семяно. И там сразу присела и застонала. Сосед ее выбежал, за плечи ее узяв, но она больше уже не дыхнула, не стала говорить и сразу скончалась... О-яё-яё, голова-головушка! Она была женщина очень находчивая...

— Нет, — возразила Даша, запив молоком желтый хрустящий драник. — Это не та женщина. Я о другой говорю. Ей, должно быть, лет сорок пять. К ней мужик на огромном грузовике несколько раз приезжал, машину во двор загонял.

— Да кто в Упрягино приедет? Навряд... Який-либо тупица, что ему больше деться негде?

— А ферма отсюда далеко?

— Хверма? Не, не далёко. На Молщине... А на что тебе хверма?

Даша не ответила, оставила тарелку и вытерла платком выпачканные в масле губы.

— Чи ты годи? Ой, мало ж ты еси! Худая какая! Может, тябе узвару налить?

Даша не знала, что такое узвар, и на всякий случай отказалась. Она только хотела унести со стола тарелки, как бабуля прытко вскочила с табуретки и засуетилась:

— А, нехай! Клопот! Сама приберу! Может, отдохнула бы ты на диване? После дороги? Автобус, наверное, переполнен? У нас тут некоторые ездять то в город, то еще куда, и говорят: «Невозможно ни билета достать».

— Рано еще отдыхать, — ответила Даша, — во дворе посижу.

Уже начало темнеть, стало сыро и прохладно. Ее охватила неприятная дрожь — то ли от сырости, то ли от нетерпения. Она даже приблизительно не знала, когда именно придет Воронцов, сколько его еще ждать. По краям улицы, где можно было пройти, тащились коровы и овцы. Старухи, встречая свою скотину, вышли из дворов. Коровы трубно мычали, соскучившись по родному стойлу. Трусливые овцы, сбившись в небольшие кучки, жалобно блеяли. Сгорбленные, а потому похожие на вопросительные

знаки старушки все как одна опирались на палочки, и каждая держала в руке кусочек хлеба и веревку. Коровы, глядя добрыми глазами на хлеб, тянулись к нему своими липкими носами, шумно втягивали воздух, осторожно брали угощение мохнатыми губами и тотчас попадались рогами в веревочную петлю, чтобы потом покорно пойти за хозяйками в сумеречные дворы.

У калитки, рядом с которой сидела Даша, пугливо стучали копытами три черные овечки. Они боялись ее и не решались зайти во двор. Старушка сгребла со стола хлебные корки, с которыми не справилась беззубым ртом, и пошла к калитке.

— Шу-шу-шу-шу! — звала она овец, вытянув на ладони корки. — Идите в пуню! А ну, пошли!

Овцы, увидев хозяйку, решили рискнуть. Жадно и торопливо схватывая хлеб, они галопом проскакали мимо Даши. Старушка заперла за ними сарай на большой амбарный замок и присела рядом с Дашей.

— А ты Шурика моего раньше знала?

— Нет, — односложно ответила Даша и отвернулась, снова глядя на дорогу. Ей не очень-то хотелось рассказывать, как она оказалась в Упрягине, и, чтобы перевести разговор, спросила, мало интересуясь ответом:

— А дети у вашего сына есть?

— Дети? А как же! Ёсть!.. — обрадовалась старушка новой теме. — Ну, вот у Шурика моего баба. Она родилась через пять годов после войны. Теперь она, значит, работает на хверме. И вот, значит, что ты думаешь? Дали шашнадцать борозён по километру бураков прополоть. Старшего Витьку на хверму водит, а малых — полоть бураки. Ей даже некогда присесть. Без конца работа. Настоящий той самый пригон. Так же и у Шурика. Он изнурен увесь. Яще як на тое горе нашли на лугу убитого. Убитого или умершего...

Но Даша уже не слушала старушку. В ее голове колоколом гремело сенсационное открытие: «Жена Шурика работает на ферме! Родилась она через пять лет после войны. Значит, ей сейчас пятьдесят один! Все сходится!»

Неожиданная версия, свалившаяся ей на голову, словно ньютоново яблоко, настолько взволновала ее, что девушка встала и быстро подошла к калитке, вглядываясь в потемневшую улицу, на которой уже с трудом можно было различить смутные контуры хаток. «Ну, где же Юра? Где же? — едва справляясь с нахлынувшим нетерпением, думала она. — Конечно, он сначала станет смеяться надо мной. Скажет, глупая, тебе еще учиться и учиться криминалистике. И тогда я выложу ему главный козырь. Я спрошу у него, а почему нет никаких следов убийства? Почему Шурик никого не подозревает? Разве в деревне мало нечистых на руку людей? А почему он так уверен, что ворованные телевизоры никто не вывезет за пределы де-

ревни? А? Вот где собака зарыта! Все ответы сводятся к одному: водителя убил сам Шурик вместе со своей женой!»

Даша даже застонала от нетерпения.

— Я за водой схожу! — сказала она старушке и, схватив два ведра, кинулась к колонке.

— Ты ж бы батарейку взяла! — с опозданием предложила старушка фонарик.

Даша подошла к колонке, повесила ведро на рычаг и надавила на него. Ледяная вода брызнула во все стороны. Несколько капель попали Даше на лицо и голые плечи. Она вздрогнула и поежилась.

«А вдруг Юра об этом давно догадался? — подумала Даша и почувствовала, как настроение у нее резко пошло вниз. — И сейчас мы пойдем следить за домом Шурика?»

Расплескивая воду, она медленно шла назад. Энтузиазм ее исчерпался.

— Ставь ведра на ганок, — сказала старушка, когда Даша зашла во двор. — Я сама отнесу в хату.

Даша с размаху поставила ведра на верхнюю ступеньку крыльца, и на ее ноги выплеснулась вода. Она ойкнула, отскочила в сторону и только тогда увидела сидящего на скамейке парня.

— Добрый вечер! — сказал он.

Это был Лешка. В голубом джинсовом костюме и кроссовках он уже совсем не походил на того босяка, с которым Даша виделась днем. Лешка встал и поставил на скамейку переносной магнитофон, который до этого держал на коленях. Из динамиков звучала негромкая музыка, какая-то певица надрывно пела о любви.

— Пойдем в Глазово, — сказал он. — Сегодня в клубе фильм хороший.

— Не могу, — не задумываясь, ответила Даша.

— Почему?

Она не ответила, села на скамейку. Лешка тоже сел и, поставив магнитофон на колени, спросил:

— Шурик что-нибудь говорил обо мне?

— Говорил, что ты женат, и у тебя трое детей.

Лешка некоторое время молчал, потом вдруг ожил, расправил плечи и качнул головой.

— Да ладно шутить! Я серьезно.

— Ничего не говорил.

— А про деда моего?

— И про деда ничего не говорил.

Лешка какое-то время молчал, раздумывая, как бы его неудержимая словоохотливость не наделала беды. Наконец осторожно произнес:

— Я ж не знал, по какому делу вы к нему пришли. Думал, что за самогонку. Но разве это спекуляция? Еще недавно сто грамм он продавал по три рубля пятьдесят копеек. Теперь по четыре. Это что, деньги? Только за дрожжи он половину своей пенсии выкладывает. Какой у него навар? Куррам на смех!

— Что ж, суд примет во внимание твое чистосердечное признание, — улыбаясь, сказала Даша.

— Да ладно тебе! — махнул рукой Лешка и окончательно расслабился. — Дед никому ничего плохого не сделал. А то, что самогонкой торгует, так от этого народу только польза.

— Да! — серьезным голосом подхватила Даша. — Об этом следователь уже доложил в генеральную прокуратуру. И теперь твоего деда наградят орденом Дружбы народов.

Лешка рассмеялся, подсел к Даше поближе и заговорщицки зашептал:

— Слушай, а пошли ко мне! Мы утром поросенка забили. Сделаем шашлычки из парной свинины. А?

— Я бы с удовольствием, — вздохнув, ответила Даша, — но, к сожалению, это будет расцениваться как дача взятки должностному лицу. К тому же перед сном я обязана сдать начальнику свое табельное оружие и бронжилет.

Леша нахмурился и засопел.

— Не пойму, серьезно ты говоришь или шутишь все время, — признался он.

«Хочешь серьезно — поговорим серьезно», — подумала Даша и спросила:

— Скажи, пожалуйста, ты когда-нибудь видел жену участкового?

— Жену? — с удивлением переспросил Лешка. — А кто ее не видел? Подумаешь, звезда!

— Как ты думаешь, она может изменить своему мужу?

— Ну и вопросыки у тебя! — Лешкино лицо вытянулось от удивления. — А я откуда могу знать? Я за ней не слежу.

— Жаль, — ответила Даша. — Ты мог бы оказать следствию неоценимую услугу.

— Может, я окажу неоценимую услугу чем-нибудь другим? — предложил Лешка и придвинулся к ней вплотную.

— А что ты умеешь? — усмехнулась она, отталкивая его от себя локтем.

— Хочешь, буду твоим личным телохранителем?

— Моим телохранителем? Да я окончила школу карате! Меня преступники за версту обходят!

— Тогда... тогда я буду твоим экспертом по древесине! — запальчиво предложил Лешка и, соскочив со скамейки, опустился на корточки у ног Даши, глядя на нее влюбленными глазами.

— А почему по древесине?

— Потому что я учусь на мастера-краснодеревщика. По любой щепке я могу определить сорт древесины, ее возраст, свойства, сколько она пролежала в воде, чем ее обработали...

— Утомил! — прервала его Даша и, шутя, закрыла уши. — А твой дед утверждает, что ты молчун, и из тебя слово щипцами не вытянешь.

— Просто с дедом мне не о чем разговаривать, — поскучившим голосом ответил Лешка и тут заметил: — А ведь ты замерзла! Ну-ка, быстро надевай мою куртку!

Он решительно стащил джинсовку с себя, но накинуть ее на плечи Даше не успел. Калитка со скрипом открылась, и во двор быстрым шагом вошел Воронцов. Даша при его появлении вскочила на ноги, желая показать, что она не имеет никаких дел с Лешкой. Ей было неприятно, что Юра увидел ее в его обществе.

— Ты готова? — коротко спросил Воронцов и, повернувшись к Лешке, небрежно бросил: — А вы, молодой человек, пока свободны.

Восприняв его слова как пощечину, Лешка молча удалился, с силой хлопнув за собой калиткой. Ненависть к следователю переполняла его, вспыльчивая натура требовала отмщения, но вся эта необузданная молодая энергия, словно пар, растворялась где-то в ночном звездном небе. Бормоча что-то малопонятное, он быстро шел по тропинке домой. Можно сказать, что его прежним врагам и обидчикам сильно повезло, что они не повстречали его в этот вечер.

А Даша, взволнованная не совсем складной встречей с Воронцовым, торопливо юркнула в сени, а оттуда прошла в комнату. Старушка, несмотря на то, что свет был выключен, не спала. Даша слышала ее тихий размеренный голос. Казалось, что она разговаривает с кем-то, спрятавшись за шторкой на печи. Даша хотела зажечь свет и спросить про телогрейку, но так и замерла с поднятой рукой.

— Господи! Прости меня, господи!.. — тихо молилась старушка, не обратив внимания на лязг дверного крюка и скрип половых досок.

«Что ж она такого наделала, раз так раскаивается?» — подумала Даша и тихонько зашла в комнату. Включила свет, заглянула на печку, потом подняла тяжелую крышку сундука и нашла там новенькую, едко пахнущую красителем телогрейку. Она надела ее, застегнула на все пуговицы, закрыла крышку и села на сундук. «Бабуся все знает! Она знает, что Шурик убил водителя, и потому теперь замаливает этот грех... Может быть, имен-

но здесь, в этой хате, спрятаны телевизоры. Удобнее места не придумаешь! Юре никогда не придет в голову устраивать здесь обыск!»

Она приблизилась к окну и осторожно отдернула занавеску. Воронцов прохаживался по двору и курил. Даша видела его призрачный силуэт, освещенный луной, как вспыхивал красный уголек его сигареты.

Соблазн немедленно подвести Воронцова к раскрытию преступления был настолько велик, что она кинулась к выключателю, зажгла свет и, опустившись на четвереньки, заглянула под кровать, ожидая увидеть там фирменные коробки с надписью «Sony», но ее взору предстали лишь банки с вареньем, что ее весьма удивило.

«Нет, это впопыхах не делается! — подумала она, вылезая из-под кровати. — Не буду пока ничего ему говорить. Сама найду телевизор и сделаю ему сюрприз».

— Долго собираешься, — мягко упрекнул Воронцов, когда Даша вышла во двор.

Ее снова начал одолевать озноб, хотя в телогрейке было совсем не холодно. Темные силуэты хат с черными окнами напоминали ей склепы. Тишина казалась гнетущей. Было настолько темно, что Даша боялась споткнуться и упасть. Воронцов, в отличие от нее, шел по ночной Глуховке спокойно и уверенно, будто родился и вырос на этой улочке. Иногда он останавливался и оглядывался, словно желая убедиться, что Даша не потерялась или не сбежала, струсив.

«Наверное, мы идем на луг, — подумала Даша. — Я догадываюсь, зачем. Он знает, что преступник всегда возвращается на место преступления...»

Она уже начала рисовать в своем воображении залитый серебристым светом луны луг и смоляную поверхность реки, и сизый туман, цепляющийся за кусты, и как из этого тумана материализуются две призрачные фигуры: Шурика и его жены. Вот убийцы подходят к реке и смотрят на то место, где лежал труп водителя, и глаза их начинают светиться, губы растягиваются в злобной ухмылке...

Воронцов так резко остановился, что Даша сослепу налетела на него, неловко ткнувшись лицом ему между лопаток. Он обернулся, опустил ладонь ей на затылок, приблизил губы к ее уху и шепнул:

— Пожалуйста, все делай очень тихо...

Они стояли напротив хаты Васьки Гури. Воронцов кивнул Даше и медленно пошел во двор. «Так вот, оказывается, кого он подозревает!» — подумала она и даже расстроилась. Ночная прогулка по лугу вместе с теми кошмарами и ужасами, которые она себе представляла, выглядела куда более привлекательной, нежели слезка за чудаковатым Васькой и его юродивой сестрой. Даша медленно пробиралась во двор за следователем

и недоумевала. В ее понимании Воронцов не только не приблизился к раскрытию преступления, но даже удалился от него, взяв неверный след.

Ступая на цыпочках за Воронцовым, она медленно подошла к разбитому окну, которое теперь было завешано рваной тряпкой, и только тогда увидела, что в окне горит тусклый свет. Воронцов кивком головы показал на противоположное от окна место, куда должна была встать Даша, а затем сунул руку под пиджак и вытащил оттуда пистолет. Из окна вдруг раздался какой-то щелчок, затем что-то зашипело, засвистело, а после в ночную тишину просочился хриплый голос Василия:

— Я «Голубой мяч»! Свободные радиолюбители, отзовитесь! Очень нужны резисторы «СП-три», конденсаторы «КТ-один», «ПМ-один». Прием!

Послышался хлопок, с каким взрываются лампы, затем что-то зашипело, и в воздухе запахло горелой проводкой.

Пытаясь разгадать смысл происходящего, Даша взглянула на Воронцова. Следователь стоял у стены, не двигаясь, и смотрел прямо в окно. «А я подозревала ни в чем не повинных людей, — подумала она, нервно покусывая губы. — Вот бы Юра посмеялся надо мной, если бы я предложила ему последить за участковым! Но чем же этот Гуря занимается? Может, разбирает ворованные телевизоры на запчасти и продает их? Но откуда у него радиостанция? И для чего эта конспирация? Можно подумать, что он шпион и работает на иностранную разведку. «Голубой мяч»... Надо же, какой глупый позывной...»

Даша ждала, что Воронцов вот-вот перейдет к решительным действиям, но тот, покачав головой, отвернулся от окна. Тогда она сама на цыпочках приблизилась к окну и заглянула в узкую щель между рамой и тряпкой. То, что она увидела, было, по крайней мере, странным. Гуря сидел за столом перед дымящимся приемником. Точнее, он полулежал на столе, подложив под голову кулаки. Даша видела лишь его лохматые рыжие волосы, но поняла, что Васька плачет. Его плечи вздрагивали, он негромко всхлипывал и мычал. Потом приподнял голову и стал обеими руками тереть свои красные выпуклые глаза, как это делают плачущие дети.

Внезапно сорванная с петель и приставленная к косяку дверь дрогнула и стала медленно сдвигаться в сторону. Воронцов быстро схватил Дашу за руку и, увлекая ее за собой, кинулся за угол дома. Ломая кусты малины и смородины, он нырнул в плотную тень, куда не проникал даже холодный свет луны, и прижал Дашу собою к шершавым бревнам.

Они даже дышать перестали, глядя из своей засады на крыльцо. Сначала можно было разглядеть лишь белое пятно, которое, словно облачко, беззвучно опускалось во двор.

— Юродивая, — едва слышно шепнул Воронцов.

Даша уже сама поняла, кто это. Она видела, что Зинка несет в руках большой таз. Остановившись посреди двора, юродивая опустила таз на землю, взяла оттуда комок мокрого белья и стала его расправлять.

Развесив тряпки, она подняла таз, водрузила его на голову, словно большую широкополую шляпу, и захихикала, кривляясь перед братом, который стоял на крыльце с приемником в руках.

— Спать иди! — сердито сказал Гуря. — А ну... — И сделал вид, будто собирается кинуть в нее приемник.

Зинка замолчала, от страха бросила таз под ноги и, проскочив под руками брата, исчезла в сенях. Гуря медленно сошел с крыльца, повернулся к сараю и, гукнув, с силой швырнул приемник в стену. Раздался удар, деревянный корпус хрустнул, звякнул и грохнулся на землю. Из него тотчас вывалился опутанный проводами динамик.

Он зло сплюнул и ушел в дом.

Глава 13

В России две беды

Сидя на корточках, сержант рассматривал глубокие следы протектора, отпечатавшиеся в сырой глине. Затем он выпрямился и, стараясь не слишком вымазать ботинки, пошел вдоль колеи. Он смотрел на следы так, словно это был экран телевизора, по которому шел документальный фильм о случившемся здесь происшествии.

— Здесь его занесло, — комментировал сержант, не поднимая головы. — Водитель попытался вывернуть руль влево, но машину потащило к кювету... А здесь, по-видимому, попытался затормозить, но машина пошла по инерции юзом, сползла в кювет и перевернулась...

Инспектор в звании капитана ходил по траве, заведя руки за спину. Он то ли слушал выводы сержанта, то ли думал о чем-то другом. Еще двое измеряли рулеткой пятно, где трава была примята, и рисовали на тетрадном листе схему.

Машина, в которой местный житель деревни Пашково обнаружил труп человека, исчезла. От нее остались лишь следы протекторов на дороге да примятая трава.

С каждой минутой капитан становился мрачнее тучи. Мало того, что он сумел пробиться к месту происшествия лишь к исходу дня, за что начальство по головке не погладит, теперь еще придется проводить весь комплекс оперативно-розыскных мероприятий, а это, как говорят в народе,

сплошной «головняк». Переживания капитана усугубляло то, что он никак не мог понять, что же здесь произошло. Где был водитель машины в то время, как старик затаскивал пострадавшего пассажира на телегу? Почему у пассажира не оказалось при себе никаких документов, а его одежда была мокрой, хоть выжимай?

Пытаясь вычистить ботинки о сырую траву, к капитану подошел сержант.

— Там, — показал он пальцем на дорогу, — следы снова появляются. Идут вверх по склону, а на дороге уже перекрывают двойную колею от грузового «ЗИЛа». Похоже, что здесь «УАЗ» сначала поставили на колеса, а затем на буксире вытащили на дорогу.

— Что надо сделать... — произнес капитан, глядя на дорогу. — Что надо сделать в первую очередь. Проверить подвижной состав в гаражах и парках станций «Скорой помощи». Во-вторых, проверить в организациях путевые документы... Ты записывай, записывай!

Сержант вынул из кармана потрепанный блокнот и ручку.

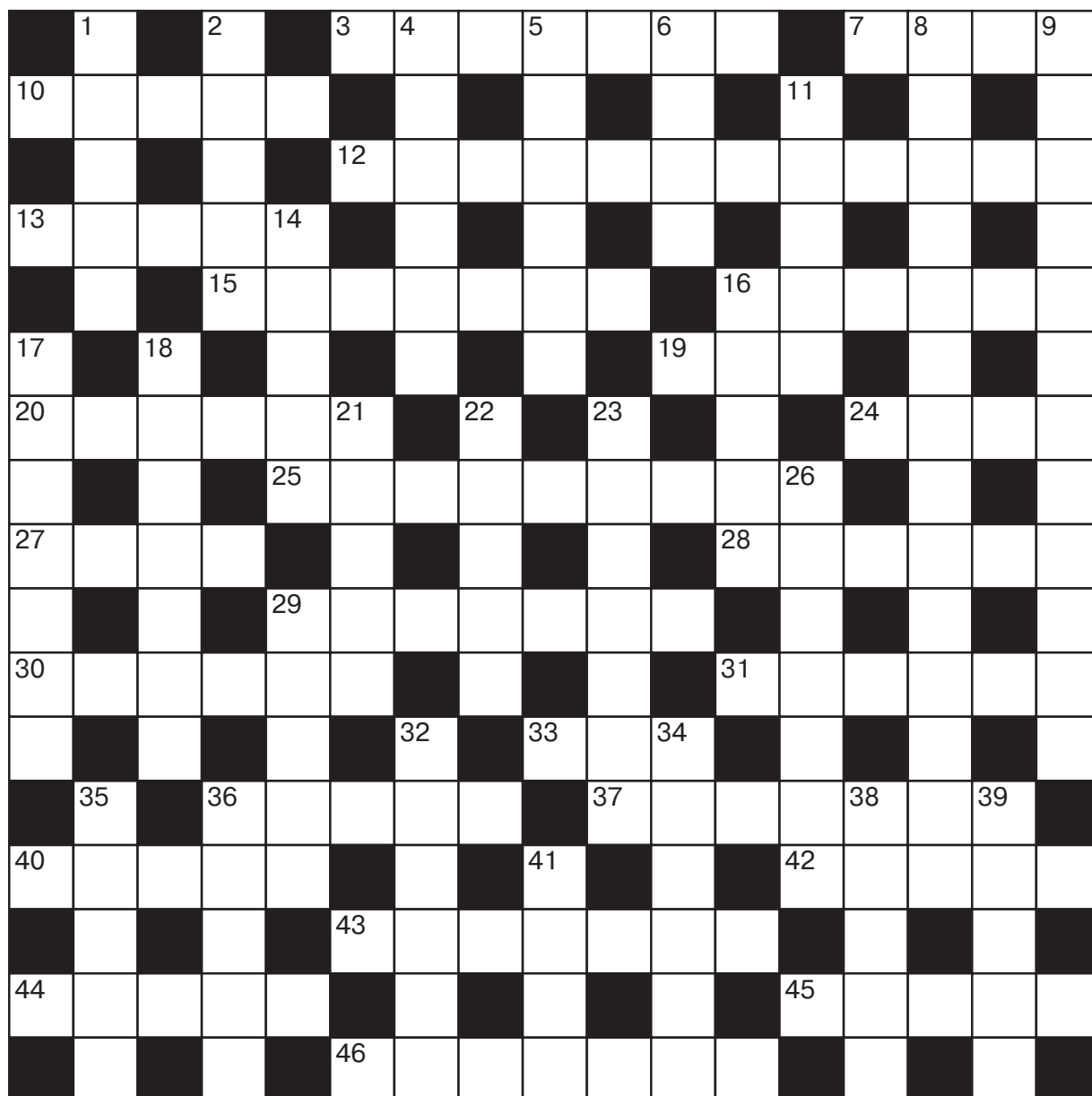
— И выставить посты на въезде в город, — добавил капитан. — Хотя, конечно, с постами мы уже опоздали.

Он в сердцах сплюнул. О какой оперативной работе можно было говорить, когда половина дорог в районе были грунтовыми! Дождь пройдет — и элементарная задача становилась невыполнимой. Двадцать первый век наступил, а самым надежным видом транспорта в этих убогих деревнях по-прежнему оставался гужевой.

— Поехали! — сказал капитан, подписав схему ДТП, и первым направился к серой милицейской машине, севшей в грязь по самое днище. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Фехтующий олимпиец. **7.** Только один человек из двух миллионов имеет ... дожить до 116 лет. **10.** Головной убор киношного археолога Индианы Джонса. **12.** «... никогда ничего не исправляет». **13.** «Беда от взгляда». **15.** Театр

«легкого поведения». **16.** Где героини фильма «Старые клячи» выиграли «целое состояние»? **19.** Китайский дракон, который мог стать невидимым. **20.** Самые дорогие места. **24.** Кристиания после 1924 года. **25.** Куда Остап Бендер вошел

со стороны деревни Чмаровки? **27.** «Плуг в стиле ретро». **28.** Французская певица, с которой Ивана Тургенева связывала история любви. **29.** Куда приходят, чтобы поболеть. **30.** Судьба такая выпала. **31.** Голливудский классик, считавший, что «кино состоит из экрана и множества кресел, которые нужно заполнить». **33.** «Детонатор» взрыва на трибунах стадиона во время футбольного матча. **36.** Занавес у шляпки. **37.** Кто спелся с мультяшной черепахой, что лежала на солнышке? **40.** Немецкий композитор, охарактеризовавший сам себя как «немузыкальный гений». **42.** Николай во главе «Мира искусства». **43.** Кого из братьев Карамазовых сыграл в кино Михаил Ульянов? **44.** Звук разгрызания. **45.** Среди людей, которые могут двигать ушами, только одна ... может двигать одним ухом. **46.** «Малогабаритная проза».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Куда доярка молоко сливает? **2.** Слившиеся ме-

таллы. **4.** Мастерская с портными. **5.** Заступ, чтобы рыть. **6.** «Самое забавное из всего того, чем я мог заниматься без смеха» для Вуди Аллена. **8.** Тренер начинающего водителя. **9.** Упражнение, чтобы улучшить дикцию. **11.** Лучший молочный напиток для снятия похмелья. **14.** Превращение муки в тесто. **16.** Что самое большое у самосвала? **17.** Единственное сумчатое животное местного происхождения в Северной Америке. **18.** Кисельный углевод. **21.** Какой металл иногда винят в смерти царя Ивана Грозного? **22.** «Социальная ...». **23.** Какой музыкальный инструмент подарил название особому типу зданий? **26.** Музыкальный шеф. **29.** «Кругом столько настоящих мужчин, а мне все мелкая рыбешка попадается» (голивудская суперзвезда). **32.** «Не ори, ... вылетит!» **34.** Светская, но не учтивость. **35.** Оттеночная... **36.** Обувная смазка. **38.** Закрома Земли. **39.** «Волшебная палочка» для художника. **41.** Скала мужского рода.

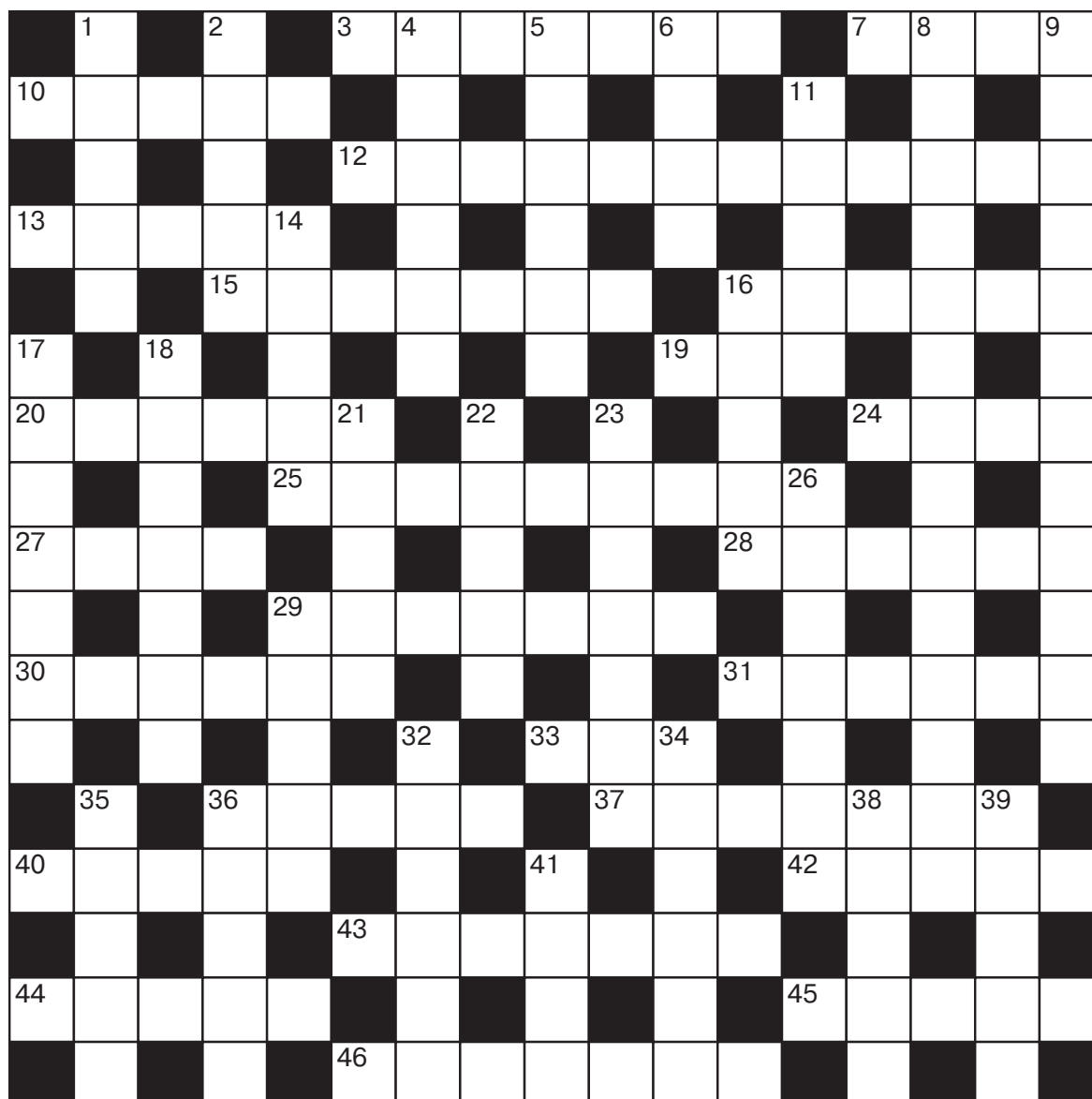
Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пауза. **7.** Смит. **10.** Воронеж. **12.** Охлаждение. **13.** Робуста. **14.** Авиатрасса. **15.** Бейсбол. **17.** Матроскин. **20.** Логик. **23.** Кудри. **24.** Локон. **25.** Буква. **28.** Русло. **29.** Чипсы. **30.** Атомоход. **32.** Киприот. **35.** Тормоз. **37.** Каас. **38.** Вельзевул. **41.** Нимб. **42.** Талейран. **43.** Флюид. **44.** Скат. **45.** Галантин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Токоферол. **2.** Сокурсник. **3.** Местком. **5.** Архивариус. **6.** Знахарство. **8.** Мениск. **9.** Трепач. **11.** Ядерщик. **16.** Лай. **18.** Нулин. **19.** Красс. **21.** Голограмма. **22.** Колосов. **25.** Будильник. **26.** Кларнет. **27.** Гастингс. **28.** Рок. **31.** Могул. **33.** Запрет. **34.** Ксенон. **36.** Земля. **39.** Ваза. **40.** Лена.

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой скульптор создал «Криптос», установленный на территории штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли? **7.** Итальянский город, где возможно возведут статую св. Раньеро, чтобы он своим мечом поддерживал 14 000 тонн падающего мрамора. **10.** Кто сделал пистолет, из которого Евгений Онегин застрелил Владимира Ленского? **12.** «Золотой

попугай» в аквариуме. **13.** Прозвище «самого легковесного» боксера. **15.** Традиционный женский костюм в немецких кантонах Швейцарии. **16.** Сычужный фермент. **19.** Обесцененная лексика. **20.** Легендарная прагматер норвежских королей. **24.** Тайнопись древних кельтов. **25.** Нынешняя сиводраха. **27.** Что в Америке первой половины XX века на-

зывали «вертикальной железной дорогой»? **28.** Какой сыр викинги брали с собой в плавание? **29.** Состязание по бегу на античных Олимпиадах. **30.** Соль лимонной кислоты. **31.** Колхидский стиль плавания без рук. **33.** Окунь из Днестра. **36.** Древняя кольчуга. **37.** Химический статус «сухого льда». **40.** Рисовая лапша. **42.** Казахская лепешка с кунжутом. **43.** Поза, чтобы медитировать, в кате-до. **44.** Одно из фракийских племен. **45.** Звезда английской эстрады. Свидетелем на собственную свадьбу он пригласил самого настоящего индейского вождя из Амазонии — его большого друга. **46.** Боевой топор азиатов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Русский художник «из ближнего круга» великого Вацлава Нижинского. **2.** Шахиншах, отравленный царицей Ширин. **4.** Какому божку древний римлянин молился перед тем, как отправиться в путь? **5.** Слепой, придумавший в 1829 году

азбуку для страдающих тем же недугом. **6.** Древнееврейская вуаль. **8.** Антитело на научный лад. **9.** Способ двумерной поимки трехмерности. **11.** Фехтовальная атака. **14.** Молодая скумбрия. **16.** Сирийские женщины верят в то, что можно потерять ..., если долго смотреть в зеркало. **17.** Мария Барбола с картины «Менины» испанца Диего Веласкеса. **18.** Вишневый пирог из Лимузена. **21.** Скифский колчан. **22.** Десятерная игра в преферансе. **23.** Белорусский хоровод. **26.** Рыболовная снасть на хищников. **29.** Где буряты молятся? **32.** Какое слово сказал во сне японский шпион из рассказа «Штабс-капитан Рыбников» Александра Куприна, и его сразу же разоблачили? **34.** Гвоздичный перец. **35.** Каким обручем в старинные времена прическу поддерживали? **36.** Молочная помадка. **38.** Эфиопский «танец тряски». **39.** Покровитель гейш. **41.** С какой рекой связано одно из победных для Александра Суворова сражений в ходе Итальянского похода?

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Маркс. **7.** Ключ. **10.** Сабейзм. **12.** Лопаточник. **13.** Аметист. **14.** Бьерндален. **15.** Арзамас. **17.** Варсовьян. **20.** Халиф. **23.** Кулей. **24.** Кайла. **25.** Кошун. **28.** Дарем. **29.** Бенну. **30.** Китоглав. **32.** Барокко. **35.** Вихрун. **37.** Каон. **38.** Кольдкрем. **41.** Наос. **42.** Аэронавт. **43.** Флори. **44.** Отта. **45.** Эстансия.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Казмирчак. **2.** Бестиарий. **3.** Изяслав. **5.** Адольфсдор. **6.** Квадривиум. **8.** Ланкло. **9.** Чакона. **11.** Поддьяк. **16.** Сак. **18.** Нудей. **19.** Чечня. **21.** Ластохвост. **22.** Флагдук. **25.** Кавальери. **26.** Щекотка. **27.** Окаванго. **28.** Даб. **31.** Эккер. **33.** Ваганс. **34.** Гнетей. **36.** Ноэль. **39.** Рэйс. **40.** Мода.

Уважаемые читатели! С 1 марта 2015 года открыта подписка на 2-е полугодие 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhon, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810600000000119
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044583119		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2015 года в любом отделении почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года. Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

